

сихъ враговъ; увольненіе его было уже рѣшено и намъ съ трудомъ удалось спасти его; спустя нѣсколько времени онъ вторично женился на какой то молодой русской торговкѣ. Эта подруга жизни помогала ему на ботаническихъ и фармацевтическихъ экскурсіяхъ, но за то оторвала отъ порядочнаго общества“. Онъ явился въ Харьковъ вдовцомъ 47 л. отъ роду съ дочерью 22-хъ. Розальонъ-Сошальскій также, какъ мы знаемъ, признаетъ Пильгера великолѣпнымъ практикомъ-врачемъ. Удачное лѣченіе его, говоритъ онъ, „взбудоражило весь медицинскій факультетъ; пошло представленіе въ министерство о томъ, что ветеринарный врачъ пользуется людей. Пильгеру предоставлено было для приобрѣтенія такого права выдержать соотвѣтственный требованію экзаменъ. Стара штука, говорилъ онъ, я уже позабылъ многое изъ той теоріи, которой учился; руководствуюсь во многомъ собственнымъ опытомъ, болѣе вѣрнымъ, чѣмъ теорія, а меня, безъ сомнѣнія, стали бы экзаменовать притязательно. Запрещено было выдавать по его рецептамъ лекарства въ дозахъ, какія принимаются людьми, но онъ прописывалъ лекарства для лошадей, а все-таки отбивалъ практику у своихъ завистниковъ“<sup>1)</sup>. Эти извѣстія современниковъ вполне подтверждаются и дополняются имѣющимися въ моемъ распоряженіи документальными данными. Дѣло о врачебной практикѣ Пильгера началось еще въ 1807 году. Мѣстная врачебная управа обратилась къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Кочубею, съ просьбою запретить ему лѣчить людей, такъ какъ во-1-хъ, онъ не имѣетъ званія врача, а во-2-хъ, лѣчитъ такъ неудачно, что вызвалъ всеобщее негодованіе. Въ доказательство приводится одинъ такой неудачный случай, бывшій съ помѣщикомъ Лѣсницкимъ, котораго Пильгеръ лѣчилъ отъ воспаленія желудка и при томъ огромными дозами (пускалъ ему 3 раза кровь, поставилъ 19-ть цѣвокъ, приложилъ 3 пластыря шпанскихъ мушекъ и далъ 32 грана камфоры, 26 гранъ сонной одури, 2 драхмы сиденгемовыхъ опійныхъ капель); ото всѣхъ этихъ лекарствъ больной пришелъ въ настоящее бѣшенство; между тѣмъ инспекторъ врачебной управы нашелъ у него простую рвоту отъ пьянства и быстро поставилъ его на ноги. Профессоръ медицинскаго факультета Коритаріи, состоявшій, замѣтимъ кстати, членомъ врачебной управы, съ своей стороны представилъ въ совѣтъ университета чрезмѣрный пріемъ алкоголизованной хины, прописанной Пильгеромъ якобы для лошади домашняго учителя Роллена, каковой у этого послѣдняго вовсе не было. Послѣ этого лекарства паціентъ почувствовалъ, по словамъ Коритарія, удушье и пригласилъ его къ себѣ для поданія медицинской

<sup>1)</sup> Харьк. Губ. Вѣд. 1869 № 44.

помощи. Министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ гр. Завадовскаго подвергнуть проф. Пильгера штрафу за его незаконное и неудачное лѣченіе. Гр. Завадовскій потребовалъ объясненія отъ Харьковскаго университета и этотъ послѣдній сообщилъ, что въ правленіи началось, по заявленію врачебной управы, дѣло въ незаконной практикѣ Пильгера, которая ему и воспрещена впредь до представленія имъ диплома на званіе врача, хотя онъ и послѣ запрещенія продолжалъ свое лѣченіе. Самъ Пильгеръ, когда его запросилъ ректоръ, на какомъ основаніи онъ лѣчитъ людей, отвѣтилъ: „потому что я медикъ, что извѣстно изъ моихъ трудовъ; потому что я принадлежу къ медицинскому факультету; потому что я всегда занимался врачебной практикой, что извѣстно изъ моихъ писемъ, отправленныхъ въ совѣтъ изъ Львова; потому что я учу въ этомъ университетѣ о необходимости сравнивать болѣзни животныхъ и людей; потому что медицина всегда была и будетъ предметомъ моихъ занятій; потому что дипломъ свой я представлю въ непродолжительномъ времени совѣту“. Совѣтъ остановился на выясненіи одного изъ этихъ мотивовъ и поручилъ медицинскому факультету дать отвѣтъ на вопросъ— „знаніе скотолѣченія принадлежитъ ли медицинѣ“. Медицинскій факультетъ отвѣтилъ, что ветеринарная наука относится къ медицинскій въ широкомъ смыслѣ этого слова, но что ветеринаръ не можетъ лѣчить людей. Были произведены также опросы и по поводу того, дѣйствительно ли приносилъ вредъ своимъ паціентамъ Пильгеръ—и открылось, что не только не было недовольныхъ, а наоборотъ, всѣ отзывались о немъ съ большою похвалою и просили о разрѣшеніи ему и впредь врачевать больныхъ. Въ такомъ смыслѣ высказались, по словамъ предводителя дворянства, всѣ тѣ паціенты изъ дворянъ, которые лѣчились у проф. Пильгера. Такое же заявленіе сдѣлалъ и губернаторъ И. И. Бахтинъ на основаніи доклада полиціймейстера, который въ свою очередь получилъ данныя отъ частныхъ приставовъ, опрашивавшихъ городскихъ обывателей. Любопытно также, что и Ролленъ, на котораго ссылался проф. Коритари въ доказательство вреда, приносимаго Пильгеромъ, отзывался вполнѣ благопріятно о его лѣченіи, прямо заявивъ, что хинные порошки и капли проф. Пильгера излѣчили его и онъ обратился къ проф. Коритари только потому, что не могъ дождаться проф. Пильгера, а между тѣмъ чувствовалъ еще нѣкоторую слабость; въ концѣ концовъ онъ заявлялъ, что доволенъ обоими. Что же касается до порошка алькоголизованной хины, предъявленнаго проф. Коритари въ медицинскій факультетъ и потомъ въ совѣтъ, то онъ, оказывается, просто выпросилъ его у Роллена, не объяснивъ ему, какое назначеніе онъ изъ него намѣренъ былъ сдѣлать. Между тѣмъ Пильгеръ, не желая подвергаться экзамену на



звание врача у своихъ коллегъ, потому что они были враждебно къ нему настроены (и это дѣйствительно доказывается поступкомъ проф. Коритари), обратился въ Дерптскій университетъ, который и выдалъ ему безъ экзамена *honoris causa*, за его сочиненія дипломъ на званіе *доктора* медицины и хирургіи. Казалось, что теперь вопросъ долженъ былъ рѣшиться въ пользу проф. Пильгера. Но на дѣлѣ вышло иначе. Врачебная управа, которой правленіе университета сообщило о полученіи проф. Пильгеромъ диплома, прося вмѣстѣ съ тѣмъ дать разрѣшеніе на отпускъ ему лекарствъ изъ аптеки, не нашла возможнымъ дать сама собой таковое разрѣшеніе. Не помогла и дополнительная ссылка правленія на приказъ министра внутреннихъ дѣлъ, отданный еще въ 1804 г. управѣ: „какъ профессору Деявину, такъ и другимъ чиновникамъ медицины, назначаемымъ къ заступленію профессорскихъ мѣстъ по медицинскому факультету въ Харьковскомъ университетѣ въ дозволѣніи врачебной практики не дѣлать никакого препятствія“. Благопріятные результаты имѣло только ходатайство за Пильгера передъ министромъ народнаго просвѣщенія попечителя гр. С. О. Потоцкаго, который, не оправдывая Пильгера въ его вспыльчивости и самолюбіи, указывалъ на расположеніе къ нему мѣстной публики, вызванное его удачнымъ лѣченіемъ, и на его полезную и неутомимую дѣятельность по ветеринарной части. Съ своей стороны Дерптскій университетъ представилъ исполненное достоинства объясненіе о причинахъ, побудившихъ его дать докторскій дипломъ Пильгеру. Изъ представленныхъ документальныхъ данныхъ оказывается, писалъ совѣтъ, что Пильгеръ съ успѣхомъ обучался medicinѣ и хирургіи въ разныхъ университетахъ и не получилъ докторскаго диплома только потому, что поступилъ немедленно въ военную службу; ветеринарію же онъ обучился самоучкой, хотя занялъ въ этой наукѣ едва-ли не первое мѣсто по своимъ сочиненіямъ; весьма успѣшно онъ занимался также и врачебной практикой. Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, а также приваивъ во вниманіе его сочиненія по medicinѣ, факультетъ и выдалъ ему дипломъ на доктора медицины и хирургіи безъ экзамена, а совѣтъ утвердилъ этотъ выборъ. „Съ истиннымъ душевнымъ удовольствіемъ, писалъ въ своемъ объясненіи деканъ медицинскаго факультета Штаксъ, по единогласному одобренію совѣта факультетъ въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ выдалъ ему просимый дипломъ, не списываясь о семъ съ Харьковскимъ университетомъ, такъ какъ имѣлъ на это право по 78 § Высочайше утвержденнаго устава. Онъ почитаетъ себѣ за честь, что столь достойный врачъ и столь извѣстный писатель отвесилъ къ нему въ данномъ случаѣ. Онъ и теперь надѣется, что поступилъ согласно съ духомъ высокаго мини-

стерства, предоставивъ сему исполненному дарованій врачу большій кругъ для его дѣятельности, ибо назначеніе профессоровъ, такъ какъ и цѣль всѣхъ университетовъ не иная какъ та, чтобы по возможности удовлетворять надобностямъ отечества. По крайней мѣрѣ факультетъ поступилъ благоразумно въ этомъ случаѣ, если въ Россіи вообще въ лекаряхъ, особенно же въ искусныхъ врачахъ и хирургахъ, настоитъ великій недостатокъ, что доказываетъ помѣщенное недавно въ „Петербургскихъ вѣдомостяхъ“ требованіе врачей г. министромъ внутреннихъ дѣлъ кн. Куракинымъ и что факультету по собственнымъ опытамъ извѣстно“. Совѣтъ съ своей стороны къ этому прибавилъ, что не считалъ нужнымъ вступать въ предварительные переговоры съ Харьковскимъ университетомъ, такъ какъ не зналъ о личныхъ отношеніяхъ проф. Пильгера къ его коллегамъ, а, во-2-хъ, ему было извѣстно, что Харьковскій университетъ въ академическія степени по медицинскимъ наукамъ еще не возводитъ. Всѣ эти данныя гр. Завадовскій изложилъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ министру внутреннихъ дѣлъ (отъ 16 іюня 1808 года) и съ своей стороны постановилъ разрѣшить Пильгеру врачебную практику. Между тѣмъ проф. Пильгеръ, не получивъ отъ Харьковской врачебной управы разрѣшенія на занятіе врачебной практикой, даже и послѣ представленія диплома, извѣстилъ объ этомъ, очевидно, въ сильныхъ и горячихъ выраженіяхъ, Дерптскій университетъ, который былъ оскорбленъ этимъ, и Клингеръ, попечитель округа написалъ по этому поводу министру народнаго просвѣщенія слѣдующее характерное письмо. „Дерптскій университетъ не только видитъ себя чрезъ то оскорбленнымъ въ важнѣйшихъ и нужнѣйшихъ своихъ правахъ, но находится даже въ опасности потерять уваженіе, оказываемое ему, яко университету въ отечествѣ и чужихъ краяхъ, а эта потеря должна будетъ имѣти очень важныя послѣдствія для университета, ибо она заставитъ думать, что онъ не есть достаточный судья въ ученыхъ дѣлахъ. Съ перваго основанія университетовъ въ Европѣ никто права сіи не оспаривалъ до сего времени, вездѣ почитались университеты главными мѣстами для наукъ, пользующимися правомъ производить достойныхъ въ разныя ученые званія и чины. По сей то самой причинѣ и российскимъ университетамъ наподобіе иностранныхъ сіи права пожалованы были, и я съ своей стороны прошу ваше сіятельство вступить, если понадобится, за это право Дерптскаго университета, Высочайше установленное чрезъ уставъ, и тѣмъ настоятельнѣе прошу я ваше сіятельство, что (въ противномъ случаѣ) университетъ потеряетъ уваженіе студентовъ, въ немъ обучающихся, уваженіе для преподаванія наукъ столь важное и необходимое“. Однако, это вполне законное представ-

леніе не было уважено, потому что министерство внутреннихъ дѣлъ было сильно возбуждено противъ Пильгера вслѣдствіе представленій врачебной управы и ему удалось добиться въ сущности недѣйствительности его диплома. При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ организованъ „комитетъ для разрѣшенія затрудненій, происходящихъ отъ разнообразія медицинскихъ экзаменовъ при главномъ медицинскомъ управленіи и при университетахъ“. Этотъ то комитетъ разсматривалъ и дѣло Пильгера и сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: „министръ просвѣщенія не оставитъ сдѣлать надлежащаго замѣчанія Дерптскому университету за призваніе въ званіи доктора медицины и хирургіи безъ экзамена профессора ветеринарной науки въ Харьковскомъ университетѣ Пильгера и объявить сему послѣднему, чтобы онъ подвергнулъ себя надлежащему экзамену, ежели хочетъ получить право врачебной практики“. Постановленіе это составило 12-й пунктъ комитетскаго доклада, а этотъ послѣдній цѣликомъ былъ Высочайше подтвержденъ и такимъ образомъ оставалось одно—привести его въ исполненіе, хотя и создавалась коллизія между нимъ и Высочайше же утвержденнымъ уставомъ Дерптскаго университета, въ 78 § котораго мы читаемъ: „сверхъ сего (т. е. дарованія ученыхъ степеней по экзаменамъ) всѣ отдѣленія имѣютъ право мужамъ, извѣстнымъ своею ученостію и сочиненіями или отличившимися въ государственной службѣ въ иностранныхъ земляхъ и въ Россійской Имперіи давать съ согласія университетскаго совѣта такъ какъ и въ прочихъ университетахъ почетные дипломы на докторское достоинство“<sup>1)</sup>. Изъ текста Пильгеровскаго диплома, можно убѣдиться, что онъ выданъ былъ именно *honoris causa*, „*ob eruditionem eximiam tot egregis specimenibus probatam*“. Казалось, что теперь всякая надежда была потеряна; но у Пильгера было слишкомъ много энергіи, для того, чтобы успокоиться и примириться со своимъ положеніемъ. Запрещеніе состоялось въ 1808 г., а въ 1809 г. и онъ самъ, и представитель мѣстной администраціи губернаторъ И. И. Бахтинъ возбуждаютъ новыя ходатайства. Любопытно частное письмо въ его пользу губернатора Бахтина къ министру внутреннихъ дѣлъ кн. А. Б. Куракину. „Всѣ тѣ харьковскіе жители, писалъ онъ, которыхъ прежде запрещенія г. Пильгеръ лечилъ, единогласно, поскольку мнѣ извѣстно, сожалеютъ о семъ запрещеніи и почитаютъ, что они лишены въ немъ, по отѣнно удачному его вылѣчиванію, великой помощи въ своихъ болѣзняхъ и потерю эту поставляютъ незамѣнимою никакимъ другимъ изъ здѣшнихъ медиковъ. Сожалѣніе ихъ кажется основательно, ибо и я знаю достоверно, что во время его

<sup>1)</sup> Сборн. постановл. по минист. нар. просв., I, стр. 140.

практики онъ вылечилъ нѣсколькихъ больныхъ, которыхъ другіе врачи вылечить уже отчаивались или и совѣмъ почитали невозможнымъ. Мнѣ совершенно извѣстно, что сами нѣкоторые здѣшніе медики въ важныхъ случаяхъ совѣтуются съ нимъ. Зависть одна, а можетъ быть совмѣстно и неуклончивый характеръ г. Пильгера, но отнюдь не неискство его и не опасность отъ него вреда суть виною возставшихъ здѣсь на него гоненій. Сдѣлавши себѣ единожды на всегда строгое правило говорить и писать одну истину и ограничивая себя (и то развѣ по необходимости) однимъ токмо молчаніемъ тогда, когда ее сказать не можно, я не осмѣлился бы, да и самъ бы себя стыдился, донести вамъ, милостивый государь, столько ложнаго; но я почелъ долгомъ моего званія, справедливости, чести и человеколюбія представить вашему сіятельству настоящую правду; отъ васъ, сіятельный князь, уже зависѣть будетъ сдѣлать донесенію моему употребленіе, какое за благо разсудить изволите. Воззрѣніе вашего сіятельства на представляемые при семъ четыре тома сочиненія г. Пильгера можетъ быть подкрѣпить доносимое мною и удостоверить Ваше Сіятельство въ томъ, что Пильгеръ не шарлатанъ. Сравненіе, какое онъ (по увѣренію меня знающими нѣмецкій языкъ) дѣлаетъ въ семъ сочиненіи скотскихъ болѣзней съ человѣческими, можетъ служить доказательствомъ, что по крайней мѣрѣ онъ тѣ и другія хорошо знаетъ“.

Однако Пильгеру не удалось все-таки добиться разрѣшенія врачебной практики; мало того: свершилось нѣчто совѣмъ невѣроятное и по нашимъ понятіямъ невозможное—министръ призналъ недѣйствительнымъ дипломъ, выданный Пильгеру на законномъ основаніи Дерптскимъ университетомъ. Въ 1810 г. попечитель округа написалъ министру народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому слѣдующее письмо: „профессоръ ветеринарной науки Харьковскаго университета Пильгеръ, извѣстный по производившемуся о немъ дѣлу въ разсужденіи полученнаго имъ отъ Дерптскаго университета диплома на достоинство доктора медицины и хирургіи, изъявилъ въ присутствіи совѣта свое неудовольствіе, что тотъ въ объявленномъ имъ росписаніи о публичныхъ лекціяхъ на текущій годъ не назвалъ его докторомъ. Сей профессоръ по упомянутому его дѣлу хотя и получилъ запрещеніе производить надъ людьми врачебную практику, но достоинство доктора, данное ему Дерптскимъ университетомъ, съ него не снято, и дипломъ на него, имъ полученный отъ него не отобранъ и находится у него понынѣ. Посему я покорнѣйше прошу ваше сіятельство снабдить меня разрѣшеніемъ, можетъ ли онъ Пильгеръ по имѣющемуся у него диплому называться докторомъ или долженъ лишиться сего достоинства“. Въ отвѣтъ отъ А. К. Разу-

мовскаго на имя университета получено было слѣдующее разъясненіе. „Какъ докторское достоинство безъ дозволенія на практику есть лишь одно бесполезное названіе, то предлагаю университету объявить Пильгеру, что онъ, по Высочайше утвержденнымъ правиламъ о медицинскихъ экзаменахъ можетъ нынѣ экзаменоваться въ ономъ для полученія дозволенія производить врачебную практику въ Россіи, на что онъ и прежде изъявилъ желаніе“. По всей вѣроятности, не безъ вѣшняго воздѣйствія Пильгеру не удалось перейти и въ медико-хирургическую академію въ Петербургъ, куда его принялъ было извѣстный Вилье, но потомъ отказалъ въ переходѣ, узнавъ, что этотъ профессоръ не можетъ читать лекцій по русски. Во всякомъ случаѣ, тутъ характерно, что Пильгера хотѣла имѣть своимъ преподавателемъ медико-хирургическая академія. Между тѣмъ на Пильгера вскорѣ послѣдовалъ новый доносъ со стороны Сумскаго аптекаря Касьянова, который обвинилъ его въ незаконномъ и неудачномъ лѣченіи своего брата, будто бы отъ этого внезапно и скончавшагося. Пильгеръ снова долженъ былъ оправдываться и написалъ объясненіе, въ которомъ обвинялъ въ подстрекательствѣ къ этой неосновательной жалобѣ инспектора врачебной управы Грумбаха, публично, по его словамъ, заявившаго, что его просили о возбужденіи дѣла нѣкоторые профессора университета. Въ своей жалобѣ Касьяновъ указывалъ, что лѣкарства его брату, по рецептамъ Пильгера, выдавалъ содержатель привилегированной Харьковской аптеки Вензель, и высказывалъ предположеніе, что, быть можетъ, скоропостижная смерть его брата находится въ связи съ лѣкарствами проф. Пильгера, выданными изъ аптеки Вензели. Разбирая жалобу Касьянова, называя ее гнусной клеветой, несправедливымъ доносомъ, Пильгеръ между прочимъ высказываетъ слѣдующія замѣчанія: „не смотря на многія ясныя и неоспоримыя доказательства моей невинности, не смотря на истины, извѣстныя всей ученой публикѣ, злоба противниковъ моихъ дошла до такой степени, что они рѣшились лучше испытать всякую низость, забыть всякое чувство чести и употребить всѣ возможныя средства къ навлеченію на меня гнѣва Государя Императора, нежели оставить неудачнымъ свое ненавистное намѣреніе, стремящееся къ тому, чтобы подвергнуть въ бездѣйственность челоѣка, который приносилъ уже и впродѣ можетъ надѣяться принести пользу своею службою и такимъ образомъ отвратить дѣйствіе благодѣтельныхъ попеченій Монарха, желающаго черезъ здѣшній университетъ повсемѣстно разлитъ образованіе и просвѣщеніе. Противники мои не удержались возстать на меня въ глазахъ всего ученаго общества, коего я имѣю счастье быть сочленомъ, и чрезъ то покрыли стыдомъ самый университетъ, не удостоивъ сравнить его ни

съ чѣмъ инымъ, какъ со школою невѣждъ, и думаютъ, что они могутъ дѣлать съ членами его, какъ имъ угодно и всячески играть ими. Послѣ такихъ отважныхъ поступковъ не можетъ ли легко честь самого университета подвергнуться невыгодному заключенію въ обществѣ, когда всякій по своей волѣ однимъ почеркомъ пера можетъ отнять честное имя у членовъ его. Не служить ли каждая строка въ моихъ сочиненіяхъ опроверженіемъ клеветамъ моихъ непріятелей? Не сдѣлались ли оттого несправедливые ихъ доносы совершенными нелѣпостями? Если они отважились уже употребить противъ меня столь ужасныя несправедливости и ложные доносы, то впредь при первомъ удобномъ случаѣ безъ сомнѣнія не упустили бы воспользоваться имъ, чтобы ввергнуть меня въ совершенное несчастье. Они, конечно, не захотѣли бы оказать мнѣ малѣйшей великодушной пощады и, судя по тому, что и до сего времени уже испыталъ отъ нихъ (когда, не слушая никакихъ оправданій противъ устремляемыхъ на меня клеветъ, обвинили меня самовольно), гибель была бы тогда неизбѣжнымъ моимъ жребіемъ, тѣмъ несомнѣннѣе, что я не могъ бы имѣть ни малѣйшей надежды на ихъ человѣколюбивыя чувства, въ которыхъ не отказываютъ и самимъ злодѣямъ, и, осужденъ будучи по сознанію причины, я навсегда подвергнулся бы общественному поруганію. Злое намѣреніе Касіянова доказывается тѣмъ, что онъ спусти уже 14 мѣсяцевъ послѣ извѣстнаго несчастнаго приключенія въ первый разъ вздумалъ приносить на меня жалобу. Присутственное мѣсто имѣло тѣмъ менѣе право принимать отъ Касіянова жалобу, что, во-1-хъ, дѣло, о которомъ онъ говоритъ въ ней, въ сущности не содержитъ ни малѣйшаго преступленія; изслѣдовать же истину въ самомъ началѣ было уже не возможно; во-2-хъ, потому что Касіяновъ не представилъ никакихъ доказательствъ въ подкрѣпленіе своей жалобы и къ объясненію моего преступленія, что было необходимо. Сказать, что можетъ быть лекарства, которыя при пользованіи давалъ я брату Касіянова, сдѣлали ему вредъ, могъ аптекаръ Касіяновъ въ такомъ только случаѣ, когда бы представилъ самые рецепты о данныхъ мною вредныхъ веществахъ, писанныя моею рукою, съ означеніемъ дня и числа, также имени больного и моего собственнаго; пусть онъ представитъ ихъ и тогда я объявлю себя виновнымъ и признаюсь торжественно, что безвинно называлъ его лжецомъ; но если онъ сего не исполнитъ, то стыдъ, что осмѣлился оклеветать честнаго чловѣка, будетъ ему тягостнѣйшимъ наказаніемъ. Петербургскою медицинскою академіею назначено до 200 лекарственныхъ веществъ къ отпуску по требованіямъ. Аптекарь долженъ безостановочно выдавать ихъ за деньги всякому. Будучи также въ числѣ тѣхъ, коимъ дано преимущество на выпускъ лекарствъ,

не понимаю, почему теперь вдругъ я только одинъ не могу уже получать ихъ по прежнему. По сему если аптекарь долженъ отпускать лекарства всякому непременно, то никто также не можетъ присовѣтовать во встрѣчающихся случаяхъ взять у него инныя, кромѣ тѣхъ, которыя дѣйствительно могутъ быть ему полезными въ его положеніи, и совѣтующій долженъ, если проситель не надѣется на свою память столько, чтобы на пути отъ дому его до аптеки удержать въ умѣ названіе при-сужденнаго лекарства, дать ему точную о немъ записку, ибо требовать лекарствъ письменно или словесно одно и тоже; но такой записки нельзя еще назвать рецептомъ и по ней нельзя судить, хорошо или худо такой то совѣтникъ пользовалъ больного. Большая часть людей по случайнымъ опытамъ подаютъ другимъ совѣты, но о нихъ нельзя еще по сему сказать, что они производятъ практику и могутъ пользоваться больныхъ. Можетъ быть, подобный же случай сблизилъ меня съ г. Кассіановымъ; вѣроятно, тоже было прежде и со многими другими, которыхъ я пользовалъ; но какимъ образомъ все это дѣйствительно происходило, о томъ по отдаленности времени ничего утвердительнаго сказать не могу. Докторъ, получившій позволеніе на свободную практику, отнюдь вмѣстѣ съ тѣмъ не получаетъ дарованія дѣлать людей безсмертными. Множество необыкновенныхъ смертныхъ случаевъ, съ недавняго времени бывающихъ, которые противники мои, конечно, желали бы не видѣть случившимися, подтверждаютъ то. Но объ этомъ умолчимъ до удобнѣйшаго времени, ибо я совершенно увѣренъ, что съ дѣломъ моимъ не иное что можетъ быть, какъ то, что современемъ оно непременно должно дойти до самого Высочайшаго разсмотрѣнія, и мнѣ безъ сомнѣнія воздастся справедливость, которой тщетно въ продолженіе четырехъ лѣтъ и ищу. Какъ скоро аптекарь Кассіановъ несправедливо со своею жалобою открылъ теперь злое намѣреніе оклеветать меня безъ представленія малѣйшихъ въ вину мою доказательствъ и ищетъ непременно обратиться на меня причину смерти его брата, то послѣ сего я осмѣливаюсь покорнѣйше просить почтеннѣйшее правленіе, чтобы противнику моему повелѣно было непременно въ подтвержденіе справедливости его жалобы представить тѣ вредные рецепты, которые будтобы даны были мною для его брата, съ означеніемъ на нихъ дня, числа, подписи, имени больного и моего собственнаго—все писанное моею рукою; въ противномъ же случаѣ заложный доносъ и клевету, для оправданія моей невинности, приказать заплатить ему мнѣ 2000 руб. и подвергнуть его тому же самому наказанію, которому въ случаѣ дѣйствительной моей вины подвергнулся бы я самъ по законамъ. Я удерживаю за собою право апелляціи къ высшимъ судилищамъ (6 іюля 1811 г.).

Въ объясненіи на имя мивистра проф. Цильгеръ уже прямо жалуется на Харьковскій университетъ. „Вынужденный злоумышленіями здѣшняго университета противъ меня для защиты своей чести и должности и для отверженія скрытныхъ ковъ, осмѣливаюсь униженно представить это писаніе Вашему Сіятельству“. Далѣе онъ указываетъ на свои труды, имѣвшіе въ виду общественное благо—на многократныя попытки завести ветеринарный институтъ, на обученіе ветеринарнымъ наукамъ нѣсколькихъ военныхъ. „Что я не перестаю трудиться, писалъ онъ, что жизнь свою теперь какъ и прежде посвящаю своей наукѣ, доказываютъ ежедневные мои опыты, изготовляемые мною сочиненія, засвидѣтельствуютъ многіе дворяне, отдавшіе мнѣ своихъ людей для изученія хирургіи, перевязыванію и скотолѣченію; нѣкоторые оказали большіе успѣхи. Что я нѣсколько сотъ неимущихъ больныхъ лѣчилъ на своемъ издѣивеніи, что въ домѣ своемъ завелъ госпиталь, куда принималъ отчаянно больныхъ и исцѣлялъ ихъ, что значительное количество людей, звѣрей и собакъ, бѣшенными собаками уязвленныхъ, я излѣчилъ и что всѣ они по сіе время здоровы, о семъ г. здѣшній губернаторъ послалъ донесеніе къ его сіятельству кн. Куракину и я готовъ, чтобы вылѣченные мною допущены были засвидѣтельствовать то въ судѣ. Безъ самохвальства осмѣливаюсь сказать, что великое число людей Харьковской и другихъ губерній обязаны мнѣ своимъ выздоровленіемъ, въ чемъ засвидѣтельствуетъ г. попечитель, губерваторъ, полиція, здѣшняя публика, вся область и многіе члены университета. Даже члены медицинской управы учились у меня способу лѣченія и перевязыванія, чтобы и впредь употреблять его въ подобныхъ случаяхъ; истину этого подтвердить излѣченный мною поручикъ, общество офицеровъ его бригады и многіе другіе свидѣтели.... Долгъ требовалъ до вызова меня изъ-заграницы удостовѣриться, достоинъ ли я моего званія, что легко можно было узнать изъ моихъ сочиненій, изъ многихъ нѣмецкихъ и французскихъ журналовъ и газетъ. И когда меня вызвали безъ всякой со стороны моей на то просьбы и искательства, ибо я имѣлъ въ своемъ отечествѣ мѣсто, былъ почтенъ и полезенъ, то и должно было со мною, какъ съ ученымъ, благопристойнѣе поступать, помня, что чувство чести есть источникъ всѣхъ добродѣтелей, слѣдовательно, и ревности къ успѣхамъ въ высокихъ наукахъ, которую не должно безъ нужды оскорблять, чтобы духъ дѣятельности не умертвить. Честь самого медицинскаго факультета возбраняла распространять столь неумѣстные толки, что скотолѣченіе не принадлежитъ къ медицинѣ, ибо факультетъ долженъ быть свѣдомъ о настоящемъ состояніи своихъ наукъ, если не хочетъ столь явно пристыдить себя предъ ученымъ свѣтомъ. Таковыя непристойныя поступки могли ли въ молодыхъ людяхъ возбу-



дять охоту къ медицинскому ученію, и медицинскій факультетъ по сіе время никакой пользы не принесъ оттого, что ничего не хотѣлъ дѣлать; недостатка въ учащихся не было.... Но этимъ не удовольствовались, ибо когда я изъ Дерпта докторскій дипломъ получилъ, то профессоръ Шумлянскій первый противъ него возсталъ и отвергнулъ, посямая меня письменно въ засѣданіи, чтобъ я обращался съ цыганами, коновалами лошадей, и когда факультетъ и медицинская управа отrekli мнѣ коварно достоинство доктора, то не былъ я болѣе приглашенъ ни въ засѣданіе, ни на экзаменъ, ни къ другимъ какимъ-либо дѣламъ факультета. Профессоръ Шумлянскій воспротивился избранію меня въ деканы, запретилъ, какъ цензоръ, печатаніе моихъ письменныхъ сочиненій, словомъ поступали со мною, какъ съ прописнымъ, обижая меня даже въ засѣданіи. И вотъ причина, почему я долго не ходилъ въ засѣданіе, предостерегая себя отъ большихъ огорченій и досадъ. И дѣло даже до того дошло, что неизвѣстная мнѣ рука записывала меня въ протоколъ небывшимъ въ засѣданіи тогда, когда я былъ...: Дѣлали со мной, что хотѣли, предполагая, что некому меня услышать. И съ того самого времени какъ Ваше Сіятельство отказали мнѣ въ званіи доктора, которое я испрашивалъ для своего покоя и уничиженія пронырствъ, считаютъ меня лишеннымъ всякой поддержки и потому безпощадно гонять. Пока живъ былъ покойный ректоръ Рижскій, имѣлъ я хотя сколько нибудь покоя, ибо прилагалъ онъ возможное стараніе, чтобы разрушать злоумышленія и пронырства, но съ перемѣною ректорства пробудились снова всѣ гоненія на меня и всѣ возможные способы употребляютъ на удаленіе меня изъ университета. И на сей конецъ пользуются даже жалобою на меня аптекаря Касьянова, которую я Вашему Сіятельству униженно представилъ. Но напоследокъ изумляюсь о дерзновеніи, съ каковымъ неправду употребляютъ, представляя Вашему Сіятельству, что я изъ Харькова въ Петербургъ переведеннымъ быть ищу; услышавши сіе, и чувствую я не вѣрилъ. Правда, что за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, когда гоненія на меня весьма умножились, слышалъ я, что проф. Книгинъ желаетъ промѣнить свое мѣсто на мое, и я хотя считалъ такую перемѣну для себя благоприятною, однакожъ и не думалъ, и не говорилъ болѣе о ней, ибо предполагалъ, что меня этимъ только обманываютъ. Я старъ, имѣю семейство, обжилси здѣсь, въ Петербургѣ дорого; и такъ, какимъ образомъ могъ я желать себѣ великаго и явнаго вреда? При охотномъ подъятіи трудовъ, для отвращенія ученаго изможденія, желалъ бы я перемѣны положенія, но по настоящее время желаніе это въ сердцѣ моемъ заключалось. Нѣкоторые не хотятъ трудиться, а нѣкоторые и не могутъ, затѣмъ и другихъ не допускаютъ

къ приобрѣтенію заслугами отличія и похвалы. И вотъ причина всѣхъ ихъ злоумышленій. Когда же дѣйствительно случится работа, то просятся съ пенсіономъ въ отставку. Наукамъ здѣсь такъ худо, что ни одного ученаго засѣданія не бываетъ, чего требуетъ 52 § устава, и ученые задачи не разрѣшаются, чего требуетъ 53 §; что Ваше Сіятельство изъ университетскихъ меморій усмотрѣть благоволите. Не сочиняютъ плановъ ученія, не утверждаютъ въ гимназіяхъ способовъ преподаванія, почитая науки побочными занятіями; но продаваніе венгерскихъ винъ и иностранныхъ товаровъ, негодование публики возбуждающее, коей одобреніе заслуживать должно, за дозволенное считаютъ. И когда кто изъ добросовѣстныхъ людей противъ сихъ злоупотребленій заговорить, то стараются такового удалить, вмѣняя ему то въ преступленіе, чего онъ по долгу и чести не допускаетъ, всему тому доказательству благоволите Ваше Сіятельство усмотрѣть въ послѣднемъ протоколѣ. Проф. Шумлянскій свыше терпѣнія гонить меня такъ, что даже изъ факультета меня исключилъ. И вмѣсто законнаго при томъ производства, записали меня какъ безпокойнаго человѣка въ протоколъ, помогаясь меня очернить передъ Вашимъ Сіятельствомъ въ то время, когда предполагаютъ, что нѣтъ мнѣ никакого оправданія. Однакожь въ то же время проф. Шумлянскій новыя обиды на меня въ протоколъ вносить, что можно видѣть 1-го сентября сего года, гдѣ онъ посмѣянія достойнымъ образомъ утверждаетъ, что *я не сочинитель изданныхъ мною книгъ*. Ваше Сіятельство сами благоволите разсудить, можно ли такъ поступать съ человѣкомъ послѣ четырехлѣтняго ознакомленія съ нимъ. Если бы мнѣнія собирались въ силу 55 § устава, то въ протоколахъ менѣе было бы вздору. Правда, что я не допускаю въ равныхъ себѣ надъ собою самовластиа, ибо права мои и ихъ одни и тѣже, и потому я не виноватъ, когда оскорбляется самолюбіе этихъ господъ, кои съ равными себѣ обходятся заносчиво. Обиды, непрестанно мною терпимыя, могутъ наискромнѣйшаго человѣка раздражить. Чтобы не истощить терпѣнія Вашего Сіятельства, умолкаю; изъ сказаннаго мною Ваше Сіятельство благоводите сами сдѣлать заключеніе. Еще представляю униженно собственноручное письмо губернатора, содержащее отвѣтъ его Сіятельства кн. Куракина. Съ удовольствіемъ держалъ бы я экзаменъ въ Петербургѣ, если бы при старости моей столь длинная поѣздка была возможна и, если бы своими сочиненіями я не доказалъ болѣе своихъ знаній, чѣмъ могу доказать ихъ экзаменомъ“ (16 сентября 1811 г.). Университетъ дѣйствительно рѣшился освободиться отъ Пильгера. 14 октября того же года правленіе, по порученію совѣта, представило министру просьбу объ увольненіи Пильгера. Въ ней оно указывало, что Пильгеръ не испол-

нилъ своего обѣщанія представить свой заграничный дипломъ на докторскую степень, вопреки Высочайшему запрещенію занимался и занимается недозволенною ему врачебною практикой и не исполняетъ въ то же время порученій совѣта и факультета, не пожелалъ подвергнуться предложенному ему экзамену; въ виду всего этого „совѣтъ университета, которому проф. Пильгеръ столь часто наскучалъ подаваемыми недѣльными и написанными въ оскорбительныхъ выраженіяхъ бумагами, опредѣлилъ въ засѣданіи 7 сентября просить Ваше Сіятельство освободить его отъ сего ничѣмъ незанимающагося при университетѣ, но только безпокоющаго его человѣка“. Нужно впрочемъ замѣтить, что проф. Шадъ и Роммель остались при особомъ мнѣніи и считали достаточнымъ, чтобы министръ обуздаль Пильгера и побудилъ его заняться чѣмъ-либо при университетѣ (слушателей на медицинскомъ факультетѣ тогда не было и лекцій читать было некому). вмѣстѣ съ тѣмъ министру были представлены — выписка изъ дѣла, разбиравшагося правленіемъ по жалобѣ на Пильгера аптекаря Касьянова, и извлеченія о немъ изъ совѣтскихъ протоколовъ. Правленіе потребовало отъ него отвѣта на обвиненія Касьянова, а онъ подалъ пространное объясненіе, переполненное оскорбительными и закономъ запрещенными выраженіями; между прочимъ тамъ было сказано, что „Его Императорское Величество ложными рапортами обмануть“. Когда его объясненіе было ему возвращено обратно, то онъ представилъ новое, гдѣ писалъ: „такъ какъ инспекторъ врачебной управы Грумбахъ публично объявляетъ, что онъ къ жалобамъ противъ меня побуждаемъ былъ Харьковскимъ университетомъ, который не давалъ ему покоя по этому дѣлу, то я нашелъ себя вынужденнымъ всѣ акты по Касьяновой жалобѣ отправить къ Его Сіятельству г. министру народнаго просвѣщенія. А какъ я почитаю согласно съ благоразуміемъ не подвергать себя такому судебному мѣсту, которое самъ жалующійся (Грумбахъ) выдаетъ за доносчиковъ, то и полагаю нужнымъ объявить объ этомъ университету“. Получивъ жалобы правленія, министръ народнаго просвѣщенія потребовалъ объясненія отъ Пильгера и тотъ отправилъ обширное письмо гр. А. К. Разумовскому на французскомъ языкѣ, въ которомъ шагъ за шагомъ опровергалъ возводимыя на него обвиненія—снова повторялъ, что медицинскій факультетъ въ теченіе 4 лѣтъ не желалъ его подвергать экзамену, указывалъ, что онъ не можетъ теперь экзаменоваться, ибо въ числѣ предметовъ испытанія поставлены такіе дополнительные, какъ математика, ботаника, физика и др., которые ему были необходимы для ветеринарной медицины, отрицалъ иронию въ своемъ отвѣтѣ факультету; на обвиненіе въ непосѣщеніи факультетскихъ засѣданій отвѣчалъ, что у него отняли рѣшающій голосъ

въ дѣлахъ, касающихся медицины, и этимъ принудили перестать посѣщать факультетскія собранія; на заявленіе, что онъ ничего недѣлаетъ для университета, онъ отвѣчаетъ, что если у него, какъ и у другихъ профессоровъ медицинскаго факультета, нѣтъ слушателей уже нѣсколько лѣтъ, то виновать не онъ, а самъ университетъ, который отказываетъ ему въ постройкахъ, необходимыхъ для преподаванія ветеринарныхъ наукъ; разбирая обвиненіе въ продолженіи запрещенной ему практики, онъ заявляетъ, что никогда не нарушалъ Высочайшаго повелѣнія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда долженъ былъ спасать жизнь ближнихъ и оказывать имъ помощь по человѣчеству; объ одномъ такомъ случаѣ онъ и рассказываетъ въ письмѣ, а именно—о хирургической помощи, оказанной имъ члену врачебной управы И. Р. Романовскому въ присутствіи инспектора Грумбахъ. Любопытенъ текстъ отвѣта Пильгера медицинскому факультету, въ которомъ, по его словамъ, не было ироніи, а только обращеніе равнаго къ равнымъ. „Celeberrimis ac clarissimis dominis Decano et professoribus facultatis medicae, fautoribus ac amicis suis valde colendis Professor Pilger salutem plurimam dicit. Pro humanissima vestra litatione ad examen medicum humillime vobis gratias ago quam maximas. Quum vero ad excelentissimum ministrum rationes meas, cur recusem vestrum examen, en extenso miserim, a vobis examinari nequeo. Interea Deum ter optimum maximum rogo, ut laboribus vestris multivariis pro honore facultatis et commodo humanitatis semper faveat. Laus et gloria merita vestra pro arte medica coronabunt, exoptans ego, ut sub vestro auspicio facultas medica in posterum floreat et crescat“. Несомнѣнно, что все это посланіе проникнуто ироніей, но весьма тонкой и прикровенной; тутъ нѣтъ ни одного выраженія, къ которому можно было бы придаться; наоборотъ, вездѣ мы видимъ слова уваженія и похвалы; но, зная взаимныя отношенія членовъ медицинскаго факультета и Пильгера, чувствуешь, что всякое слово нужно здѣсь понимать наоборотъ; какъ это, очевидно, и поняли его коллеги. Между тѣмъ жалобы на Пильгера за непосѣщеніе имъ совѣтскихъ засѣданій продолжались и въ 1812 году. 27 іюля 1812 г. совѣтъ снова возбудилъ ходатайство передъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія кн. А. М. Голицынымъ о переводѣ Пильгера въ другое мѣсто, такъ какъ этотъ безпойный человѣкъ не приноситъ пользы университету. 16 августа 1812 г. министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ совѣту, что „по неоднократнымъ представленіямъ совѣта о профессорѣ скотолѣченія Пильгерѣ, видя, что онъ продолжаетъ уклоняться отъ присутствія въ совѣтѣ и ничѣмъ не занимается при университетѣ, предлагаю призвать его въ собраніе и потребовать отъ него яснаго письменнаго отвѣта, будетъ ли

онъ впредъ съ надлежащею исправностію исполнять обязанности свои по профессорскому званію, и сей отвѣтъ мнѣ представить“. Замѣтимъ кстати, что въ черновомъ проэкѣтѣ этой бумаги изъяснено было согласіе министра на увольненіе Пильгера; значитъ Роммель и въ этомъ случаѣ сообщилъ совершенно точное свѣдѣніе. Въ 1813 г. Харьковскій губернаторъ снова возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи Пильгеру врачебной практики и представилъ при этомъ прошеніе, поданное ему харьковскимъ городскимъ головою Ломакинымъ за подписью 40 чел. гражданъ. Вотъ текстъ этого письма. „Г. профессоръ Императорскаго Харьковского университета Ѳеодоръ Васильевичъ Пильгеръ, со времени вступленія своего въ этотъ университетъ въ 1808 г., занимаясь врачеваніемъ одержимыхъ разными болѣзнями, прежде нѣжели по распоряженію начальства поставлена была ему преграда пользоваться таковыхъ и предназначено упражняться въ одномъ скотолѣченіи, которое является предметомъ его настоящаго званія, своимъ отличнымъ искусствомъ въ медицинѣ, доказаннымъ многочисленными опытами, излѣчилъ великое число страждущихъ тяжкими болѣзнями и весьма много такихъ, которые были совсѣмъ въ отчаянномъ положеніи и о которыхъ никто изъ другихъ врачей не имѣлъ никакой надежды, сохранилъ жизнь и возвратилъ совершенное здоровье. Да и тогда уже, когда преграждены ему средства безпрепятственно дѣйствовать къ пользѣ человѣчества, одни совѣты его и наставленія, на глубокомъ званіи медицины и опытности основанныя, приносятъ всѣмъ очевидную и ощутительную пользу. Одни изъ насъ, бывъ обязаны чувствительною благодарностію за пособія въ разныхъ болѣзненныхъ припадкахъ, лично самими нами или кѣмъ-либо изъ фамилій нашихъ отъ него полученныя, а другіе будучи очевидными свидѣтелями, съ какимъ искусствомъ и раченіемъ пользовалъ онъ одержимыхъ болѣзнями, поставляемъ долгомъ, самую справедливостію на насъ налагаемымъ, изъяснить ему симъ нашу истинную признательность и просить васъ, милостивый государь, чтобы вы отъ имени своего сообразно желанію всѣхъ насъ нижеподписавшихся подали въ правительственное мѣсто, куда слѣдуетъ, прошеніе, дабы главное начальство предоставило ему г. Пильгеру свободу упражняться во врачеваніи людскихъ болѣзней и тѣмъ къ благу человѣчества открыло бы средство имѣть безвозбранно врача, отъ котораго страждущіе недугами могутъ съ надеждою ожидать пособія и каковаго невсегда легко сыскать можно. Въ надеждѣ на усердное ваше ходатайство остаемся съ должнымъ почтеніемъ готовые къ услугамъ харьковскіе купцы 2-й гильдіи—Ѳед. Карповъ, Панковъ, Криворотовъ, Таракановъ, Ѳ. Мухинъ, С. Мухинъ, Ѳ. Манухинъ, 3-й гильдіи—Московъ, Ковалевъ, Богдановскій, Онофріевъ, Бѣляевъ, Клейменовъ, Там-

бовцевъ, Мотузковъ, Клейменовъ, А. Куликовъ, Кушинниковъ, Рудаковъ, Неретинъ, Копѣйкинъ, московскій 1-й гильдіи купецъ В. Домешиковъ, московскіе купцы—Н. Норовъ, Савельевъ, Андреевъ, Рябчиковъ, Ал. Поповъ, Юрьева-польскаго—2-й гильдіи купецъ П. Горяиновъ, Калужскій 2-й гильдіи купецъ—П. Мишуковъ, московскій 2-й гильдіи купецъ Губкинъ, Луценковъ, вѣжинскій—Бесходарный, тульскіе—Добрынинъ, Совищевъ, мценскій—Мамакъ, калужскіе—Ольбрововъ, Горбуновъ, новомосковскій—Будневъ, харьковскіе—Скляровъ, Проскуринъ, кашинскій—Ө. Манухинъ. Губернаторъ П. И. Бахтинъ къ этому съ своей стороны прибавлялъ: „усматривая изъ означеннаго письма приверженность къ профессору Пильгеру не только харьковскихъ, но и иногороднихъ, а въ томъ числѣ частію и московскихъ купцовъ, за оказанную имъ и другимъ страждущимъ тяжкими болѣзнями помощь и при томъ и самъ зная по доходившимъ ко мнѣ достовѣрнымъ слухамъ, что когда означенный г. Пильгеръ занимался медицинскою практикой, то имѣлъ искусство прекращать самыя опасныя болѣзни, поставляю долгомъ означенное письмо въ оригиналѣ представить на благоусмотрѣніе ваше и осмѣливаюсь удостовѣрить Ваше Превосходительство, что харьковскіе купцы, испрашивающіе Пильгеру разрѣшенія медицинской практики или по крайней мѣрѣ большая часть ихъ принадлежитъ здѣсь къ лучшему купечеству“.

Однако и это послѣднее представленіе оказалось безрезультатнымъ: министръ народнаго просвѣщенія не могъ въ виду Высочайшаго запрещенія дозволить практику Пильгеру и не хотѣлъ принять на себя ходатайства объ отмѣнѣ этого запрещенія <sup>1)</sup>. Этимъ дѣло и кончилось; Пильгеръ не добился разрѣшенія врачебной практики.

Мы остановились довольно подробно на этомъ эпизодѣ, потому что онъ весьма любопытенъ и даетъ дѣнный матеріалъ не только для уясненія характера одного изъ видныхъ профессоровъ иноземнаго происхожденія, но и для характеристики нравовъ того времени вообще. Мы старались при этомъ представить данныя первоисточниковъ въ ихъ неприкосновенномъ видѣ, приводя въ большинствѣ случаевъ *in extenso* письма и заявленія дѣйствующихъ лицъ въ виду того, что они придаютъ яркій колоритъ всему разсказу и вмѣстѣ съ тѣмъ по изложенію не слишкомъ отступаютъ отъ современнаго намъ языка; кое-гдѣ, впрочемъ я замѣ-

<sup>1)</sup> Всѣ эти данныя мы позаимствовали изъ особаго дѣла о профессорѣ Пильгерѣ, хранящагося въ арх. мин. народн. просв. подъ № <sup>а</sup>/5639 и <sup>б</sup>/5639; за присылку его въ Харьковъ приношу глубокую благодарность администраціи архива въ лицѣ директора его г. Барсукова.

нѣль мало употребительныя теперь выраженія болѣе понятными современными. Важность и значеніе нашихъ документовъ зависитъ между прочимъ еще и отъ того, что значительная часть ихъ представляетъ изъ себя не официальные, а *конфиденціальныя* сообщенія; такимъ именно характеромъ отличаются письма самого Пильгера, вступившаго въ непосредственную корреспонденцію съ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ нихъ онъ рельефно выступаетъ передъ нами со всѣми особенностями своего характера и темперамента. Однако необходимо замѣтить, что это обстоятельство имѣетъ и свою невыгодную сторону: въ тайной перепискѣ съ начальствомъ чрезвычайно легко впасть въ преувеличеніе; она незамѣтно для самого автора можетъ подчасъ превратиться даже въ доносъ. Такъ именно и вышло съ Пильгеромъ: съ одной стороны, представляя данныя въ свою пользу, дабы добиться во чтобы то ни стало разрѣшенія врачебной практики, онъ подчасъ преувеличивалъ свои собственныя достоинства, какъ ученаго, врача и человѣка, а съ другой въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ выставилъ своихъ противникомъ, а таковыми были всѣ его товарищи по медицинскому факультету. Непріятное впечатлѣніе производятъ тѣ мѣста его писемъ, гдѣ онъ говоритъ о себѣ, какъ о классическомъ писателѣ, признанномъ таковымъ даже въ западной Европѣ, и расхваливаетъ такія свои работы, которыя рецензенты медицинской академіи признали слабыми и ничѣмъ невыдающимися. Непріятнымъ самохвалствомъ звучатъ и фразы, рисующія его успѣхи на поприщѣ практическаго врача. Чувствуется, что онъ самъ употребилъ не мало хлопотъ, чтобы собрать столь обильное, огромное количество аттестатовъ и благодарственныхъ писемъ за успѣшное излѣченіе имъ трудно излѣчимыхъ болѣзней (напр., бѣшенства). Самый способъ его врачеванія (огромныя дозы лѣкарствъ) могъ иногда вмѣсто пользы приносить и прямой вредъ. Нѣтъ полной увѣренности у насъ и въ значительныхъ затратахъ его на помощь бѣднымъ больнымъ, потому что приходится основываться только на его собственномъ сообщеніи, не подкрѣпленномъ никакими доказательствами и отличающемся совершенно голословнымъ характеромъ. Впрочемъ, высказывая эти сомнѣнія, мы должны оговориться, что рѣчь идетъ съ нашей стороны только о нѣкоторыхъ преувеличеніяхъ, а отнюдь не о полной недостоверности Пильгеровскихъ разсказовъ. Во-1-хъ, онъ силою обстоятельствъ былъ поставленъ въ печальную необходимость говорить о себѣ передъ начальствомъ, указывать на свои достоинства и заслуги, потому что многочисленные враги дѣйствовали противъ него настойчиво и энергично и едва не погубили его; во-2-хъ, мы видимъ, что его въ высшей степени лестно рекомендуютъ и другія лица, которыя по своему общественному положенію

могли знать истину—харьковскій губернаторъ И. И. Бахтинъ, человекъ очень просвѣщенный, стоявшій близко къ университету и профессорамъ; любопытно, что онъ былъ на сторонѣ Пильгера, не смотря на то, что противъ него былъ весь медицинскій факультетъ и почти весь совѣтъ и въ томъ числѣ ректоръ Стойковичъ, стоявшій очень близко ко всей губернаторской семьѣ; затѣмъ съ самой лучшей стороны его постоянно аттестовывалъ и попечитель округа гр. С. О. Потоцкій; наконецъ, несомнѣнно, что Пильгеръ пользовался огромнымъ довѣріемъ и расположеніемъ со стороны всѣхъ слоевъ мѣстнаго харьковскаго общества—объ этомъ свидѣлствуютъ приведенныя нами благодарственные свидѣтельства и масса неприведенныхъ нами отдѣльных писемъ и удостовѣреній, выданныхъ ему его признательными паціентами; важное значеніе долженъ имѣть систематическій опросъ со стороны полиціи харьковскихъ обывателей, произведенный по распоряженію И. И. Бахтина и челобитная харьковскаго и иногородняго купечества. Всѣ эти данныя удостовѣряютъ насъ въ томъ, что Пильгеръ былъ дѣйствительно искусный практическій врачъ, хотя и съ нѣсколькими своеобразными приѣмами лѣченія, заимствованными изъ терапіи ветеринарной. Въ научномъ отношеніи, какъ писатель по ветеринаріи, Пильгеръ стоялъ очень высоко, и Дерптскій университетъ былъ совершенно правъ, признавъ его извѣстнымъ въ Германіи ученымъ по его специальности. Былъ онъ правъ также по существу, присудивъ ему степень доктора медицины *honoris causa*, потому что Пильгеръ получилъ хорошее медицинское образованіе въ разныхъ университетахъ, обнаружилъ выдающееся усердіе и затѣмъ усовершенствовалъ себя обширною практикой въ госпиталяхъ. Въ ветеринарной наукѣ онъ былъ автодидактомъ, но и тутъ, въ силу своихъ талантовъ, дарованій, достигъ выдающагося положенія; объ этомъ свидѣлствуютъ его многотомное руководство и спеціальныя труды въ этой области. Ветеринарію при томъ онъ дѣйствительно связывалъ съ медициной. Такимъ образомъ, онъ по заслугамъ получилъ докторскую степень отъ Дерптскаго университета, и этотъ послѣдній по праву считалъ себя глубокооскорбленнымъ, что выданный имъ дипломъ былъ признанъ безъ всякаго повода недѣйствительнымъ; этимъ наносился тяжкій ударъ всему университету и подрывался его научный авторитетъ въ глазахъ всего русскаго общества. Докторскія степени раздавалися тогда не такъ строго, какъ теперь, и такіе достойные представители науки въ Харьковскомъ университетѣ, какъ Рижскій, Осиповскій получили докторскіе дипломы *honoris causa* также не за самостоятельныя изслѣдованія, а за составленныя ими руководства. Мы не говоримъ уже о такомъ профессорѣ, какъ Паки-де-Совиньи, которому также однако да-



рована была докторская степень. Пильгеръ не могъ не сознавать, что онъ цѣлою головою стоялъ въ научномъ отношеніи выше многихъ изъ своихъ товарищей—и его оскорбляло ихъ презрительное отношеніе къ нему, какъ къ ветеринару, представителю скотолѣчебной науки, которая по ихъ мнѣнію стояла ниже всѣхъ остальныхъ предметовъ на медицинскомъ факультетѣ. Отсюда борьба между нимъ и цѣлымъ факультетомъ, поддерживаемая его раздражительнымъ, можно сказать, строптивымъ характеромъ. Онъ никогда не оставался въ долгу передъ своими противниками и въ пылу раздраженія употреблялъ такіа рѣзкія выраженія, которыя не долженъ былъ употреблять по отношенію къ своимъ товарищамъ по факультету. Раздраженіе противъ Пильгера дошло до такой степени, что совѣтъ почти единогласно просилъ министра объ его увольненіи. Пильгеръ подчасъ и самъ сознавалъ свою горячность и раздражительность, но, очевидно, не могъ совладать съ собою. Лишеніе права врачебной практики не давало ему покоя. Слушателей на медицинскомъ факультетѣ тогда не было; значить онъ поневолѣ долженъ былъ отказаться отъ преподавательской дѣятельности. Его проектъ объ устройствѣ ветеринарнаго института не былъ принятъ. Такимъ образомъ, онъ долженъ былъ предаваться вынужденному бездѣйствію; между тѣмъ натура у него была въ высшей степени энергичная. Врачебная практика, при такихъ условіяхъ, была для него живою потребностью, а не однимъ только средствомъ заработка. Впрочемъ, и съ этой стороны онъ долженъ былъ чувствовать ея утрату, особенно съ того момента, когда въ Харьковѣ наступила страшная дороговизна, и всѣмъ профессорамъ волей-неволей пришлось подумать о дополнительныхъ постороннихъ источникахъ заработка. Къ этому присоединилось всеобщее возбужденіе противъ иностранцевъ, вызванное нашествіемъ Наполеона. Совокупность всѣхъ этихъ причинъ и побуждала Пильгера столь энергично отстаивать свое право на врачебную практику. Въ концѣ концовъ однако неудачи должны были сломить и желѣзное упрямство и настойчивость Пильгера и поселить въ его сердцѣ горькое разочарованіе и обиду. Тѣсныя связи съ представителями всѣхъ слоевъ харьковского общества, установившіяся у него благодаря обширной врачебной практикѣ, должны были повести къ нѣкоторому обрусенію и омалорусенію его: и дѣйствительно, мы знаемъ, что онъ женился на простой русской торговкѣ, которая помогала ему въ экскурсіяхъ, но оторвала его отъ высшего общества. Во всякомъ случаѣ Пильгеръ представляетъ любопытный образчикъ того, какъ трудно было иностранцамъ приспособляться къ условіямъ тогдашней русской дѣйствительности и приносить ту пользу, какую они могли бы приносить въ силу своихъ дарованій и способно-

стей. Пильгеръ почти всѣ свои богатѣя силы потратилъ на бесплодную борьбу, изъ которой вышелъ все-таки разбитымъ и униженнымъ; между тѣмъ при другихъ условіяхъ, онъ могъ принести огромную пользу и быть краскою и гордостью призвавшаго его къ себѣ на службу университета.

Любопытно сопоставить съ этимъ дѣломъ о дарованіи врачебной практики Пильгеру другое дѣло—о дарованіи права снимать съ глазъ катаракты еврею Леонтію Соколовскому. Въ 1807 г. полтавскій губернаторъ обратился въ Харьковскій университетъ съ запросомъ, не можетъ ли онъ принять на одинъ годъ еврея Леона Соколовскаго, который, не имѣя теоретическихъ познаній въ медицинѣ и анатоміи, весьма удачно лѣчитъ глазныя болѣзни, твердостью въ рукѣ и приемами, основанными на хирургіи, снимаетъ катаракты, въ чемъ представилъ аттестаты и свидѣтельства отъ оператора главнаго военного госпиталя въ Петербургѣ и разныхъ присутственныхъ мѣстъ и чиновъ, съ тѣмъ чтобы по истеченіи года его подвергли надлежащему экзамену въ его искусствѣ. Правленіе отвѣтило на это, основываясь на заключеніи медицинскаго факультета, что не можетъ допустить Соколовскаго къ экзамену, такъ какъ у него нѣтъ никакихъ теоретическихъ познаній въ окулистикѣ; не считаетъ возможнымъ принять его на годъ и въ университетъ, потому что за это время онъ не сможетъ приобрѣсти столько теоретическихъ познаній, сколько нужно для безопасной и искусной практики. Отвѣтъ, какъ мы видимъ, ясный и основательный. И что же? Проходить 3—4 года. Соколовскій переселился въ Харьковъ и безпрепятственно продолжалъ заниматься „своей“ врачебной практикой. Врачебная управа знала о ней и покровительствовала ей. Въ 1811 г. она возбудила ходатайство передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ кн. А. Б. Куракинымъ о разрѣшеніи Соколовскому на законномъ основаніи заниматься его глазными операціями. Но министръ отвѣтилъ, что Соколовскій долженъ быть подвергнутъ экзамену при университетѣ. Соколовскій „согласился“ подвергнутъ себя практическому испытанію въ сниманіи съ глазъ катаракта (*depressio cataractae*). Врачебная же управа указывала, съ своей стороны, на то, что Соколовскій, находясь съ давнихъ лѣтъ въ Харьковѣ, исцѣлилъ многихъ страдавшихъ катарактомъ, причемъ не только ничего не бралъ съ бѣдныхъ простолюдиновъ, но даже даромъ держалъ ихъ у себя во время болѣзни. Медицинскій факультетъ на этотъ разъ не говорилъ уже объ отсутствіи теоретической подготовки по медицинѣ у Соколовскаго, а произвелъ ему теоретическій и практическій экзаменъ въ операціи катаракта, признавъ его удовлетворительнымъ и возбудилъ ходатайство передъ министромъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи

выдать ему просимое свидѣтельство, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ не лѣчилъ никакихъ другіхъ глазныхъ болѣзней. Министръ удовлетворилъ эту просьбу и Соколовскій получилъ, такъ сказать, аттестатъ на званіе врача „по катарактамъ“. Очень можетъ быть, что Соколовскій былъ искусный операторъ и даже безсребренникъ; но во всякомъ случаѣ можно сказать, что если бы медицинскій факультетъ и врачебная управа дѣйствовали такъ и въ дѣлѣ Пильгера, то онъ, конечно, безпрепятственно получилъ бы разрѣшеніе на врачебную практику <sup>1)</sup>.

Довольно подробныя свѣдѣнія мы имѣемъ о смерти проф. Умляуфа, который заболѣлъ нервною горячкою и въ припадкѣ ипохондріи нанесъ себѣ раны въ грудь, а потомъ не захотѣлъ принимать ни лѣкарства, ни пищи и умеръ отъ полнаго истощенія. Дѣло происходило въ 1807 г. О покушеніи Умляуфа на самоубійство слуга его сообщилъ профессору Шумлянскому, который немедленно явился къ больному и вмѣстѣ съ адъюнктомъ Ванотти сдѣлалъ перевязку четырехъ ранъ, нанесенныхъ имъ себѣ ножомъ въ грудь. На вопросъ о причинѣ, побудившей его къ покушенію на самоубійство, раненый отвѣтилъ только по нѣмецки одну фразу: „я несчастенъ, но невиновенъ“. Правленіе университета, получивъ это сообщеніе отъ своего сочлена Шумлянского, поручило ему вмѣстѣ съ Коритари, Ванотти и Делявиномъ (все это были профессора врачи) освидѣтельствовать самымъ внимательнымъ образомъ раны Умляуфа и состояніе его умственныхъ способностей, а также оказывать ему необходимую медицинскую помощь, для наблюденія за больнымъ командировать двухъ университетскихъ служителей и сообщить обо всемъ этомъ по секрету г. губернатору. Врачи, изслѣдовавъ больнаго, донесли 1) что четыре колотыя раны на лѣвой сторонѣ груди сами по себѣ не смертельны, 2) судя по его нынѣшнему душевному состоянію, можно думать, что онъ нанесъ себѣ ихъ во время припадка ипохондріи. Правленіе поручило имъ дальнѣйшее лѣченіе Умляуфа и постановило донести о происшедшемъ попечителю округа. Покушеніе на самоубійство произошло 9-го января, а 23-го января Умляуфа уже не стало. Вотъ какъ описываетъ теченіе его болѣзни и смерть проф. Коритари. Прежніе припадки, сопровождавшіеся частымъ расцарапываніемъ ранъ и бредомъ, то яростнымъ, то веселымъ, 17, 18 и 19 числа ослабѣли и въ связи проясненіемъ ума, успокоеніемъ больнаго и сохраненіемъ достаточныхъ силъ, давали надежду на желанное выздоровленіе. Но вечеромъ 19-го числа проявился чрезмѣрный неестественный потъ, продолжавшійся цѣлую ночь,

<sup>1)</sup> Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1807 г. сентябрь—декабрь; засѣданіе 28 окт., 1808 г., янв.—апр., засѣданіе 2 января. 1811 г. май—августъ; засѣданіе 4 мая; засѣданіе 10 іюля; 1811 г. сент.—дек.; засѣданіе 4 сентября.

причемъ больной все время выражалъ желаніе умереть, упорно отказывался отъ приѣма лѣкарствъ и до такой степени расцарапалъ свои раны, что изъ нихъ вытекло до трехъ бутылокъ крови; 20 и 21 числа больной снова не захотѣлъ принимать лѣкарствъ; 22-го ему были даны лѣкарства по общему рѣшенію медиковъ, но не произвели никакого дѣйствія, а 23-го числа онъ спокойно умеръ вслѣдствіе полнаго истощенія силъ. Этого же 23 числа ректоръ собралъ въ 9 часу утра правленіе, сообщивъ ему о смерти Умляуфа и 1) поручилъ членамъ его Осиповскому, Шумлянскому и Делявину вмѣстѣ съ университетскимъ кассиромъ Дзюбинымъ отправиться на квартиру покойника, описать оставшееся послѣ него имущество и отправить его на храненіе въ университетъ, 2) отнестись съ просьбой къ ректору коллегіума о. Андрею Прокоровичу, чтобы онъ благоволилъ на слѣдующій день съ духовенствомъ прибыть въ 3 часа въ квартиру Умляуфа для выноса его тѣла въ церковь, причемъ имъ или кѣмъ-нибудь другимъ изъ духовенства должно быть произнесено приличное случаю слово, 3) пригласилъ на выносъ тѣла профессоровъ, адъюнктовъ, учителей и студентовъ, 4) ближайшее распоряженіе похоронами подъ своимъ наблюденіемъ предоставилъ адъюнкту Шмерфельду и переводчику Фирсову, 5) надгробную рѣчь попросилъ произнести проф. Белленъ-де-Баллю. Похороны соответствовали, конечно, принятому рѣшенію, отличались должною торжественностью и на нихъ истрачено было 148 р. 15 коп. <sup>1)</sup>). Надгробное слово, сказанное Беленъ-де-Баллю, заключаетъ въ себѣ нѣкоторые данныя для характеристики почившаго и потому мы въ примѣчаніи воспроизводимъ его цѣликомъ и въ оригиналѣ <sup>2)</sup> и тѣмъ болѣе что оно можетъ служить

<sup>1)</sup> 25 р. было дано духовенству, провожавшему его на кладбище, священнику и дьячку, читавшимъ надъ нимъ псалтырь и евангеліе, 22 руб. 75 коп. стоила нарча на гробъ, 45 р. заплачено было за гробъ, 9 р. за дроги и лошадей, 5 руб. за колокольный звонъ, 5 руб. за черныя покрывала, 13 р. пошло на угощеніе священниковъ.

<sup>2)</sup> La triste cérémonie qui nous rassemble, la perte douloureuse et inopinée d'un professeur de cette illustre Université, et les circonstances déchirantes qui ont accompagné cet événement terrible, semblent être un de ces traits effrayans, un de ces coups de foudre que La Providence semlait quelques fois à lancer, pour avertir l'homme de sa fragilité et de son Néant.

Si j'avois à parler devant une assemblée vulgaire des hommes moins accoutumés à réfléchir sur la foiblesse et l'instabilité de la condition humaine, je pourrais tirer du spectacle, qui est sous nos yeux, la plus importante des leçons. Mais quand j'adresse la parole à une Société de savans et de Philosophes, que leur dirais je qu'ils ne sesoient déjà dit à eus mêmes, ou qu'ils ne puissent se dire et bien plus doucement que je ne le pourrois faire? Honoré par votre choix de l'employ douloureux de jeter quelques fleurs sur la tombe d'un de nos Collègues, je sens toute l'import-

вмѣстѣ съ тѣмъ образцомъ краснорѣчія, которымъ такъ славился ея авторъ. Умляуфа, какъ мы видѣли, хоронило православное духовенство, хотя самъ онъ былъ протестантъ или католикъ. Позже иностранные профессора-протестанты устраивали свое собственное лютеранское богослуженіе. „Наша небольшая протестантская община, говоритъ Роммель, не имѣла своего пастора. По временамъ являлся изъ Полтавы евангелическій проповѣдникъ (въ то время Лиммеръ, противникъ извѣстнаго

tance et toute la difficulté d'un tel sujet, et je ne puis trouver que dans votre indulgence ce qui manque a mon talent.

La vie particuliere du professeur qui cause en ce moment nos regrets, ne nous offre aucun de ces traits rares et curieux qui enrichissent les éloges funebres et donnent a l'orateur l'occasion de briller à côté de son héros. Nous eussions pu sans doute recueillir de la bouche même de notre collegue quelques détails instructifs sur son enfance, sur sa jeunesse, sur les différentes Universités qu'il frequenta et qui furent le théâtre de ses succès. Mais le véritable talent est modeste et celui qui le possède parle rarement de lui même. Nous avons seulement appris que Leopold Umlauf naquit en 1758 a Eichsfeld dans le Royaume de Prusse d'une famille honnête, son éducation fut soignée, ses progrès y répondirent, il passa bientôt du Gymnase à Université d'Erfurt, delà à celle de Vienne où il eut occasion d'étudier sous les plus célèbres professeurs. Il n'y a point lieu de douter qu'il ait rempli d'une manière brillante les différents cours. La nature l'avait doué d'une intelligence vive, d'une mémoire heureuse, et d'une grande facilité pour le travail. Son goût pour les langues vivantes les manifesta de bonne heure, et en peu de temps, il apprit l'anglois l'italien, et le français; il parlait même cette dernière langue avec assez de facilité, et aussi purement que le peut un étranger qui n'a jamais voyagé en France et n'a point habité Paris.

L'étude des langues est une de celles qui contribue le plus à la justesse de l'esprit par les comparaisons continuelles qu'elle exige, et les réflexions que ces comparaisons font naître, conduisent à des résultats philosophiques. C'est à tort que quelques esprits superficiels ne voyent dans cette étude que celle des mots; ils ne réfléchissent point que ces mots représentent les choses et que de leur liaison resulte tout l'ensemble des connaissances humaines.

Le goût de M. Umlauf pour les langues modernes loin d'éteindre son ardeur pour les langues anciennes lui fournit de nouveaux moyens de perfectionner les connaissances dans la littérature latine, de former son goût, et le disposa à mieux sentir les beautés et les délicatesses des écrivains du siècle d'Auguste, si heureusement imitées par ceux de siècle de Louis XIV. Il sentit aussi toute l'importance de la langue grecque pour la perfection des études littéraires et il y consacra quelques heures de loisir. Ses progrès distingués dans la littérature et dans la philosophie lui méritèrent la dignité de docteur; peu de temps après il fut appelé par l'Université de Lemberg pour y remplir une chaire de professeur extraordinaire de littérature allemande. Depuis environ il la remplissoit avec applaudissement, lorsque notre Illustre curateur, toujours attentif a recueillir les sujets dont les talents peuvent contribuer le plus à la gloire de l'Université qui est

Фесслера въ Саратовѣ) и совершалъ необходимыя требы, какъ-то крещеніе, обрученіе и проч. Для проповѣдей отводилась ему обыкновенно моя аудиторія. Впослѣдствіи въ Харьковъ назначенъ былъ особый пасторъ". Извѣстіе Роммеля подтверждается и документальными данными. Въ 1809 г. профессоръ Якобъ вошелъ съ ходатайствомъ въ правленіе отъ имени мѣстной лютеранской общины о разрѣшеніи отпраздновать въ праздничные дни богослуженіе въ меньшемъ залѣ студенческаго кор-

confiée à ses soins, en 1803 choisit M. Umlauf pour professeur public ordinaire des lettres latines et des regles de l'esthétique.

Durant l'hiver de l'année suivante il se mit en route pour se rendre à Char-koff; mais une maladie dangereuse et dont les symptomes étoient effrayants l'arrêta plus de six semaines à Kiew. La cause de cette maladie merite que nous nous y arrêtions un moment parce qu'elle devint celle de l'événement douloureux qui l'a conduit au tombeau.

M. Umlauf avoit reçu de la nature un tempérament sanguin, assez delicat et très inflammable, un caractere vif, une sensibilité profonde et quelques fois exaltée. Son imagination ardente nuisoit quelques fois à sa santé, le rendait sujet à des fievres nerveuses accompagnées de transports violents; dans sa maladie de Kiew, on trembla plus d'une fois pour ses jours. Heureusement la nature triompha. Il arriva dans cette Université, et durant trois années il y jouit d'une santé assez constante. Il remplit avec assiduité et talent les fonctions qui lui étoient confiées. Appelé par le vou de ses collegues à la dignité de doyen de la faculté litteraire, il entra en cette qualité, au directoire et au comité des ecoles, et l'on n'eut qu'à se louer de son zèle et des efforts qu'il fit pour seconder celui de ses collegues. Envoyé comme visiteur dans les gouvernemens de Poltava et de Schernigoff pendant plus d'un mois, il n'épargna ni soins ni fatigues pour remplir les vues du sénat de l'Université. Ce voyage entrepris dans les chaleurs de l'automne, altera sa santé, fit fermenter ses humeurs et en rompit l'équilibre; il éprouvoit de puis quelque temps des accès de mélancholie, et sa sensibilité extrême lui exageroit des choses qui auroient à peine effleuré son attention dans d'autres circonstances. Tout à coup il fut frappé d'un accès de fièvre terrible, les symptomes effrayants qui s'étoient déjà manifestés à Kiew, reparurent avec une violence nouvelle. Tous les secours de l'art et de l'amitié lui furent prodigués, mais son imagination étoit exaltée, elle lui causa plusieurs accès d'un délire terrible dont il fut enfin la victime.

Entièrement occupé des travaux de l'enseignement, M. Umlauf n'a laissé d'autre ouvrage litteraire qu'un discours latin, prononcé le 17 janvier de l'année dernière, à la fete de l'inauguration de l'Université. Dans ce discours il s'élève avec force contre l'audace de quelques novateurs téméraires qui veulent substituer leurs inventions aux anciens principes. Il avoit commencé à écrire un cours d'esthetique, qu'il n'a pas eu le temps d'achever. Sans doute ce cours eut été très intéressant; les talents et les connaissances du professeur autorisent à le penser. Mais si nous ne pouvons louer les productions de son esprit, nous devons du moins rendre hommage aux qualités de son cœur, à sa droiture, à sa franchise, à son zèle pour ses amis, à son attachement au corps qui l'avait adopté, et dont il a mérité les larmes et les sincères regrets. (Харьк. унів. архивъ. Діло совѣта 1807 г. № 61, стр. 75 - 78).

пуса—и ходатайство это было удовлетворено „въ уваженіе къ цѣлому лютеранскому обществу, проживающему въ Харьковѣ“ <sup>1)</sup>.

Послѣ Умляуфа осталось только одно движимое имущество и 100 р. денегъ; общая цѣнность движимости равнялась 869 р. 41 к. Совокупность его даетъ понятіе о домашней обстановкѣ профессоровъ того времени и потому мы приведемъ здѣсь перечень важнѣйшихъ вещей. У него оказалось—изъ предметовъ украшенія—его собственный портретъ въ черной рамкѣ съ позолотою по краямъ, 3 зеркала въ красныхъ рамахъ, одно побольше, два поменьше и двѣ картины, 20 томовъ книгъ, а именно — 8 томовъ русской исторіи Лелека, на французскомъ языкѣ, философское сочиненіе Бурка объ изящномъ на англійскомъ языкѣ, сочиненіе г-жи Стаель Голштейнъ о литературѣ на французскомъ языкѣ, о временахъ года Толкени на англійскомъ языкѣ, поэма Амервиля о звѣриной охотѣ на англійскомъ языкѣ, лексиконъ французской академіи на французскомъ языкѣ, историко-политическія сочиненія Любинскаго на латинскомъ языкѣ, о польской конституціи 3-го мая 1791 года на нѣмецкомъ языкѣ, сочиненія Геснера на нѣмецкомъ языкѣ, сатириконъ Петровія Абситра на латинскомъ языкѣ, взглядъ на Турецкую имперію Тони на англійскомъ языкѣ, разсужденіе о безсмертіи души на французскомъ языкѣ, русская грамматика Ломоносова, переведенная на нѣмецкій языкъ Стевенгагеномъ; изъ мебели — 3 стола, комодъ краснаго дерева, бюро берестоваго дерева, липовый столъ, канане, обитое краснымъ камлотомъ съ 8 подушками, диванъ, обитый выбойкою, 1½ дюжины стульевъ, обитыхъ краснымъ сафьяномъ, туалетъ краснаго дерева съ бронзою; столовой посуды—одна большая серебряная разливная ложка, дюжина столовыхъ и ½ дюжины чайныхъ ложекъ; изъ платья—новый мундиръ, 3 суконныхъ фрака разныхъ цвѣтовъ, сюртукъ, 3 шелковыхъ жилета, 5 простыхъ, енотовая шуба, покрытая темнымъ сукномъ и нѣк. др.; бѣлье и обувь въ достаточномъ количествѣ; изъ посуды — 4 пары саксонскихъ чайныхъ чашекъ, фаянсовая сахарница, большой жестяной подносъ, 6 мѣдныхъ подсвѣчниковъ, трое щипцовъ; затѣмъ идетъ кухонная посуда; изъ другихъ вещей отмѣтимъ—золотые часы съ черепашковымъ футляромъ, пару парижскихъ пистолетовъ съ мѣдными стволами <sup>2)</sup>. Всѣ эти предметы въ своей совокупности даютъ намъ вполнѣ ясное, наглядное представленіе о домашней обстановкѣ профессора-иностранца, жившаго исключительно на скромный окладъ экстра-

<sup>1)</sup> Харьк. ун-в. архивъ. Журн. правл. 1809 г., янв.—апр. засѣданіе 25 февр.

<sup>2)</sup> Харьк. универс. архивъ. Журн. правл. 1807 г., январь—апрѣль; засѣданіи 9 и 23 января.

ординарнаго профессора (2000 р. и квартирны). Въ такой приблизительно обстановкѣ живутъ и въ наше время молодые приватъ-доценты и экстра-ординарные профессора, не имѣющіе другихъ источниковъ существованія, кромѣ жалованья. Принявъ въ свое вѣдѣніе имущество покойнаго, университетъ распорядился вмѣстѣ съ тѣмъ о вызовѣ кредиторовъ и наслѣдниковъ. Харьковская полиція сдѣлала относительно кредиторовъ публикацію въ городѣ—и всѣ, представившіе доказательства, были удовлетворены; произведена была уплата даже одному такому кредитору, который не имѣлъ никакого документа и о которомъ не вспомнилъ передъ смертію самъ Умляуфъ (перечислившій свои долги). Выданы были ему деньги потому, что онъ вспоминалъ объ этомъ долгѣ, когда заболѣлъ Умляуфъ, губернатору И. И. Бахтину, который объ этомъ категорически засвидѣтельствовалъ правленію <sup>1)</sup>. По уплатѣ долговъ рѣшено было еще сдѣлать на могилѣ Умляуфа памятникъ, а на оставшуюся сумму искать наслѣдниковъ за границей. Осталось же всего 326 р. 38½ коп. На публикацію русскаго консула въ Лейпцигѣ Шварца наслѣдники откликнулись и представили достовѣрныя документальныя данныя; это были два его родные дяди и двѣ его двоюродныя сестры. И деньги, за вычетомъ расходовъ по пересылкѣ, были отправлены имъ <sup>2)</sup>.

О характерѣ и бытѣ другихъ профессоровъ иностранцевъ мы находимъ самыя краткія свѣдѣнія. Гута Роммель называется веселымъ собесѣдникомъ; но онъ очень скоро перевелся изъ Харькова въ Дерптъ. Весьма видную роль игралъ Гизе, отличавшійся необычайнымъ трудолюбіемъ, принимавшій видное участіе въ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, но также къ сожалѣнію предпочевшій Харькову Дерптъ въ 1814 г. Уѣзжая онъ рекомендовалъ совѣту отпустить съ нимъ своего ученика Сухомлинова для усовершенствованія въ химіи. Другой химикъ, Шнаубертъ переселился со своею молодою женою въ Москву вслѣдствіе нездороваго климата Харькова и тамъ послѣ нашествія французовъ дошелъ почти до нищенства, какъ самъ писалъ, обращаясь къ помощи харьковскихъ своихъ товарищей. Дрейсигъ былъ хорошій практическій врачъ, хотя ему нѣсколько мѣшало то обстоятельство, что онъ и послѣ десятилѣтней практики не говорилъ ни слова по русски. Розальонъ-Сошальскій называетъ его ученымъ медикомъ и, говоря о его фигурѣ, заявляетъ, что она вполне соотвѣтствовала выраженію „прилизанный нѣмецъ“; по словамъ Селиванова, онъ имѣлъ много паціентовъ; у него была жена, но дѣтей не было. „Нельдехенъ, возбуждивъ смѣхъ своимъ

<sup>1)</sup> *Ib.*, засѣданія 28 янв. и 20 февраля. *Ib.*, 1807 г., май—авг.; засѣд. 15 мал.

<sup>2)</sup> *Ib.*, 1808 г., янв.—апр.; засѣданіе 27 февраля.



ученіемъ о необходимости удобренія чернозема, мало помалу, при пособіи своей супруги польки, занялся исключительно собственною экономіею<sup>1)</sup>; такъ иронически отзываясь о немъ Роммель и этотъ отзывъ подтверждается свидѣтельствомъ Цебрикова. Къ брату Цебрикова, на квартирѣ, у котораго онъ остановился, явились въ гости и нѣкоторые изъ харьковскихъ профессоровъ русскаго происхожденія и вотъ что они сообщали о Нельдехенѣ. „Когда ихъ угостили виномъ, говоритъ Цебриковъ, то, похваливъ это вино, они спросили у моего брата, гдѣ онъ его досталъ? Университетскій магистръ сынъ нашего сосѣда, отвѣчалъ имъ, что онъ купилъ для моего брата у профессора Нельдехена, выписавшаго нѣсколько бочекъ онаго изъ Таганрога и продававшего ведрами. Удивительно, сказали сіи наши русскіе профессора, что всѣ почти находящіеся при нашемъ университетѣ иностранные ученые пустились во всякіе промыслы и торговлю для скорѣйшаго себя обогащенія, не приминувъ при томъ много кой-чего, къ сей матеріи относящагося, насказать на счетъ сихъ высокоученыхъ торговцевъ, собратій своихъ, и не упустивъ къ тому прибавить, что вѣрно вышедшій въ отставку профессоръ Стойковичъ первый подалъ поводъ къ сей профессорской продажѣ вина и проч. Однако и сей ученый господинъ виноторговецъ Нельдехенъ, подобно всѣмъ продавцамъ-обманщикамъ, хвалилъ крѣпость и доброту своего вина, смѣшавъ его пополамъ съ водою, какъ то мы узнали, купивши у него въ другой разъ сего вина, и хотя послали его перемѣнить, только намъ принесли опять водяное какъ и прежде, и деньги наши напрасно пропали. Онъ, конечно, видя большой расходъ на его вино, а особливо еще и потому, что уже много купцовъ начало туда съѣзжаться на приближавшуюся ярмарку крещенскую, подумалъ или расчелъ по купечески, что и смѣшанное у него пополамъ съ водою вино по причинѣ многолюдства разойдется, а можетъ быть еще и логическое вывелъ заключеніе, что смѣшанное съ водою вино, хотя и въ большемъ количествѣ употребляемое, не столь тяжело для головы, сколько крѣпкое, цѣльное, слѣдовательно, крѣпкаго и цѣльнаго здоровье и полезнѣе для человѣчества. Однако же господинъ Нельдехенъ продавалъ цѣльное вино прежде по 10 и 12 руб., а смѣшавъ его пополамъ съ водою не только не убавилъ цѣны, но еще и возвысилъ оную до 15 руб., въ семъ послѣднемъ случаѣ сдѣлалъ оный господинъ профессоръ непростительную ошибку противъ логики, или просто сказать противъ заповѣди, *не укради*, въ обширномъ смыслѣ добросовѣстными людьми приемлемой<sup>1)</sup>. Лангъ „будучи безсмѣннымъ секретаремъ на этикополи-

<sup>1)</sup> Рукопись Цебрикова въ Имп. Публ. библіотекѣ.

тическомъ отдѣленіи, всегда принималъ самое горячее участіе во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ, которыхъ было такъ много на этомъ факультетѣ. Горячность доводила его часто до многихъ исторій, долго занимавшихъ членовъ совѣта. Несмотря на всѣ свои усилія онъ только въ 1810 году былъ утвержденъ въ званіи экстра-ординарнаго профессора. Роммель говоритъ о немъ, что „онъ думалъ надѣлать чудесъ своимъ рѣшеніемъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ“ <sup>1)</sup>. Вообще это былъ умный и основательный человѣкъ, недовольный только тѣмъ, что ему долго не давали хода. Еще въ большей степени чувствовалъ себя обиженнымъ Рейтъ, на ученой дѣятельности котораго мы останавливались выше. Всѣ свои скорби и жалобы на несправедливости совѣта и факультетовъ, не оцѣнившихъ будтобы по достоинству его дѣятельности и трудовъ, онъ излилъ въ конфиденціальномъ письмѣ на имя министра народнаго просвѣщенія, гдѣ воспользовался возможностью безнаказанно выставить въ яркомъ положительномъ свѣтѣ себя и въ черномъ отрицательномъ весь университетъ и своего конкуррента Дегурова. Быть можетъ, онъ отчасти и правъ въ своихъ указаніяхъ. Дегуровъ, можетъ быть, дѣйствительно говорилъ, что ему придется получить должность ординарнаго профессора по кафедрѣ всеобщей исторіи не раньше его смерти; по научной своей энергіи сравнительно съ другими онъ повидимому заслуживалъ лучшей оцѣнки, чѣмъ та, которую ему дѣлали (онъ долго занималъ должности лектора и адъюнкта, прежде чѣмъ получилъ званіе экстра-ординарнаго профессора, для пріобрѣтенія же ординатуры долженъ былъ перейти со словеснаго на этикополитическій факультетъ); быть можетъ, Стойковичъ и Дегуровъ дѣйствительно брали взятки за назначеніе на разныя должности: по крайней мѣрѣ по складу своихъ нравственныхъ понятій они могли это дѣлать, тѣмъ болѣе, что Дегуровъ не выступалъ противъ Стойковича даже въ возбужденномъ противъ него дѣлѣ о незаконной торговлѣ венгерскими винами; сдержанно онъ велъ себя и въ дѣлѣ о курскихъ беспорядкахъ. Допуская возможность всего этого, мы тѣмъ не менѣе должны сознаться, что „саморекомендація“ Рейта министру производитъ впечатлѣніе не въ пользу ея автора; ова отзывается крайнимъ искательствомъ, въ пользу котораго представлено однако слишкомъ мало данныхъ и за недостаткомъ ихъ фигурируетъ даже ссылка на неизданную еще актовую рѣчь. Вотъ подлинный текстъ записки. „Сіятедьнѣйшій графъ. Приноси благодарность за милостивый отвѣтъ, которымъ угодно было Вашему Сіятельству удостоить меня, покорнѣйше прошу оказать правосудіе на справедливое

<sup>1)</sup> Журн. Мин. Нар. Просв., 1872 г., февр., стр. 232—233.

мое прошеніе, содержащее всѣ приключенія, со времени моего пребыванія въ Харьковской академіи и страданія, претерпѣваемые мною еще и до сего времени. Прибывъ въ Россіи въ званіи ученаго и бывши извѣстенъ какъ оригинальными сочиненіями, такъ и переводами съ англійскаго, итальянскаго и французскаго языковъ, являлся я въ Петербургъ къ кому слѣдовало, прося позволенія занять каведру исторіи и статистики въ Харьковскомъ университетѣ, въ намѣреніи имѣть жительство въ южной части сего государства и заниматься древнею исторіею. Гордясь своими твореніями, думалъ я быть довольнымъ, достигнувъ сего званія. Между тѣмъ дѣло тянулось; мнѣ предложили, и я не отказывался преподавать испытательныя лекціи цѣлый годъ и, увѣрясь на словесныя общанія, пустился я въ путь для испытанія. Но я ошибся, ибо никто изъ самыхъ не знающихъ литераторовъ, въ званіи адъюнкта или профессора не былъ подверженъ толикимъ оскорбленіямъ. Итакъ, я долженъ былъ вкушать горестныя плоды моего простосердечія, представлявшіеся мнѣ отовсюду, и послѣ полугодового преподаванія лекцій, совѣтъ академическій дѣлаетъ наконецъ опредѣленіе, въ коемъ объясняетъ, что я выполнилъ всѣ предписанныя мнѣ условія, но сколь еще все сіе было удалено отъ какого-либо избранія, которое и было отложено до наступленія третьяго года единственно для того, чтобы отнять справедливо пріобрѣтенное право, т. е. избрать по исторической части вторымъ экстраординарнымъ профессоромъ, избраніе, которое по сужденію истинно ученыхъ людей не принесло чести избирателямъ. Послѣ сдѣланнаго выбора долженъ былъ я еще три года дожидать до представленія на утвержденіе. Будучи лишенъ всѣхъ средствъ, былъ внесенъ въ списокъ адъюнктовъ, не давая о томъ никакого свѣдѣнія совѣту. Таково было положеніе мое до славной эпохи министерства Вашего Сіятельства, которое ускорило минуту спаденія съ меня цѣпей. Съ жалостнымъ воплемъ доношу Вашему Сіятельству, что семь лѣтъ моей жизни протекли въ неудовольствіи и оскорбленіяхъ. Потери невозвратная въ разсужденіи поздняго пятидесятилѣтняго моего возраста, невозвратная и въ разсужденіи малаго моего имущества, ибо по сіе время невозможно было мнѣ завести какое-либо домоводство, какъ для спокойнаго наслажденія науками, такъ и для пріятностей дружбы (партіи), которой теперь поневолѣ долженъ навсегда лишиться. Просьбу же подалъ я пять мѣсяцевъ назадъ въ академическій совѣтъ о занятіи каведры російской исторіи и статистики, для того единственно, чтобы доставить безбѣдное состояніе въ моей старости. Въмѣсто какого либо вибуди отвѣта адъюнкту Успенскій сдѣлавъ экстраординарнымъ профессоромъ. Чрезъ нѣсколько времени узнаю я о постановленіи новой

каѳедры всеобщей исторіи и энциклопедіи. Мыѣ предлагаютъ сочинить *Обозрѣніе всеобщей исторіи и систематической энциклопедіи наукъ* для того, чтобы присутствующіе могли судить о важности сихъ наукъ, о необходимости новой каѳедры. Я представляю обозрѣніе въ академическій совѣтъ на разсмотрѣніе ординарныхъ профессоровъ, и какъ въ семъ мірѣ приключенія не рѣдки, то я заранѣе предвидѣлъ разрушеніе моего плана, что и совершилось, когда мое сочиненіе не успѣло выйти изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ. Чтобы загладить сей стыдъ, взялъ я предметомъ для сочиненія рѣчи, для годовичаго праздника гевваря 17-го дня о словесности вообще и приноврвленной къ россійской, т. е. *духъ образованія словесности на востокъ и западъ*. Ваше Сіятельство можете о ней судить, когда она напечатана будетъ.

Увидя меня принужденнымъ оставить мое намѣреніе и воображая, что я не имѣю никакихъ другихъ познаній, полагали, что я принужденъ буду ожидать еще болѣе. Я избралъ предметомъ исторію потому, что она составляла пріятнѣйшее мое занятіе и что въ молодости я мечталъ достигнуть чести быть помѣщену наряду съ славнѣйшими историками. Но Харьковскій университетъ излѣчилъ меня отъ сего энтузіазма и принудилъ оставить сію часть. Такимъ образомъ, рѣшившись оставить словесный факультетъ и заняться этико-политическими науками, подавалъ я приложенное у сего прошеніе въ академическій совѣтъ о занятіи каѳедры публичныхъ и частныхъ правъ. Въ засѣданіи 27-го марта было оно разсматриваемо и всѣ члены согласились и обѣщали избрать меня въ слѣдующее засѣданіе. 17-го же апрѣля тотъ самый совѣтъ сдѣлалъ опредѣленіе, по которому должно было ожидать профессора Швейкарда. Нѣкоторые изъ членовъ—профессоры Роммель, Книгинъ, Лангъ и проч.—предлагали отослать сіе дѣло на разсмотрѣніе въ этико-политическій факультетъ, чтобы онъ забралъ подробныя свѣдѣнія о моихъ познаніяхъ, но большинствомъ голосовъ мнѣніе это было опровергнуто, ибо нуждаются въ законоискусникахъ. Слѣдовательно, опредѣленіе засѣданія 27 марта было только словесное.

Виновникъ этой перемѣны, противорѣчія и пристрастія профессоръ Дегуровъ, что онъ доказалъ причиненіемъ мнѣ различныхъ обидъ какъ въ присутствіи ректора, такъ и на единѣ, говори—„дожидать еще болѣе, дожидать до самой его смерти и преподавать еще цѣлый годъ испытательныя лекціи для замѣщенія оной каѳедры публичныхъ правъ“. Человѣкъ этотъ, не оправдавшій еще до сего времени своего выбора, не знающій ничего кромѣ варварской латыни, и котораго всѣ познанія ограничиваются Волтеровыми сочиненіями о феодальномъ правѣ и религіи, профессоръ этотъ, говорю я, соединился съ ректоромъ для того,

единственно, чтобы собирать взятки за доставленіе мѣстъ, уничтожить настоящій порядокъ дѣлъ и ввести аристократію въ академіи, которая не преминетъ нанести смертельный ударъ истиннымъ дарованіямъ и успѣхамъ въ распространеніи наукъ и какой-либо ревности. Сей самый Дегуровъ былъ причиною отставки профессора Пильгера. Не стану говорить, что онъ также есть виновникъ несогласія Курской гимназіи.

Увѣряя Ваше Сіятельство въ справедливости всего мною здѣсь сказаннаго и умоляя васъ оказать правосудіе, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою Рейтъ <sup>1)</sup>).

Разнообразными талантами выдавался бывшій ректоръ университета въ Галле проф. Якобъ, только къ сожалѣнію пробывшій въ Харьковскомъ университетѣ 2 года и нашедшій для себя болѣе обширную служебную арену въ Петербургѣ. Его туда привлекъ на службу по министерству финансовъ извѣстный Сперанскій. „Онъ послалъ Императору Александру сочиненіе свое о бумажныхъ деньгахъ въ Россіи и средствахъ удержаніи ихъ при надлежащей цѣнности, вслѣдствіе этого вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ назначенъ членомъ по финансовой части въ комиссіи о законахъ. Здѣсь онъ сблизился со Сперанскимъ, съ паденіемъ котораго оставилъ Россію, поселившись въ Галле и снова принявши званіе профессора политическихъ наукъ въ тамошнемъ университетѣ. По порученію главнаго правленія училищъ Якобъ составилъ нѣсколько руководствъ по разнымъ предметамъ“ <sup>2)</sup>). Выдающееся положеніе на этико-политическомъ факультетѣ и въ университетѣ занималъ Швейкартъ. „Въ началѣ своего пребыванія говоритъ Роммель, онъ увлекался разными прекрасными проэктами и преобразованіями, потомъ, всмотрѣвшись поближе въ тогдашнее состояніе русскаго общества, разочаровался. Не имѣя силъ или желанія (по выраженію Песталоцци) управиться со свѣтомъ, который съ нимъ управлялся по своему, онъ сталъ подозрителенъ, бѣгалъ отъ общества и впослѣдствіи подъ вліяніемъ высшаго своего философскаго настроенія едва не впалъ въ мистицизмъ. Въ 1817 г. мнѣ посчастливилось перезвать его въ Марбургъ, откуда съ титуломъ профессора и члена суда онъ перешелъ въ Кенигсбергъ, а въ 1844 году вызванъ въ Берлинскій синодъ“. Адъюнктъ Гамперле оставилъ по себѣ печальную память ложными доносами на проф. Дюгура, за что былъ уволенъ изъ университета. „Въ концѣ 1806 г. онъ подалъ два доноса на Дюгура одинъ въ томъ, что Дюгуръ не способенъ къ должности профессора, другой, обвинявшій его въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ Франціей.

<sup>1)</sup> Архивъ Мин. Народ. Просв. Дѣло № <sup>6146</sup>/100.

<sup>2)</sup> М. И. Сухомлинова. Излѣд. и статьи, I, стр. 102.

Послѣдній доносъ повлекъ за собою, по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ (тогда только что послѣдовало рѣшительное запрещеніе сношеній съ Франціей и въ совѣтъ — 31 декабря прочитано было особое объ этомъ предписаніе), строжайшее слѣдствіе, производившееся весьма секретно и поспѣшно губернаторомъ... Министръ Завадовскій писалъ попечителю Потоцкому, что, быть можетъ, Гамперле преслѣдовалъ тутъ личныя дѣли, но такъ какъ теперь принимаютъ особенныя мѣры предосторожности относительно иностранцевъ, то пусть Харьковскій губернаторъ призоветъ обвинителя и обвиняемаго и изслѣдуетъ доносъ во всей точности. Къ дѣлу были привлечены — Рейтъ, Шадъ, Умлауфъ, учитель фехтованія Сиво, де-Баллю и даже жена послѣдняго. Доносъ однако не былъ доказанъ слѣдствіемъ. Дюгуръ оправданъ, что и значится въ его формулярномъ спискѣ, а Гамперле и Сиво, какъ люди безпokoйные и доносчики, не доказавшіе своихъ показаній, должны были удалиться изъ университета. Рейту, де-Баллю и его женѣ сдѣлали строгій выговоръ, въ совѣтъ, со внушеніемъ воздерживаться впредь отъ неприличныхъ и подвергающихъ суду и отвѣтственности рѣчей. Жена де-Баллю явилась 24 апрѣля въ засѣданіе совѣта для выслушанія выговора<sup>1)</sup>. Болѣе легкое наказаніе Рейту и де-Баллю было назначено „во уваженіе иностранства ихъ, похвальнаго прохожденія прежней службы, — они никогда раньше не были замѣчены ни въ какихъ противузаконныхъ поступкахъ и въ это дѣло замѣшаны только по ссылкѣ на нихъ другихъ“. При этомъ возникъ вопросъ, заносить ли этотъ выговоръ въ ихъ послужные списки; по мнѣнію однихъ членовъ правленія, это слѣдовало сдѣлать, по мнѣнію другихъ — нѣтъ; рѣшено было запросить объ этомъ попечителя округа. Къ Гамперле и Сивокту губернаторъ приставилъ полицейскихъ приставовъ<sup>2)</sup>. По удаленіи своемъ изъ Россіи Гамперле безпокоилъ университетъ своими домогательствами и претензіями — просилъ произвести расчеты по его долгамъ, требовалъ свидѣтельства, въ которомъ было бы указано, сколь долго и въ какомъ званіи онъ служилъ при университетѣ; просилъ о выдачѣ ему по крайней мѣрѣ 150 червонцевъ на проѣздъ за границу, ибо таковую сумму онъ получилъ при вѣздѣ въ Россію, когда его пригласили въ Харьковскій университетъ, требовалъ сверхъ того 200 р. за свои рукописныя сочиненія: 1) мысли касательно правилъ для студентовъ Имп. Харьк. университета и 2) опытъ судопроизводства для учащихся въ Имп. Харьк. универ., 100 р. за рукописное сочиненіе на лат. и нѣм. языкѣ о есте-

<sup>1)</sup> Жур. Мин. Нар. Просв. 1872, февраль, стр. 233—234.

<sup>2)</sup> Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1807 г., янв.—апр.; засѣданіе 29 апрѣля.

ственнымъ правѣ для учащихся; заявлялъ требованіе о высылкѣ ему патента на чинъ, ибо исключеніе изъ университета не могло его лишить этого чина; предлагалъ себя въ члены-корреспонденты университета, такъ какъ, сохраняя свое докторское достоинство, онъ остается по прежнему его членомъ; и наконецъ, въ заключеніе просилъ выдать ему годичное жалованье, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что такое получила бы его семья, если бы онъ умеръ на службѣ въ Россіи, теперь же его обокрали и онъ впалъ въ долги. Правленіе отвергло почти всѣ его предложенія и просьбы, но вернуло его сочиненія. Вотъ образчики его отвѣтовъ: „такъ какъ Гамперле исключенъ изъ университета, то членомъ его быть не можетъ, а потому и наименование его корреспондентомъ университета ему дано быть не можетъ“; „такъ какъ онъ, Гамперле, исключенъ изъ университета высшимъ начальствомъ, то университетъ не можетъ выдать ему годового жалованья, на которое имѣютъ право увольняющіеся изъ университета по своему желанію, а можетъ онъ просить объ этомъ то лицо, которое его исключило“<sup>1)</sup>.

Профессора славянскаго происхожденія искали въ Россіи карьеры. Ихъ вызвалъ и пріютилъ могущественный землякъ ихъ Стойковичъ. Объ одномъ изъ нихъ Павловичѣ мы находимъ слѣдующую замѣтку у Розальонъ-Сошальскаго. „Еще припоминаю изъ австрійскихъ славянъ адъюнкта, потомъ профессора по юридическому факультету Константина Павловича Павловича—маленькій, аккуратненькій человѣкъ, флегматикъ, но щеголь и любитель комфорта, женившійся позже на вдовѣ помѣщицѣ Боярской“<sup>2)</sup>.

О бытѣ, нравахъ и характерѣ другихъ профессоровъ русскаго происхожденія извѣстно слѣдующее. Скажемъ нѣсколько словъ объ И. С. Рижскомъ. Т. И. Селивановъ даетъ ему слѣдующую характеристику. „Иванъ Степановичъ Рижскій былъ роста средняго, сутуловатъ, довольно полонъ, но не толстъ, сановитъ или осанистъ, держалъ себя съ достоинствомъ, но безъ гордости и надменности. Сохраняя обычай екатерининскаго и павловскаго времени, всегда былъ напудренъ. Онъ со всѣми обращался вѣжливо, не разсыпая комплиментовъ; не былъ педантъ и не любилъ вычурности; провинившимся студентамъ дѣлалъ замѣчанія и выговоры большею частію въ залѣ, въ полномъ ихъ собраніи, деликатно, не выходя изъ границъ приличія и при томъ, какъ бы пользуясь этимъ случаемъ, благодарилъ всѣхъ прочихъ, т. е. все сословіе студентовъ за ихъ приличіе и скромное поведеніе. Въ то время карцеръ наказаніе было

<sup>1)</sup> Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1808 г., январь—апрѣль; засѣданіе 20 апр.

<sup>2)</sup> Харьк. губ. вѣд. 1869 г. № 43.

немаловажное, и одинъ только ректоръ имѣлъ право посадить студента въ карцеръ. „О его спокойствіи и сдержанности въ отношеніи студентовъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. „Рижскій любилъ, чтобы студенты, кромѣ руководствъ его, риторики и поэзіи, записывали на лекціи то, чего нѣтъ въ его руководствахъ. Но какъ онъ, читая лекцію, имѣлъ привычку часто повторять: „ну, сударь“, студентъ Мартыновъ рѣшился записывать, сколько онъ разъ въ продолженіи лекціи повторить эту фразу. Между тѣмъ Рижскій замѣтилъ, что Мартыновъ записываетъ что-то слишкомъ часто, но кратко, и по окончаніи лекціи сказалъ Мартынову, „пожалуйте свою тетрадь, что вы замѣтили“ и, взглянувъ въ тетрадь, сказалъ: „такъ вы ничего въ моей лекціи кромѣ этого не замѣтили?“ И ничего не говоря и не дѣлая особеннаго замѣчанія Мартынову, началъ говорить: „у людей кабинетныхъ много кое-чего вкрадывается и обращается въ привычку, потому что ихъ никто не останавливаетъ и не даетъ имъ этого замѣтить; а человѣкъ, который всегда бываетъ въ публикѣ, меньше подверженъ бываетъ такимъ привычкамъ; его часто останавливаютъ и онъ большею частію обдумавши говорить; а потому я совѣтую вамъ чаще бывать въ публикѣ. Когда товарищи спрашивали Мартынова, что онъ записывалъ, онъ отвѣчалъ: „что я записывалъ, того я никогда никому не скажу до гроба“ и уже послѣ смерти Рижскаго сказалъ и то съ глубокимъ уваженіемъ къ покойнику“<sup>1)</sup>.

И. С. Рижскій пользовался глубочайшимъ уваженіемъ всей университетской среды и это уваженіе съ особенною силою проявилось на его погребеніи. Вотъ какъ описываетъ ихъ Роммель. „Изъ университетскихъ торжественныхъ церемоній я помню только похороны ректора Рижскаго. На этотъ разъ мы иновѣрцы присоединились къ русскому духовенству, въ то время вообще отличавшемуся большою терпимостью. Въ соборѣ, гдѣ стоялъ гробъ усопшаго и архіерей съ 12 священниками служилъ панихиду, выступили передъ набожнымъ народомъ три университетскіе оратора. Я говорилъ по латыни, другіе два по русски и по французски. Меня восхищали чудные голоса украинскаго хора дѣвчихъ и сильный густой басъ протодіакона, сорокъ разъ повторявшаго: „Господи, помилуй!“ Протестанты по примѣру другихъ цѣловали распятіе“. Этотъ рассказъ подтверждается и дополняется документальными данными, именно брошюрою, изданною въ 1811 году и содержащею въ себѣ описаніе жизни и смерти Рижскаго. Приведемъ изъ нея нѣкоторыя подробности. „Достоинства Рижскаго столько приобрѣли къ нему уваженія въ ученомъ сословіи нашего отечества, у именитыхъ любителей словесности

<sup>1)</sup> Журн. мин. нар. просв., 1872 г., февраль, стр. 206—208.



и всѣхъ, которые знали его, что въ угодное здѣсь поставляется сообщить извѣстіе о его жизни и смерти почитающимъ заслуги, добродѣтель и память его. Знатностію и всѣмъ состояніемъ онъ обязанъ былъ единственно своему разуму, трудолюбію и ревностному исполненію должностей, на него возложенныхъ.... Университетъ представлялъ его способностямъ неизмѣримое поле дѣйствія и славы. Образъ его мыслей былъ достоинъ ученаго мужа. Правомъ и поведеніемъ онъ располагалъ обращающихся благопріятствовать ему. Житіе въ строгой умѣренности и перемѣны трудовъ сохраняли его силы. Около трехъ лѣтъ утѣшался онъ супружествомъ, которое ввело его въ одно изъ почтенныхъ семействъ Слободскоукраинской губерніи и поставляло совершенно ея гражданиномъ. Пребываніе въ этомъ мѣстѣ не всегда находилъ онъ полезнымъ для своего здоровья; но въ разныхъ случаяхъ оно было ему возвращено, и надежда на долготлѣтіе увеселяла любящихъ его. Въ первые дни сего марта въ безпокойствѣ и дѣйствіи весенняго воздуха началъ онъ чувствовать опасные приступы сильной болѣзни. Нервная горячка пресѣкла его жизни въ 15 день сего марта на 50 году его жизни. Какъ скоро извѣщенъ о его кончинѣ проректоръ университета Аванасій Ивановичъ Стойковичъ, оновѣстилъ о ней всѣхъ университетскихъ чиновниковъ и пригласилъ членовъ совѣта въ засѣданіе, которое открыто было того же 15 числа въ 9 часовъ утра. Послѣ распоряженій относительно дѣлъ опредѣлены обряды погребенія и траура, причемъ сдѣлано распоряженіе и о рѣчахъ. Увѣдомлены объ этомъ духовное и гражданское начальство съ просьбою о содѣйствіи и почетнѣйшимъ градскимъ жителямъ дано знать билетами о происшествіи, о времени выноса и похоронъ. По прибытіи Его Преосвященства, епископа Слободскоукраинскаго и Харьковскаго и кавалера Христофора Сулимы въ университетъ къ выносу, отиѣта надъ тѣломъ обыкновенная литія и выносъ при колокольномъ звонѣ въ церквахъ произведенъ слѣдующимъ порядкомъ. Отъ университетскаго дома до церкви градскаго собора поставлены были въ два ряда студенты и ученики Харьковскаго духовнаго коллегіума, ученики Слободскоукраинской гимназіи, Харьковскаго уѣзднаго училища по классамъ, по которымъ размѣщены были обыкновенныя классическія знамена, кромѣ двухъ большихъ, несомыхъ при гробѣ. Между этими рядами за большимъ крестомъ и ховугвіями несено было 4-мя студентами университета церковное покрывало; другіе студенты несли крышку гроба, на которой положены были шпага и шляпа усопшаго. Слѣдовали два церемоніймейстера изъ гг. адъюнктовъ университета. За ними студентъ, при двухъ-же студентахъ по сторонамъ, несъ на бархатной подушкѣ сочиненія покойнаго. Орденъ его на такой же

подушкѣ несъ университетскій экзекуторъ при двухъ кандидатахъ университета. Послѣ сего шествовалъ преосвященный епископъ и кавалеръ Христофоръ въ предшествіи всего градскаго духовенства съ клиромъ. Наконецъ, за преосвященнымъ восемь студентовъ несли самый гробъ и по обѣимъ сторонамъ его восемь же студентовъ шли съ факелами. Слѣдовали за гробомъ университетскіе учителя, гг. адъюнкты и профессора съ проректоромъ въ своемъ порядкѣ. По принесеніи тѣла въ градскую соборную церковь, поставленъ гробъ на обычномъ въ ней мѣстѣ. Съ обѣихъ сторонъ его стояли студенты, при отправленіи божественной литургіи 8, а послѣ ея во все время, когда діаконы читали у гроба святое евангеліе, по 4 человѣка перемѣнялись ежечасно, что продолжали до начала литургіи въ слѣдующій день. 16 марта прибывшіе въ соборную церковь чиновники университета и студенты его, учителя и ученики гимназій и уѣзднаго училища слушали божественную литургію, въ продолженіи которой студенты со свѣчами гробъ окружали. Предъ окончаніемъ ея учитель поэзіи духовнаго коллегіума Антоновскій говорилъ съ кафедры приличное слово. Погребеніе отправлялъ преосвященный епископъ и кавалеръ Христофоръ со всѣмъ градскимъ духовенствомъ. Кромѣ знатнѣйшихъ чиновниковъ и гражданъ при семъ случаѣ велико было собраніе народа. По прочтеніи святаго евангелія произнесены надгробныя рѣчи профессорами русскія—Иліею Тимковскимъ, французская Яковомъ Беленъ-де-Баллю и латинская Христофоромъ Роммелемъ. Сверхъ того читалъ оду на русскіи языкѣ учитель Слободскоукраинской гимназіи Любовскій. Во время пѣнія церковныхъ стиховъ и при слушаніи надгробій едва можно было увидѣть такихъ изъ присутствовавшихъ, которые памяти усопшаго не почтила бы пролітіемъ слезъ. По окончаніи церковнаго пѣнія начался ходъ на кладбище, гдѣ тѣло положить назначено. Это шествіе почтилъ также своимъ присутвіемъ Его Преосвященство, сопровождая гробъ отъ собора до воротъ архіерейскаго дома. Впереди всего несены были обыкновенный большой церковный крестъ съ хоругвями по сторонамъ. Ученики уѣзднаго училища и гимназисты съ классическими знаменами по вышесказанному шли двумя раздѣленными рядами, также потомъ ученики и студенты духовнаго коллегіума. За учениками уѣзднаго училища слѣдовали его учителя, а между рядами учениковъ гимназіи въ концѣ ея учителя и губернскій директоръ училищъ. Потомъ шли два университетскихъ церемоніймейстера. Гробовая крышка, сочиненія и орденъ покойнаго студентами университета въ томъ же порядкѣ несены были, какъ изъ ректорскихъ комнатъ въ церковь. За пѣвчими архіерейскаго хора духовенство предшествовало гробу. Усердіе студентовъ, равное великому ихъ

сожалѣнію о потерѣ, избрѣло для нихъ и въ томъ признательность, что они, по желанію своему, съ переменною несли гробъ до самой могилы. Прочіе студенты шли по сторонамъ гроба, который окружали 8 служителей университетской команды, въ траурномъ облаченіи съ факелами. За гробомъ слѣдовали канцелярскіе служители университетскаго правленія и училищнаго комитета; далѣе университетскіе учителя пріятныхъ искусствъ, потомъ гг. адъюнкты, профессора и проректоръ, въ сопровожденіи кассира и архиваріуса совѣта. Его превосходительство г. слободскоукраинскій гражданскій губернаторъ и гг. губернскіе чиновники также благоволили сопутствовать. Стеченіе всего народа было безчисленно. Въ такомъ порядкѣ при колокольномъ звонѣ во всѣхъ ближайшихъ церквахъ шествіе, продолжавшееся болѣе часа, прибыло наконецъ къ мѣсту погребенія (Каплуновской церкви). Тѣло предано было землѣ по южную сторону церкви, близъ сельской дороги. Кладбище это находится на горѣ, возвышающейся при рѣкѣ Харьковѣ, въ сѣверномъ концѣ города, покрытомъ садами“.

Описавъ необычайно торжественныя похороны И. С. Рижскаго, приведемъ теперь нѣсколько выдержекъ изъ сказанныхъ на нихъ надгробныхъ рѣчей. Слово представителя харьковского коллегіума Антоновскаго построено было на тезисѣ: „нѣтъ подъ солнцемъ добра постоянного“. Особенно сознается, говорилъ онъ, эта истина нынѣ, когда „мудрость и просвѣщеніе, свѣтъ и краса вертограда наукъ сокрываются подъ спудъ, когда любезнѣйшая душа оставляетъ осиротѣвшее юношество, когда перестало биться сердце, каждое движеніе котораго стремилось къ благу отечества. Надежды юныхъ сыновъ Россіи, которыхъ душа подъ руководствомъ просвѣщеннаго, украшеннаго добродѣтелью наставника горѣла любовью къ пользѣ отечества, теперь тускнѣетъ. И мало ли тѣхъ, которые пожалѣютъ о немъ. Даже посторонніе ощущаютъ сожалѣніе и проливаютъ слезы. Что же должны чувствовать тѣ, которые теряютъ въ немъ лучшаго и добродѣтельнаго изъ друзей, усерднѣйшаго изъ наставниковъ, кротчайшаго и любезнѣйшаго изъ людей? Сердце невольно влечетъ къ нему и тѣхъ, которые не имѣли счастья быть близкими къ нему, пользоваться добротою его, созерцать пламенный, исполненный любви и величія взоръ его, внимать безпримѣрной силѣ высоко стремительнаго неподражаемаго его краснорѣчія. Приобрѣтенную съ давнихъ лѣтъ приверженность трудно отдалить отъ любимаго предмета. Кто привлекъ къ себѣ нашу душу, кто умѣлъ искренностію, знаніемъ, просвѣщеніемъ, добротою, особенными великими чувствами поселить въ насъ къ себѣ истинную любовь и уваженіе, того не можемъ мы скоро забывать. Неизгладимо напечатлѣнъ его образъ въ сердцахъ любя-

нихъ его. И твое имя, великій мужъ, останется незабвенно въ душахъ благоговѣвшихъ къ тебѣ! Твоя великая душа, мужъ достойный всеобщаго удивленія и сожалѣнія, теперь шествуетъ къ новой лучшей жизни. Владыка живота нашего здѣсь—на сей бременной землѣ—показывалъ къ тебѣ любовь и милость свою. Онъ покажетъ тебѣ свою отеческую любовь и тамъ—въ нѣдрахъ вѣчности, ибо блаженны умирающіе о Господѣ“.

Проф. И. Θ. Тимковскій преимущественно говорилъ о смѣрти вообще. „Едва отъ болѣзни воздвигнутый и тѣмъ сильнѣе пораженный, вмѣщая скорбное уныніе о немъ всего сословія, воздаю ему долгу послѣдній. Рано, безвременно отошелъ онъ въ вѣчность, но совершилъ пути, честію запечатлѣнные. Въ немъ общество имѣло дѣятельнаго, а государство преданнаго сына; университетъ же добраго правителя, какового только могутъ путемъ избранія поставить знаніе, правота и вѣрность. Какъ начальникъ и дружественный намъ сподвижникъ, онъ трудился въ самомъ основаніи этого вѣкового заведенія, на пользу котораго нужно положить столько силъ и головъ. Свѣдущій любитель изящныхъ наукъ, озаренный величіемъ русскаго слова, онъ работалъ для его красоты и силы. Членъ російской императорской академіи онъ утвердилъ на себѣ ея постоянное вниманіе. На его гражданскомъ поприщѣ мы видимъ усердную ревность, отличныя достоинства и неизмѣнное трудолюбіе. Во всякомъ округѣ найдутся люди, которые *возьмутся* душею и повѣдаютъ про печаль свою Черному морю. Далеко пройдетъ слухъ, что уже не стало его, въ разные концы Россіи, въ столицы, ко множеству его знакомыхъ, сверстниковъ и благодѣтелей. Онъ оставляетъ память о своемъ разумѣ и дѣянiяхъ, которая возлюбится въ бесѣдахъ, сохранится въ преданіяхъ и наукахъ“.

Беленъ-де-Баллю, заявивъ, что другіе ораторы займутся изложеньемъ событій его трудовой жизни и услугъ обществу, и перечисливъ ученые труды Рижскаго, достойные сдѣлать безсмертнымъ его имя, остановился только на его нравственныхъ качествахъ. „Mais ce que le rend, говорилъ онъ, encore plus digne de nos regrets, ce sont ses qualités morales: la douceur inaltérable de son caractère, la pureté de ses mœurs, son assiduité à remplir toutes ses fonctions, la vigilance paternelle qu'il ne cessait d'exercer sur les élèves de l'Université et sur toutes les parties de l'administration, qu'il dirigeait, son zèle infatigable pour procurer le bien de l'Université, son amour pour la patrie, son amitié pour ses collègues, voilà, messieurs, voilà ce que nous devons pleurer, voilà ce que le fera vivre longtemps dans nos cœurs. Que tant de vertus soient récompensées dans le ciel et qu'elles servent d'exemple à ceux, qui lui succéderont“.

Хр. Роммель началъ свое надгробное слово съ извѣстнаго стиха Горація—*Non omnis moriar* <sup>1)</sup>—и заявилъ, что онъ какъ нельзя болѣе примѣнимъ и къ такимъ полезнымъ наставникамъ юношества, какимъ былъ почившій; память о немъ должна перейти къ потомству, какъ о писателѣ, профессорѣ и ректорѣ; въ заключеніе ораторъ взывалъ къ Богу о ниспосланіи благъ университету.

Въ своей одѣ Любовскій прославлялъ главнымъ образомъ ораторскій талантъ Рижскаго.

„О просвѣтитель драгоцѣнный,  
Сладкоглаголивый нашъ геній!  
Рцы намъ! Почто, какъ возглашала  
Свои премудрые совѣты,  
Вѣшать изыщныя предметы,  
Одно всегда ты забывала?  
Одно великое явленье,  
Разительное ощущенье,  
О благодѣтель нашъ, отецъ,  
Безъ изъясненія оставилъ,  
Великій риторъ, не наставилъ.  
Какъ намъ... оплакать твой конецъ.  
Увы! На нѣкъ умолкъ витія,  
Ліющій словеса златыя,  
Какъ свѣтлы воды льетъ рѣка!  
Куда дѣвался гласъ любезный,  
Обворожающій небесный,  
Сладчайшій меда и млека?  
Гдѣ сей глаголь животворящій,  
Превыше облакъ, звѣздъ парящій,  
Который умъ нашъ, сердце, вкусъ,  
Какъ нѣкая волшебна сила,  
Вносилъ на орлихъ мощныхъ крылахъ  
Въ таинственно жилище музъ?  
— Молчимъ въ терзаніи сердечномъ!  
О музы! Вы на холмѣ вѣчномъ  
Увылую бряцайте пѣснь,  
Россійска Лонгина почите,  
И наши чувства возвѣстите

<sup>1)</sup> *Exegi monumentum aere perennius..., Non omnis moriar multaque pars mei vitabit Libitinam.*

Въ сладчайшей тишинѣ небесъ.  
Да всѣ труды его безцѣнны  
На лирѣ вашей возглашены  
Славянскимъ въ похвалу сынамъ,  
Оставивъ брѣнну скоротечность  
Отъ лирныхъ звуковъ пройдутъ въ вѣчность  
И новый свѣтъ сіяетъ намъ!“

На ту же тему написалъ оду учитель Слободскоукраинской гимназіи Ив. Лобойковъ.

„Течетъ мужей избранныхъ сонмъ,  
Родительскій остави домъ,  
Отъ странъ и градовъ отдаленныхъ,  
Со крѣпостію силъ душевныхъ  
Создать на югѣ храмъ наукъ.  
И лишь трудомъ отважныхъ рукъ  
Возлегъ краеугольный камень,  
Въ сердцахъ возникъ усердья пламень,  
Объялъ препоны, ихъ расторгъ;  
И се намъ зиждется чертогъ.

Любовію наукъ плѣненна  
Дерзаетъ юность воскрыленна  
Сей подвигъ трудный раздѣлять  
Со крѣпостію сихъ мужей  
И храмъ наукъ сооружать,  
Гордясъ отважностью своей.  
Но лютый рокъ опредѣляетъ  
Конца зиждителямъ не зрѣть;  
Ихъ крѣпку руку преломляетъ  
Тать жизни нашей—алчна смерть.

О ты, свершившій подвигъ трудный,  
Вѣщаютъ пѣсню своей,  
Поклонникъ, читатель россовъ слова,  
Ты вѣрностью къ нему горя,  
На югъ притекъ, на гласъ царя,  
Обильны вертограды снова  
Искусства силой возвращать  
И быліе въ нихъ истреблять!  
Витійственны твои уста  
Нашъ духъ, восторгъ нашъ преселяли  
Въ полуденны славенъ мѣста,

Когда глаза твои вращали  
Слезу горячности въ честь намъ;  
Когда ты молодымъ умамъ  
Высокость чувствъ, музъ забавы,  
Языкъ волшебный открывалъ  
И власть его на духъ и нравы  
Своею жизнью являлъ“.

О громъ небесъ! Во пробѣ онъ!  
Въ концахъ пространныхъ пронесется  
Его питомцевъ гласъ и стонъ.

Наконецъ, чувства благодарнаго юношества выразилъ студентъ  
Переверзевъ въ краткомъ прозаическомъ словѣ.

„Давно ли восхищали насъ, говорилъ онъ, мудрые совѣты и одобрили добродѣтельные поступки, давно ли семейство счастливилось усердіемъ сего мужа! Давно ли! Но его уже нѣтъ—и мы проливаемъ слезы. Не отсутствіе твое, мужъ почтенный, наполнило горестію наше сердце. Ты, оставивъ свѣтъ, избѣгъ его превратностей, избѣгъ злоключеній, которыя въ будущемъ угрожаютъ намъ; вошелъ въ тихое пристанище. Но благотворный вѣкъ твой, сопряженный съ счастьемъ многихъ, заставляетъ насъ орошать слезами твой хладный трупъ и самую землю, скрывающую отъ насъ любезный зракъ твой. Воображеніе мое недостаточно и слово безсильно истинную цѣну дать высокимъ достоинствамъ сего смертнаго и выразить потерю, причиненную внезапнымъ окончаніемъ дражайшихъ дней его. Мы лишились въ немъ кроткаго начальника, усерднаго благодѣтеля, прилежнаго наставника, какъ чадолюбиваго отца своего. Лишилось ученое сословіе надежнаго, ревностнаго и дѣятельнаго товарища. Лишилось отечество великаго спорника добродѣтелей и славы нашихъ предковъ. Сograждане лишились почтеннаго и любезнаго, друзья—искренняго и вѣрнаго союзника. Горестнымъ чувствованіемъ лишившейся его нѣжной супруги подвигли, кажется, всю природу къ состраданію. Ея сѣтованія, достигая сердца пораженныхъ сродниковъ, тотъ домъ, куда стекалось дружество, обращаютъ въ пустыню, гдѣ слышны только уныніе и вопли стелющейся.... Труды мужа добродѣтельнаго не подлежатъ власти случая. Никогда глубокое о нихъ воспоминаніе не выдетъ изъ нашихъ мыслей. Они достигнутъ позднѣйшихъ потомковъ, и тамъ благословится творецъ ихъ. А правда, хранимая отъ него началомъ совѣтовъ и закономъ дѣний въ самый тотъ день, когда вселенная разрушалась изъ мрака явится обновленная, простретъ лучи свои на дѣла его, и сіи дѣла пребудутъ безсмертны. Прости, достойный отечества сынъ! Прости, незабвенный нашъ благодѣтель! Возвративъ

жизнь свою Вышнему ея началу, наслаждайся благостію неба. Тамъ покойся по трудахъ и волненіяхъ, для пользы общей тобою понесенныхъ! Съ пламенѣющимъ сердцемъ о тебѣ, любезное отечество, простираемъ желанія наши къ милосердному небу. Да пощадятся напастьми твои и наши драгоценности, да обогатится ученое сословіе твое сему подобными изыскателями познаній челоѣка, да позволено будетъ и намъ, юнымъ питомцамъ, созерцать всегда таковыхъ наставниковъ<sup>1)</sup>.

Во всѣхъ этихъ рѣчахъ много риторики и напыщенности, которая вепріятно поражаетъ современнаго читателя; но подъ этимъ густымъ наноснымъ слоємъ мы открываемъ истинно скорбное чувство о тяжелой невознаградимой утратѣ и глубокое уваженіе къ почившему, смѣшанное съ удивленіемъ и преклоненіемъ передъ его талантами и сочиненіями. Одинъ изъ ораторовъ называетъ его даже геніальнымъ сочинителемъ. Конечно, тутъ преувеличеніе, но несомнѣнно, что современники ставили чрезвычайно высоко Рижскаго, какъ автора; по всеобщему признанію, онъ былъ классическимъ писателемъ въ своей области. Глубокое уваженіе къ его сочиненіямъ сказалось и въ томъ, что ихъ несли за его гробомъ и, вѣроятно, положили съ нимъ въ могилу. Тутъ произошло то, что въ наши уже дни повторилось съ знаменитымъ историкомъ питомцемъ Харьковскаго университета Н. И. Костомаровымъ, въ могилу котораго положили лучшее его сочиненіе „Богдана Хмельницкаго“. Для насъ представляютъ интересъ и самыя преувеличенія въ надгробныхъ рѣчахъ современниковъ Рижскаго — они свидѣтельствуютъ объ ихъ взглядахъ на него, объ ихъ оцѣнкѣ. Въ общемъ однако эта оцѣнка отнюдь не расходится съ дѣйствительностью: Рижскій былъ и выдающимся для своего времени ученымъ писателемъ, и превосходнымъ, талантливымъ профессоромъ, а главное прекраснымъ челоѣкомъ. Это послѣднее обстоятельство подчеркнулъ въ своемъ словѣ и Антоновскій, сказавшій между прочимъ: „печальнаго осиротѣвшаго юношества Богъ, конечно, не оставитъ. Онъ воздвигнетъ мужа занять чреду твою со славою и достояніемъ; но *никогда не забудутъ доброты твоей души*, того сильнаго и стремительнаго восторга и удовольствія, съ которыми слушали твои наставленія“... И дѣйствительно, эта доброта и мягкость являются самыми важными особенностями въ характерѣ Рижскаго. Это не была заранѣе усвоенная манера, способъ держать себя въ обществѣ; это было свойство его деликатной натуры, дѣлавшее его одинаково равнымъ какъ въ отношеніи къ подчиненнымъ,

<sup>1)</sup> См. „Извѣстіе о жизни и смерти проф. Имп. Харьк. университета Ивана Степановича Рижскаго. X. 1811 г., 43 стр.



какъ и въ отношеніяхъ къ начальству, не говоря уже о профессорахъ товарищахъ; тутъ онъ являлся представителемъ коллегіальнаго начала въ истинномъ смыслѣ этого слова. Положеніе ректора въ то время было очень трудное, въ виду той ожесточенной борьбы, которая господствовала въ совѣтѣ между русскими и иностранными профессорами. И онъ благодаря своему безпристрастію удачно разрѣшилъ эту задачу—будучи вполнѣ русскимъ человѣкомъ, даже до извѣстной степени славянофиломъ (въ смыслѣ любви къ славянорусскому слову и рѣчи), онъ въ то же время сумѣлъ заслужить уваженіе и со стороны иноземныхъ профессоровъ; это видно изъ отзыва о немъ Роммеля, котораго онъ принялъ самымъ радушнымъ образомъ по пріѣздѣ его въ Харьковъ; у него въ это время была вечеринка, и когда ему доложили о пріѣздѣ новаго профессора, онъ пригласилъ его, обнялъ и поцѣловалъ по русскому обычаю. Это была, очевидно, открытая гостепріимная славянская натура, привлекавшая къ себѣ не только русскихъ, но и иноземцевъ своею справедливостію. Недаромъ и неистовый Шадъ, и воинствующій Пилгеръ жалѣли о тѣхъ временахъ, когда былъ ректоромъ Рижскій; недаромъ 8 профессоровъ въ своей коллективной просьбѣ министру объ удаленіи Стойковича также ссылались на миръ и тишину, господствовавшіе въ ректорствѣ Рижскаго. Правда, Стойковичъ въ своемъ донесеніи министру называетъ его время эпохою упадка университета и объясняетъ этотъ упадокъ слабостію ректора, который позволялъ всякому дѣлать что хотѣлъ и какъ кто хотѣлъ. Но это невѣрно: наоборотъ, какъ мы могли убѣдиться изъ всесторонняго разсмотрѣнія жизни университета за первое десятилѣтіе, годы правленія Стойковича являются поворотомъ къ худшимъ временамъ, временемъ страшныхъ внутреннихъ раздоровъ и борьбы, которая до того времени сдерживалась нравственнымъ авторитетомъ Рижскаго. А Рижскій могъ имѣть и дѣйствительно имѣлъ нравственный авторитетъ надъ всѣми членами коллегіи, потому что самъ лично былъ безупреченъ въ нравственномъ отношеніи. На его памяти не осталось ни малѣйшаго пятнышка. Въ то время какъ кругомъ въ обществѣ царило взяточничество и его не была чужда и университетская среда, Рижскій пользовался репутаціей безусловно честнаго и безкорыстнаго человѣка. На взятки не смотрѣли тогда такъ строго, какъ теперь, нѣкоторые виды „доходовъ“ не считались особенно предосудительными — и при такомъ положеніи дѣлъ Рижскій не только самъ лично оставался безусловно чистымъ, но даже нравственно сдерживалъ другихъ. Когда же ректорскую должность занялъ Стойковичъ, наступили иные времена: по свидѣтельству Розалъонъ-Сопальскаго, съ этого момента открылась въ университетѣ торговля док-

торскими дипломами, дававшими важныя служебныя преимущества. Да и могло ли быть иначе, когда самъ новый ректоръ завелъ торговлю венгерскими винами, картинами, лентами и т. п., провозя ихъ безъ уплаты пошлыны изъ заграницы и тѣмъ нанося ущербъ той самой казнѣ, интересы которой онъ долженъ былъ охранять? Чтобы занимать съ честью по выбору товарищей мѣсто „перваго между равными“ (*primus inter pares*), какъ этого требовалъ тогдашній уставъ, необходимо было стоять въ нравственномъ отношеніи такъ высоко, какъ стоялъ Рижскій. Онъ не былъ ни корыстолюбивъ, ни расточителенъ; онъ жилъ на скромное профессорское и ректорское жалованье и жилъ однако не скупо, а довольно открыто—устраивалъ подъ-часъ вечеринки, на которыя приглашалъ профессоровъ съ ихъ женами и объединялъ такимъ образомъ университетскую семью. Прослуживъ на разныхъ поприщахъ государственной службы 24 года (въ томъ числѣ состоялъ и штатнымъ секретаремъ синода), онъ умеръ бѣднякомъ, не оставивъ никакихъ средствъ своей семьѣ—и университетъ, какъ выражается его вдова, не по однимъ чувствамъ признательности опредѣлилъ сумму на его погребеніе. Мы видѣли, что вдовѣ Рижскаго была назначена крайне ничтожная пенсія и къ довершенію всего умеръ и малолѣтній его сынъ, на котораго положена была особая сумма. А новый ректоръ Стойковичъ, имѣвшій смѣлость, чтобы не сказать болѣе, ходатайствовать о полной для себя пенсіи, не смотря на то, что прослужилъ всего 10 лѣтъ и былъ уволенъ въ отставку за предосудительныя дѣйствія, съ пенсіей въ размѣрѣ 1000 р., не счелъ возможнымъ возбуждать просьбу передъ министерствомъ о предоставленіи семьѣ почившаго, за его особыя заслуги, болѣе значительнаго денежнаго обезпеченія.

Къ сожалѣнію, мы немного знаемъ о частной жизни и характерѣ проф. Осиповскаго. Роммель выражается о немъ такъ: „Осиповскій хорошій математикъ, и честный человѣкъ, но бывшій подъ башмакомъ у своей властолюбивой и кокетливой супруги“. Розальонъ-Сошальскій говоритъ, что „Рижскій, Тимковскій, Осиповскій пользовались глубочайшимъ уваженіемъ студентовъ и всего общества, какъ преподаватели и люди. Въ высшей степени мягкій и добрый Осиповскій по своимъ нравственнымъ качествамъ—такъ всѣ на него смотрѣли—былъ совершенство, насколько можетъ человѣкъ достигать его. Т. И. Селивановъ даетъ ему слѣдующую характеристику: „Т. Осиповскій роста хорошаго, одѣвался просто, но прилично. Извѣстный въ свое время математикъ, онъ кромѣ математики и физики, обладалъ многосторонними свѣдѣніями и былъ неутомимо трудолюбивъ. Осиповскій всегда и со всѣми въ обращеніи былъ ровенъ, никогда не выходилъ изъ себя, любилъ говорить по-

ложительно, выражаться точно, для чего иногда говоря останавливался и поправлялъ сказанную имъ фразу; рѣдко говорилъ или защищалъ что-нибудь съ жаромъ, энергически, но просто, равнодушно и настойчиво. Онъ не любилъ мистиковъ, которые брали на себя объяснить необъяснимое.... Тимофей Ѳедоровичъ имѣлъ обширную и твердую память, не любилъ тисславиться и высказывать себя, какъ Тимковский и Стойковичъ“. Затѣмъ Селивановъ рассказываетъ извѣстный намъ эпизодъ о посѣщеніи Осиповскимъ некогда лекціи одного изъ московскихъ профессоровъ математики (стр. 577). Такимъ образомъ, основными чертами Осиповскаго являются обширныя познанія, ясность ума, огромное трудолюбіе, скромность и спокойствіе. О необычайныхъ трудахъ, понесенныхъ Осиповскимъ на пользу университета, можетъ свидѣтельствовать прошеніе его въ совѣтъ о дарованіи званія заслуженнаго профессора: документъ этотъ строго фактическаго содержанія, легко могъ быть проверенъ сочленами автора по совѣту — они были живыми свидѣтелями его дѣятельности, она совершалась у всѣхъ на виду — и потому заслуживаетъ полного довѣрія. Вотъ его подлинный текстъ.

„Въ концѣ апрѣля мѣсяца 1804 г. учрежденъ попечителемъ комитетъ правленія университета, въ который я опредѣленъ членомъ и вскорѣ потомъ поручено мнѣ управленіе всѣми дѣлами, въ немъ происходившими. Присмотръ за происходившими приготовленіями къ открытію университета, присмотръ за кассою университета и управленіе письменными дѣлами комитета отняли у меня опять все время. По открытіи въ январѣ мѣсяцѣ 1805 года университета, я назначенъ въ правленіе непремѣннымъ засѣдателемъ и въ училищный комитетъ членомъ, и отданы мнѣ въ управленіе обѣ канцеляріи этихъ мѣстъ, и притомъ поручено попечителемъ продолжать наблюденіе за кассою университета. Эти занятія въ канцеляріяхъ, составленныхъ изъ людей, не умѣвшихъ написать порядочно строки, съ присоединеніемъ къ тому лекцій, кои я первые годы, не имѣя по своей части никакого помощника, читалъ по 10 часовъ въ недѣлю, въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ такъ меня изнурили, что я въ 1807 году просилъ попечителя, чтобы онъ меня уволилъ по крайней мѣрѣ отъ непремѣннаго засѣдательства въ правленіи, чрезъ что снялись бы съ меня управленіе канцеляріею правленія и присмотръ за кассою; но попечитель требовалъ отъ меня, чтобы я рекомендовалъ кого-нибудь на мое мѣсто и поручился бы за него, что при немъ пойдетъ дѣло такъ же, какъ и при мнѣ. Я не могъ никого рекомендовать на этомъ условіи и попечитель меня не уволилъ, а обѣщалъ только представить труды мои высшему начальству и просить о награжденіи меня орденомъ св. Анны 2-й степени и въ то же время далъ въ совѣтъ уни-

верситета бумагу, коею изъявлялъ мнѣ свою благодарность за особенные труды мои. Не знаю, представлялъ ли онъ тогда къ награжденію орденомъ; но чрезъ три года послѣ того, по предложенію совѣта, и представленъ былъ имъ къ награжденію орденомъ св. Анны 2-й степени; однако такъ какъ за нѣсколько времени предъ тѣмъ, по случаю втораго изданія главнымъ правленіемъ училищъ первыхъ двухъ томовъ моего курса математики, и по той причинѣ, что я послалъ туда слѣдующіе два тома о теоріи аналитическихъ функцій и о приложеніи ея къ высшей геометріи, представленъ и былъ главнымъ правленіемъ училищъ къ ордену св. Владиміра 4-й степени за эти сочиненія, каковой и получилъ, то это представленіе попечителя къ ордену св. Анны 2-й степени и не имѣло по министерству никакого хода. По 1810-й годъ труды мои по университету всегда оставались одинаковы; но съ 1810 г. они нѣсколько уменьшились: во-1-хъ, я нашелъ себѣ по лекціямъ помощника въ кандидатѣ Павловскомъ, нынѣ адъюнктъ, коему отдѣлилъ и сперва обыкновенную, а потомъ и часть высшей математики; во 2-хъ, управленіе канцеляріею училищнаго комитета началъ поручать комитетъ разнымъ его членамъ сперва по полугодно, а потомъ и погодно; въ 3-хъ, правленіе университета освободило меня и отъ пристрастия за кассою, и начало поручать ее деканамъ факультетовъ, заставляющимъ въ правленіи. Но въ томъ же 1810 году поручилъ мнѣ совѣтъ, съ утвержденія г-на министра, преподаваніе механики съ жалованьемъ по 1000 рублей въ годъ, такъ какъ профессоръ прикладной математики Гуть, коему этотъ предметъ принадлежалъ, отозвался, что онъ читать этой науки не будетъ, а будетъ заниматься только гидродинамикою и астрономіею. По выбытіи проф. Гута въ Дерптскій университетъ взялъ я на себя читать и всѣ части прикладной математики, не требуя новой прибавки жалованья; механическія части, по прибытіи въ университетъ усовершенствованнаго себя въ математическихъ наукахъ при академіи наукъ магистра Архангельскаго (нынѣ экстра-ординарнаго профессора) поручены сему послѣднему, а и погодно читать сталъ оптику по Локалю и астрономію по Біоту. Въ іюль мѣсяцѣ 1813 года избранъ я и Высочайше утвержденъ ректоромъ университета на три года, а въ 1816 году опять избранъ и утвержденъ въ этомъ званіи на три же года. Въ 1816 году повторено отъ совѣта представленіе попечителю графу Потоцкому объ исходатайствованіи мнѣ ордена св. Анны второй степени, а въ 1817 г. повторено это представленіе новому попечителю тайн. сов. Каряеву, но этого ордена и по сіе время не получилъ. Уже силы мои отъ лѣтъ и многихъ понесенныхъ трудовъ чувствительно ослабѣваютъ, и скоро принужденъ буду отказаться отъ всѣхъ трудовъ. Служеніе мое, начи-

ная съ учительской должности при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ, т. е. съ 22 сентября 1786 года составляетъ теперь безпрерывно 33 года; по утвердительной же грамотѣ, Высочайше данной университету, профессоръ, прослужившій 25 лѣтъ, получаетъ право на удостоеніе его званія заслуженнаго профессора и уже современникъ мой по службѣ профессоръ Казанскаго университета, Яковкинъ нѣсколько лѣтъ пользуется симъ званіемъ. Покорнѣйше прошу совѣтъ университета удостоить меня наименованіемъ заслуженнаго профессора и представить объ этомъ на утвержденіе высшаго начальства. Профессоръ Тимофей Осиповскій. Маѣ 7 дня 1819 года<sup>1)</sup>.

Тутъ, какъ мы видимъ, нѣтъ ни малѣйшаго искательства; все письмо дышетъ правдивостью и скромностью; въ немъ не проскальзываетъ даже чувство горечи и обиды по поводу явно недостаточной оцѣнки со стороны начальства изъ ряда вонъ выходящей его служебной дѣятельности; объ этомъ говорится спокойнымъ тономъ въ видѣ необходимыхъ фактическихъ справокъ. Комитетный судья въ оцѣнкѣ дѣятельности Осиповскаго, свидѣтель его трудовъ, поставленный во главѣ всего учебнаго дѣла въ округѣ попечитель гр. Потоцкій въ одномъ изъ своихъ писемъ министру, представляя его къ ордену Анны 2-й степени, такъ отзывался о немъ: „м. г. графъ Алексѣй Кирилловичъ! Совѣтъ Харьковского университета, представляя мнѣ объ отличныхъ заслугахъ, оказанныхъ профессоромъ математическихъ наукъ Осиповскимъ въ продолженіе службы его при университетѣ, проситъ объ исходатайствованіи ему соотвѣтственнаго трудамъ его вознагражденія. Профессоръ этотъ есть одинъ изъ тѣхъ членовъ университета, кои при рачительномъ преподаваніи лекцій, стараются быть полезными университету и по всѣмъ другимъ частямъ, относящимся до его благоустройства и усовершенствованія: занимая съ самаго открытія университета много-трудную должность непремѣннаго засѣдателя, онъ въ особенности содѣйствовалъ въ успѣшнѣйшемъ производствѣ училищныхъ дѣлъ и въ хозяйственномъ сбереженіи университетскихъ суммъ, особенному надзиранію его вѣренныхъ. При безпрерывныхъ занятіяхъ по этому званію и по должности профессора, которую онъ исполнилъ всегда безъ малѣйшаго опущенія, онъ занимался также изданіемъ учебныхъ книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ извѣстно, служатъ по настоящее время единственнымъ руководствомъ къ преподаванію въ нашихъ гимназіяхъ. Таковыя отличныя труды профессора Осиповскаго на пользу университета и вообще учебной части, а равно и примѣрное поведеніе, доставившее ему совершен-

<sup>1)</sup> Архивъ мин. народн. просв. Дѣло № 21879/491.

ное уваженіе публики и его сотоварищей, побуждаютъ меня нынѣ обратиться начальническое вниманіе Вашего Сіятельства на столь полезную его службу и при томъ покорнѣйше просить объ исходатайствованіи ему у Всемилостивѣйшаго Государя Императора ордена святыя Анны 2-й степени, по всей справедливости имъ заслуженнаго. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою Г. Сенеринъ Потоцкій. Харьковъ. Сентябри 31 дня 1810 года. Резолюція: „Велѣно оставить безъ дѣйствія, такъ какъ Осиповскій награжденъ уже знакомъ отличія“ <sup>1)</sup>.

Одинъ изъ біографовъ Осиповскаго И. П. Щелковъ отвергаетъ впрочемъ спокойствіе его характера; наоборотъ считаетъ его весьма рѣзкимъ въ своихъ сужденіяхъ, самолюбивымъ и не всегда деликатнымъ въ отношеніи къ сослуживцамъ <sup>2)</sup>. Здѣсь мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, ибо сдѣлаемъ это въ 2-мъ томѣ своего труда, когда въ нашемъ распоряженіи будетъ весь матеріалъ, характеризующій его дѣятельность и личность—замѣтимъ только, что извѣстіе Селиванова о скромности и спокойствіи Осиповскаго должно быть принято въ ограниченномъ смыслѣ, именно относится исключительно къ его преподавательской дѣятельности, которая одна только и была доступна личному наблюденію Селиванова, какъ студента университета. Въ своихъ же отзывахъ о лицахъ и ученыхъ сочиненіяхъ Осиповскій былъ прямодушенъ и подчасъ правдиво-рѣзокъ; онъ никогда не скрывалъ своихъ сужденій и вступалъ въ открытую борьбу со своими принципиальными противниками. Въ этомъ убѣждаетъ насъ извѣстная намъ полемика его съ Шадомъ, открытая борьба со Стойковичемъ, въ которой Осиповскому принадлежала руководящая роль. Вообще это былъ человѣкъ вполне опредѣленныхъ убѣжденій, глубокочестный, стремившійся всегда къ прогрессу и возмущавшійся всякими неправдами. У него было болѣе характера и твердости, чѣмъ у Рижскаго. Послѣдній умѣлъ примирять интересы русскихъ и иностранныхъ профессоровъ. Осиповскій, бывшій лидеромъ русской партіи, выдержавшій упорную борьбу съ представителемъ иноземной стихіи въ Харьковскомъ университетѣ Стойковичемъ и одержавшій надъ нимъ побѣду, естественно уже, въ силу реакціи, не остановился на полпути и, получивъ въ руки власть, можетъ быть, пользовался ею слишкомъ сурово по отношенію къ тѣмъ, иностраннымъ профессорамъ, которые не внушали къ себѣ ему уваженія.... Любопытно, что и тутъ, какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ,

<sup>1)</sup> Архивъ мин. нар. проsv. Дѣло № 5724/135.

<sup>2)</sup> Журн. мин. нар. проsv. 1890 г., окт., стр. 380.

извѣстіе Роммеля подтверждается другими данными. Роммель говоритъ о кокетливой супругѣ Осиповскаго, а у Цебрикова мы находимъ о ней слѣдующій анекдотъ. „По пути, говоритъ онъ, заѣхали мы въ университетъ къ ректору (Осиповскому), у котораго довольно много гостей застали. Онъ рекомендовалъ мнѣ свою жену, которая очень, очень пригожа и молода, но „ширая“ малороссіянка и въ разговорахъ, и въ поступкахъ. О сей ректоршѣ рассказали мнѣ послѣ анекдотъ, всему тамошнему городу извѣстный: „мужъ ея почитается рѣдкимъ математикомъ, какъ то многіе ученые меня тамъ увѣряли, и любилъ въ свободныя часы заниматься сочиненіями, коихъ было и изготовилъ уже нѣсколько томовъ для напечатанія. Обыкновенно просиживалъ онъ длиныя осенніе и зимніе вечера въ своемъ учебномъ кабинетѣ, углубленный въ свои математическія выкладки. Молодой женѣ, недавно тогда за него замужъ выпедшей, весьма не правилось сидѣть одной по вечерамъ безъ своего друга и, почувствовавъ однажды въ высочайшей степени всю силу скуки, одиночествомъ причиняемой, входитъ къ нему въ кабинетъ, когда онъ писалъ, схватываетъ со стола всѣ имъ приготовленныя для печати сочиненія и бросаетъ ихъ въ огонь. Супругъ ея, человѣкъ самаго кроткаго нрава, приходитъ отъ того въ изумленіе и остолбенѣвши сидитъ неподвижно въ креслахъ своихъ до тѣхъ поръ, пока всѣ труды его многихъ лѣтъ и многого бдѣнія не пожралъ немилосердый пламень“. Болѣе ли послѣ сего происшествія занимается сей глубокой математикъ своею милою супругою, или своими отвлеченными сочиненіями—о семъ ничего не говорятъ въ городѣ“<sup>1)</sup>. Конечно, это анекдотъ, принадлежащій къ серіи безчисленнаго множества подобныхъ же разсказовъ, рисующихъ странности и разсѣянность математиковъ; но въ основѣ его лежитъ все-таки, во всей вѣроятности, зерно истины. Въ 1813—1814 гг. Осиповскому было уже подъ 50 лѣтъ (если не болѣе того), а жена его была очень молода и красива; все свое время, какъ мы знаемъ, онъ дѣйствительно посвящалъ университету—въ качествѣ профессора, непремѣннаго засѣдателя, ректора—и любимой наукѣ; при такихъ условіяхъ нельзя не признать вѣроятнымъ разсказа Цебрикова (въ его основѣ, а не подробностяхъ, которыя, конечно, преувеличены: супруга Осиповскаго могла бросить въ огонь одну какую-нибудь его рукопись, а не всѣ). Едва ли слѣдуетъ прибавлять, что и это обстоятельство не уменьшаетъ нашей симпатіи къ Осиповскому и отнюдь не бросаетъ тѣни на его нравственную сторону.

<sup>1)</sup> Незданное путешествіе Цебрикова изъ Петербурга въ Харьковъ въ 1813-1814 г. (руч. Имп. Публ. библ.).

О Тимковскомъ Роммель отзывается, какъ о профессорѣ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, ставитъ его рядомъ съ Рижскимъ и говоритъ, что онъ пользовался большимъ вліяніемъ. Розальонъ-Сошальскій прибавляетъ къ этому, что онъ славился краснорѣчіемъ. Мы, впрочемъ, видѣли, что краснорѣчіе это было проникнуто напыщенною риторикой и темнотою; очевидно, онъ болѣе гонился за красивою фразой, чѣмъ за ясностью содержанія; стремленіе къ эффекту приводило его нерѣдко къ тщеславію; это былъ его недостатокъ. Но Тимковскій обладалъ огромными педагогическими талантами, нашедшими широкое примѣненіе въ дѣлѣ устройства и управленія училищъ Харьковскаго учебнаго округа. Тутъ онъ не имѣлъ соперниковъ и сдѣлалъ такъ много, какъ никто. Университетъ по достоинству, какъ мы видѣли, оцѣнилъ его заслуги на этомъ поприщѣ. Большую часть времени онъ проводилъ въ разъѣздахъ по округу и такимъ образомъ, можно сказать, что все его время было поглощено визитаторскимъ дѣломъ. Занимаясь имъ, онъ даже разстроилъ свое здоровье и принужденъ былъ очень рано выйти въ отставку (въ 1811 г.). Но у него, очевидно, было непреодолимое влеченіе къ педагогической дѣятельности—и онъ, оставивъ съ полной пенсіей профессуру, принялъ въ послѣдствіи мѣсто директора Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Въ лицѣ И. О. Тимковскаго мы имѣемъ любопытный примѣръ какъ бы двойнаго служенія дѣлу воспитанія. По выходѣ въ отставку онъ не почилъ ото всѣхъ дѣлъ своихъ, а наоборотъ еще болѣе 30 лѣтъ работалъ на пользу общества и государства. Очевидно, въ немъ былъ огромный запасъ силъ и энергии. Уѣхавъ изъ Харькова въ 1811 г., онъ первоначально поселился въ сел. Турановкѣ Черн. губ. близъ Новгородъ-Сѣверска, которая была ему дана въ приданое за женою, дочерью директора Новгородъ-Сѣверской гимназіи Халанскаго. Проживая въ деревнѣ, онъ служилъ по дворянскимъ выборамъ, а въ 1825 г. по смерти тестя своего получилъ по предложенію попечителя Харьковскаго учебнаго округа Перовскаго, лично его знавшаго, мѣсто директора въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, которое занималъ до вторичнаго выхода своего въ отставку въ 1838 г., отказавшись при томъ отъ предложеннаго ему мѣста директора Нѣжинскаго лицея. Что Тимковскій служилъ не въ силу честолюбія, а горячей преданности дѣлу, искренней любви его къ своему дѣтищу, Новгородъ-Сѣверской гимназіи, видно изъ его отказа принять предложенное ему мѣсто директора Нѣжинскаго лицея. Объясняя причины, побудившія его занять мѣсто директора въ Новгородъ-Сѣверскѣ, онъ говоритъ между прочимъ: „влекло меня сюда и желаніе напечатлѣть бытіе мое въ сей гимназіи, которой созданію и успѣхамъ усердствовать для меня было достойно, въ городѣ многихъ историческихъ памятней, о которыхъ



въ немъ же бесѣда моя съ покойнымъ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ пріобрѣла ей благотвореніе его, въ городѣ маломъ, нагорномъ, здоровомъ, красивомъ и какъ бы одной гимназіи принадлежащемъ. Сколько сіи свойства благоприятны наукамъ и нѣкогда достойны будутъ въ судьбахъ временъ, высшаго ихъ состоянія, можетъ быть подобно Іенѣ, Галле и Геттингену. Изъ сего изволите усмотрѣть, сколько и имѣлъ причинъ отказаться, получивъ уже на первомъ году моего вступленія въ сію должность приглашеніе въ Нѣжинъ, весьма худо избранный основателемъ, гдѣ никакія усилія теплицъ не произведутъ сочныхъ плодовъ, кромѣ какаго-либо технического или спеціальнаго заведенія. Какъ бы то ни было, *трудоу и заботу моихъ*, сколько мнѣ остается изнемогшихъ силъ, *я не цню никакими окладами*; одной дальности Нѣжина отъ дому и семейства для меня было и есть достаточно предпочесть Новгородъ-Сѣверскъ. Принося Вашему Превосходительству за толикое вниманіе чувствительную благодарность, прошу покорнѣйше принять во благо мое здѣсь пребываніе<sup>1)</sup>. Духомъ независимости, глубокаго убѣжденія и нравственной силы вѣетъ отъ этого письма подчивеннаго къ его попечителю; а все это рисуетъ передъ нами съ лучшей стороны *характеръ* Тимковскаго. По выходѣ въ отставку онъ окончательно поселился въ Турановкѣ, гдѣ оставался до самой своей смерти въ февралѣ 1853 года, предаваясь сельскому хозяйству и литературной дѣятельности; въ это время имъ написаны и тѣ замѣчательныя воспоминанія, изъ которыхъ мы привели столь значительныя отрывки. Умеръ онъ 80 лѣтнимъ старцемъ, сохранивъ до конца жизни ясность ума. Извѣстный М. А. Максимовичъ посѣтилъ его въ 1852 г. и вынесъ изъ этого посѣщенія такія впечатлѣнія. Разказавъ, что Тимковскій прочиталъ ему свою статью о ичеловодствѣ и затѣмъ повезъ на вновь устроенную имъ ваську въ бору, гдѣ на крестѣ былъ вырѣзанъ годъ ея основанія и приведенъ стихъ изъ Виргиліевой Георгики, Максимовичъ прибавляетъ: „такъ у него во всемъ проза сельскаго хозяйства принимала видъ классической буколики. Да и въ немъ самомъ нельзя было довольно налюбоваться художественнымъ сочетаніемъ многосторонняго, основательнаго знанія и строгаго во всемъ систематизма, съ живою, теплою любовью къ поэзіи всѣхъ вѣковъ и народовъ... Его любимецъ Овидій не мѣшалъ ему восхищаться Гоголемъ; Гердера и Шиллера онъ столько же помнилъ, какъ и Виргилія съ Гораціемъ. Водворисъ въ Сѣверіи, онъ 40 лѣтъ не видалъ родной Украины и не сбирался ее увидѣть. Но въ 1852 г. онъ говорилъ со мною объ нашей

<sup>1)</sup> И. О. Тимковскій. Н. Шугурова (Кіевск. Стар. 1891 г., окт., стр. 89—90).

родинѣ (Полтавщинѣ) уже съ примѣтной грустью и въ день отъѣзда моего далъ мнѣ для памяти 2 записочки. Въ одной изъ нихъ прочелъ и слѣдующія строки: „неотдѣлимо въ умѣ и сердцѣ у меня, что и возросъ на южной полосѣ Малороссіи, у благодатныхъ береговъ Днѣпра; живу на сѣверномъ краю ея и чувствую гнетущія стужи отъ Сѣвска. Стихійно приходитъ часто на мысль увидѣть Кіевъ, Каневъ, Черкасы и родину, небо и землю моихъ предковъ. Но будетъ ли такъ расположено нынѣшнее владѣніе Згарью, чтобы я могъ тамъ хоть недѣлю времени подышать свободно. 1852 г. авг. 17. *Ite meae, quondam felix pesus, ite capellae!* Въ этомъ неожиданномъ вопросѣ 80-лѣтняго старика и въ самомъ стихѣ *Виргиліевой* буколки, вызванномъ игрою словъ, слышалось мнѣ грустное предвѣстіе“<sup>1)</sup>. Отсюда видно, какъ Тимковскій любилъ свой родной край Малороссію и какъ сознательно старался работать для ея просвѣщенія, посвятивъ всю свою жизнь воспитанію ея молодого поколѣнія. Это былъ одинъ изъ ея вѣрныхъ и преданныхъ сыновъ, не зарывшій своихъ талантовъ въ землю, а всецѣло ихъ употребившій на пользу „полуденнаго края“ Россіи. Шумлянскій имѣлъ повидимому весьма высокое мнѣніе о своихъ достоинствахъ и заслугахъ и ревниво охранялъ свои служебныя права и преимущества. Въ прошеніи, которое подано было имъ въ совѣтъ 15 окт. 1810 г. въ которомъ помѣщено ходатайство о представленіи къ ордену Владиміра 3-й степени, онъ, перечисливъ всѣ свои заслуги, между прочимъ пишетъ, что въ Москвѣ на него была возложена обязанность оператора и хирурга и что онъ первый въ Россіи сталъ производить операціи на живомъ тѣлѣ. Въ засѣданіи совѣта 14 сент. 1805 г. онъ поднималъ вопросъ о своемъ старшинствѣ по службѣ и о правѣ занимать высшее мѣсто. Совѣтъ однако рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно. Шумлянскій пересталъ посѣщать засѣданія совѣта. На вопросъ о причинѣ отсутствія онъ отвѣтилъ письмомъ къ ректору, въ которомъ объяснилъ, что до тѣхъ поръ не пойдетъ въ совѣтъ, пока ему не дадутъ мѣста, соотвѣтствующаго его чину и старшинству. Наконецъ, въ торжественномъ засѣданіи 5-го ноября, когда всѣ собрались для избранія ректора и декановъ, прочитаны были законы 1790 и 1799 гг., по которымъ профессора академій считались въ седьмомъ классѣ, пригласили Шумлянскаго. Послѣдній явился и занялъ старшее мѣсто тотчасъ послѣ декановъ“<sup>2)</sup>. Какое-то наивнодобродушное честолобіе, заставившее его и впоследствии написать аналогичную просьбу-жалобу министру (ее мы приведемъ впоследствии

<sup>1)</sup> Кіев. Стар. 1891 г., октябрь, стр. 96—97.

<sup>2)</sup> Журн. мин. народн. просв. 1872 г., февр., стр. 213—215.

ствіи) было у него преобладающею чертою. Роммель отзывался о немъ, какъ о здоровомъ весельчакѣ, напоминавшемъ фигуροю польскихъ старость; Селивановъ рисуетъ его, какъ добродушнаго малоросса, вносявшаго въ лекціи свой національный юморъ и излагавшаго ихъ съ массою остротъ и шуточекъ на малорусскомъ языкѣ. Талантами онъ не блисталъ. Какъ представитель русской партіи, велъ ожесточенную борьбу съ иностранцами въ факультетѣ и совѣтѣ (Стойковичемъ и Пильгеромъ). Другой профессоръ медицинскаго факультета Книгинъ занимался врачебной практикой, но былъ такъ небреженъ въ ней, что, по словамъ Роммеля, пропускалъ почти каждый кризисъ его трехдневной лихорадки. Въ противоположность ему Каменскій былъ очень ловкимъ, искуснымъ и внимательнымъ практикомъ; такое же искусство, по словамъ Роммеля, онъ проявлялъ и въ составленіи бумагъ и рапортовъ, въ качествѣ секретаря совѣта. Преждевременно угасшій Калькау отличался большими талантами и широкимъ образованіемъ; онъ считался также хорошимъ практическимъ врачомъ. Къ сожалѣнію, личная, семейная жизнь его сложилась неудачно, и его женѣ съ трудомъ пришлось, какъ мы видѣли, по его смерти, добиваться пенсіи, причемъ характерно, что этого обрусѣвшаго нѣмца и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмеченнаго русскаго поддерживали главнымъ образомъ нѣмцы и только его одного изъ русскихъ считали достаточно начитаннымъ въ нѣмецкой литературѣ. Надъ гробомъ его была произнесена одна русская рѣчь (В. Н. Каразинымъ), одна французская (Дегуровымъ) и одна латинская (Шадомъ).

На характеристикѣ адъюнкта и архитектора Васильева мы уже останавливались выше, рассказывая о его столкновеніи съ ректоромъ Стойковичемъ. Напомнимъ теперь только, что это былъ безпечный весельчакъ, душа общества, любитель веселыхъ компаній, имѣвшій знакомство едва ли не со всѣмъ городомъ и не со всѣми харьковскими помѣщиками, благодаря своимъ архитектурскимъ талантамъ; это былъ однимъ словомъ одинъ изъ самыхъ популярнѣйшихъ людей въ Харьковѣ. „Профессоръ архитектуры Васильевъ, говоритъ Селивановъ, человекъ былъ замѣчательный и мало тѣхъ въ городѣ Харьковѣ, кому бы онъ не былъ извѣстенъ; да и мало было изъ людей порядочныхъ, особенно изъ купцовъ, съ кѣмъ бы онъ не былъ знакомъ“. Близко подходилъ къ нему по своему открытому веселому характеру Масловичъ, первый тандоръ въ свое время (о немъ мы также говорили на 588—589 стр.). Полную противоположность имъ представлялъ, какъ мы знаемъ, лекторъ и поэтъ Нахимовъ — богачъ, демократъ и оригиналь, но къ сожалѣнію сильно предававшійся вину. Въ невыгодномъ свѣтѣ выступаетъ передъ нами адъюнктъ Болгаревскій, дошедшій въ своемъ

столкновении съ известнымъ намъ Хлапонинымъ до инсинуаціи на него и на своихъ университетскихъ товарищей. Впрочемъ и противникъ его Хлапонинъ обнаружилъ такую же несдержанность, такъ что исторія ихъ столкновения вызываетъ самое непріятное чувство, тѣмъ болѣе, что вызвано оно было недоразумѣніями денежнаго свойства. Мы рѣшили не замалчивать темныхъ явленій нашего стараго университетскаго быта и потому изложимъ въ примѣчаніи и этотъ споръ и при томъ собственными словами и выраженіями противниковъ, ибо только въ такомъ случаѣ можно будетъ ясно представить себѣ ту степень раздраженія и вражды, которыя существовали между ними. Прибавимъ къ этому, что Хлапонинъ не даромъ просилъ объ устраненіи отъ разбора его дѣла въ правленіи ректора Стойковича: этотъ послѣдній, какъ мы видѣли, дѣйствительно старался всячески помогать Болгаревскому и вредить Хлапонину, потому что его проводилъ Шадъ (стр. 348—349, 589—602). Нельзя не сознаться, что правленіе весьма разумно, совершенно по Соломоновски разрѣшило этотъ споръ: рѣшило оставить его безъ послѣдствій <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Дѣло въ правленіи началось по жалобѣ адъюнкта Болгаревскаго. Вотъ ея текстъ. „Извѣстный университету Курскій купецъ Григорій Хлапонинъ просилъ меня, чтобы я принялъ его на свою квартиру для прожитія, пока онъ кончитъ свой экзаменъ въ здѣшнемъ университетѣ. Хотя прежде я вовсе былъ незнакомъ съ этимъ купцомъ, но, уваживъ усиленную его просьбу и предпологая, что человекъ, допущенный университетомъ до экзамена, долженъ быть извѣстенъ, какъ по своему учению, такъ и по хорошему поведенію, я согласился принять его. Къ сожалѣнію моему, я вскорости увидѣлъ свою ошибку и по прошествіи одного мѣсяца безпокойствомъ и грубыми его поступками принужденъ былъ отказать ему въ дальнѣйшемъ пребываніи на моей квартирѣ. Сямъ хотя весьма учтивымъ отказомъ онъ такъ ожесточился, что еще большія началъ дѣлать мнѣ грубости и, наконецъ, дошелъ до такой крайности, что разругалъ меня самымъ подлымъ образомъ и въ неистовствѣ своемъ обнажалъ противъ меня саблю. Такая дерзость его заставила меня просить господина ректора университета, дабы онъ благоволилъ извѣстить о семъ градскаго полиціймейстера и предохранить отъ такихъ наглостей. Объявляя сіе университетскому правленію, нижайше прошу защиты и наставленія, гдѣ и какъ я долженъ искать удовлетворенія за обиду и наглость, причиненные мнѣ вышеомянутымъ купцомъ; а между тѣмъ, прошу, дабы правленіе благоволило дать о семъ знать градской полиціи, чтобы она не выпустила его изъ города до изслѣдованія сего дѣла“. Хлапонинъ предъявлялъ къ нему встрѣчный искъ къ особомъ прошеніи, гдѣ писалъ. „Отдававшій мнѣ въ наймы часть квартиры своей адъюнктъ сего университета Болгаревскій, забравши впередъ отъ меня деньги, потомъ сбывая въ мое отсутствіе съ двери комнатъ моихъ замокъ и врываясь неоднократно въ ночное и утреннее время съ поднятымъ въ рукахъ желѣзомъ въ мои покои и даже спальню и чиня и тутъ разныя непопозволенности, о чемъ тогда же извѣщено мною было ректору сего университета Аванасію Ивановичу

Да и можно ли было разсматривать по существу это пустое дѣло, которое было раздуть только взаимнымъ раздраженіемъ противниковъ, раздраженіемъ, дошедшимъ до того, что Болгаревскій требовалъ прекращенія экзамена Хлапонина, а этотъ послѣдній ставилъ ему въ укоръ его крестьянское происхожденіе и бѣдность его родственниковъ?

Стойковичу, вытѣснивъ меня безчиннымъ образомъ изъ моей квартиры и, по многократнымъ моимъ отъ него требованіямъ, уклоняется подъ разными предлогами заплатить должныя мнѣ Болгаревскимъ по расчету мнѣ деньги пятнадцать руб., въ намѣреніи, конечно, завладѣть ими. Почему симъ прошу покорнѣйше Харьковское университетское правленіе взыскать съ него, Болгаревскаго, эти должныя мнѣ пятнадцать рублей и меня удовлетворить“. Болгаревскій далъ на это слѣдующее объясненіе. „Пустивъ купца Хлапонина на свою квартиру, я объявилъ ему, чтобы онъ платилъ мнѣ за дрова для отопки его комнатъ и кухни по 20-ти руб. въ мѣсяцъ. Онъ жилъ у меня отъ 29 декабря 1812 года до 18 февраля 1813 года. Хотя я и получилъ отъ него деньги за весь февраль мѣсяцъ, но нестерпимъ причиняемыхъ имъ безпокойствъ и грубостей, я принужденъ былъ отказать ему прежде срока и возвращалъ ему остальные деньги, несмотря на убытокъ, который я имѣлъ въ разсужденіи дороговизны дровъ въ жесточайшее время зимы (за отопку комнаты и для кухни гостепріимнаго человека мало двадцати рублей въ мѣсяцъ на дрова во время жестокой зимы). Однако же онъ не хотѣлъ взять ихъ подъ ложнымъ предлогомъ, будтобы у не было сдачи на пятидесяти-рублевую бумажку. Спусти два дня, когда уже полиція принудила его сойти съ моей квартиры, я по расчету за восемь дней до срока вторично возвращалъ ему 5 р. 60 к. и, сомнѣваясь въ его честности, требовалъ отъ него росписки въ полученіи этихъ денегъ, но онъ не принялъ ихъ, и грубымъ тономъ отвѣчалъ мнѣ: „я тебѣ дарю!“ За что же сей Хлапонинъ требуетъ теперь отъ меня не 5 руб. 60 к., но пятнадцати рублей, я не знаю; можетъ быть, за то, что когда угощалъ онъ нѣкоторыхъ университетскихъ членовъ, я также по случаю сосѣдства замѣшался между ними и былъ участникомъ въ пирѣ сѣмъ. Если такъ, то пусть онъ положить за то цѣну, а правленіе вычтетъ изъ моего жалованья. Непринятыя имъ 5 руб. 60 коп. я немедленно отдамъ ему, коль скоро починитъ онъ испорченную отрываніемъ замковъ и крючковъ дверь и дастъ мнѣ росписку въ полученіи денегъ“. Въ отвѣтъ на это Хлапонинъ представилъ отзывъ, въ которомъ между прочимъ давалъ объясненіе по извѣстному намъ (стр. 595) доносу на него Болгаревскаго въ угощеніи профессоровъ. „Правленіе Императорскаго Харьковскаго университета данною мнѣ копіею съ объясненія адъюкта Болгаревскаго благоволило требовать отъ меня на нее отзыва; вслѣдствіе чего не по волѣ моей имѣю честь представить сему правленію какъ справедливое мое недоумѣніе касательно намѣренія, съ каковымъ правленіе благоволило не только принимать на меня бумаги, противныя роспискамъ узаконеніямъ, но и какъ бы обвинять меня у градской полиціи по нѣкоему лишь вышенію и даже не потребовавъ отъ меня никакого оправданія въ нелѣпыхъ на меня показаніяхъ, такъ и нижеслѣдующее: 1) не приводя здѣсь въ особенности домашняго адъюкта Болгаревскаго насильственные противу меня поступки, о которыхъ доведено уже до свѣдѣнія правленія Императорскаго Харьковскаго университета явочнымъ отъ меня актомъ, оправданнымъ чрезъ совер-

Адъюнкта Крюгера Т. И. Селивановъ называетъ горькимъ пьяницей, но при этомъ прибавляетъ, что онъ „рѣдко напивался до того, чтобы не соблюсти приличія; послѣдніе годы онъ рѣдко и въ собраніяхъ бывалъ“. О преподавателѣ музыки Витковскомъ мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія у Цебрикова, рисующія его какъ очень практич-

шенное безмолвіе на него самого отвѣтника, надобнымъ обрѣтаю представить имъ лишь то, что адъюнктъ Болгаревскій въ своемъ объясненіи отъ 31-го марта 1813 г., и наипаче въ дошедшей наконецъ и до моего свѣдѣнія, хотя впрочемъ и Императорскимъ университетскимъ правленіемъ не уваженной просьбѣ своей февраля 17 числа сего же года прибѣгаетъ къ оскорбительнымъ и безчестнымъ словамъ, противорѣчіямъ и клеветѣ, желая, можетъ быть, замѣнить противозаконною такою непристойностію недостатокъ своей справедливости, ибо, 2) адъюнктъ Болгаревскій сознается въ обѣихъ тѣхъ своихъ бумагахъ, что по истеченіи мѣсяца генваря, хотя по собственному его сознанію и забралъ онъ тогда же отъ меня за весь февраль мѣсяцъ условленныя имъ со мною за квартиру деньги, однако же якобы отказалъ мнѣ въ дальнѣйшемъ пребываніи на отданной имъ мнѣ квартирѣ; каковое его показаніе не только само себѣ противорѣчить, но и являетъ самого Болгаревскаго беззаконнымъ нарушителемъ собственнаго своего условія и чуждаго спокойствія; 3) адъюнктъ Болгаревскій тамъ-же сознался самъ, что пустилъ меня за деньги на квартиру для прожитія, но запирается, что отдалъ мнѣ отдѣленіе моихъ покоевъ въ наймы; хотя несправедливость этихъ его рѣчей достаточно явствуетъ и изъ того самого его противорѣчія себѣ, и изъ того уже, что занимаемое мною за деньги отдѣленіе составляло какъ большую, такъ и лучшую половину всей его квартиры, которое держалъ я и имѣлъ даже съ самаго начала въ ней моего пребыванія отъ него Болгаревскаго всегда совсѣмъ отдѣльно и на заперти въ мою небытность; 4) несправедливо показаніе его Болгаревскаго и въ разсужденіи полученныхъ имъ отъ меня денегъ, ибо получилъ онъ отъ меня въ генварѣ по частямъ 25 руб., и 2-го февраля чрезъ слугу моего 25 руб., изъ коихъ зачелъ онъ, при сдѣланномъ имъ вмѣстѣ со мною расчетѣ, за наймы отдѣленія моего, съ дровами въ полтора мѣсяца 30 руб., да 5 руб. въ счетъ мѣсячнаго жалованья одной изъ близкихъ его родственницъ-бабы, служившей у меня кухаркою и прачкою за 5 руб. въ мѣсяцъ, въ остальныхъ же 15 рубляхъ, не включая домашнихъ мною безъ росписки ему сеулѣ, призывать онъ, при обоюдномъ нашемъ расчетѣ себя мнѣ должнымъ и общался, какъ самъ сознается въ своемъ объясненіи, мнѣ возвратить; но, сдѣлавши потомъ особое про себя разчисленіе своею манерою, запирается вынѣ въ количествѣ этихъ должныхъ имъ мнѣ денегъ, а признается въ остальныхъ, что онъ удержалъ ихъ у себя единственно по непонятному для меня душевному его къ тому побужденію. Касательно же показанія его, якобы оныя деньги мною ему подарены, не отрицая того только, что и вынѣ могу предоставить ему право безспорно владѣть этими должными имъ мнѣ деньгами, если вынѣнеть онъ себѣ то въ мое ему благотвореніе; 5) адъюнктъ Болгаревскій неправедно требуетъ отъ меня починки испорченной якобы отрываніемъ замковъ и крючковъ двери, ибо ни я, ни слуга мой, ни крючковы, ни замковы съ двери его не рвали; и какъ крючки изъ двери вывернулъ занимающій у него, Болгаревскаго, мѣсто слуги его родной племянникъ, привавшій

наго и ловкаго человѣка, интересовавшагося гораздо болѣе своею торговлей, чѣмъ преподаваніемъ. „На слѣдующій день, рассказываетъ онъ, по усиленной и неотступной просьбѣ обѣдалъ я съ братомъ у капельмейстера университетскаго В(итковского), о которомъ я уже выше упомянулъ; онъ имѣетъ у себя въ домѣ большую лавку для продажи разныхъ

тогда-же отъ меня мои комнаты во всей исправности съ рукъ на руки, а замокъ мой сбилъ съ двери у меня, какъ и заявлено мною въ правленіе Императорскаго Харьковского университета самъ адъюнктъ Болгаревскій во время отлучки моей въ университетскую бібліотеку, вторгаясь насильственнымъ образомъ не только при мнѣ, но и въ замкнутую въ отсутствіи моемъ мою квартиру, то изъ сего явствуетъ какъ несправедливость его словъ, такъ и не позволительная въ немъ склонность къ разнаго рода излишествамъ и самовольствамъ, недостойнымъ казалось бы никакого публичнаго наставника и могшихъ простекать лишь изъ непростительнаго невѣдѣнія необходимыхъ причинъ въ общежитіи или изъ суровости и крутости его нрава. По сей самой причинѣ навсегда изгнана изъ сердца моего охота признаваемая имъ Болгаревскимъ должными мнѣ деньги получить самому мнѣ отъ него непосредственно и такъ какъ эти удержанныя себѣ адъюнктомъ Болгаревскимъ деньги обрекъ было я отъ искренняго сердца въ милостыню людямъ, требующимъ о себѣ чуждаго попеченія, то если адъюнктъ Болгаревскій имѣетъ непритворное расположеніе не удерживать ихъ долге себѣ, можетъ онъ выдать ихъ безъ всякаго дальнѣйшаго сомнѣнія въ правленіе Императорскаго Харьковского университета, откуда буду просить покорнѣйше правленіе препроводить деньги тѣ въ пользу сумасшедшихъ или можетъ онъ, если хочетъ, и самъ непосредственно доставить въ домъ такихъ недужныхъ, гдѣ и получить навѣрное для успокоенія своихъ сомнѣній росписку въ ихъ полученіи; 6) адъюнктъ Болгаревскій повосилъ меня срамными и гнусными словами дома въ моей квартирѣ, что принялъ было я на счетъ необыкновенной наивности и искренности его души, прибѣгаетъ и въ письменныхъ имъ въ правленіе Императорскаго Харьковского университета бумагахъ къ безчестнымъ и злословнымъ ругательствамъ, при выраженіи которыхъ нельзя сказать, чтобы не имѣлъ онъ надлежащаго въ умѣ смысла, а меня же укоряетъ въ необъясненныхъ имъ и небывалыхъ съ моей стороны на него ругательствахъ, конхъ онъ по сей самой причинѣ и доказать, конечно, не можетъ; 7) удивляюсь, что адъюнктъ Болгаревскій по случаю невозвращенія имъ самимъ должныхъ мнѣ денегъ никакой не имѣетъ совѣсти, меня же обноситъ актомъ безъ всякихъ доказательствъ въ ложности якобы со стороны моей предлога, будто не случилось у меня въ то время для сдачи ему на намѣренную имъ выдать мнѣ пятидесяти рублевую російскую банковую ассигнацію, не беря совѣтъ въ разсужденіе, что я имѣлъ премногія законныя въ томъ причины; 8) сей же адъюнктъ Болгаревскій, безъ сомнѣнія вѣнмѣющей никакихъ дѣльныхъ тому свидѣтельствъ, клеветаетъ въ своемъ объясненіи и на градскую полицію въ незаконномъ поступкѣ, и на меня, якобы принужденъ я былъ этою полиціею сойти прежде срока со своей нанятой у него мною квартиры, чего однакоже никогда не бывало; 9) сей же неоднократно и въ самыхъ актахъ сего университета излишествами своими и самовольствами замѣченный адъюнктъ Болгаревскій донесъ правленію Императорскаго Харьковского университета, что онъ имѣетъ сомнѣніе въ моей честности, не доставивъ

товаровъ, выписываемыхъ изъ Петербурга, Москвы, Вѣны; торгуетъ дорогими напитками, музыкальными инструментами, нотами; для дѣланія фортепьянъ выписалъ изъ Москвы мастера нѣмца, который по контракту долженъ ему одному ихъ ставить и никому другому безъ вѣдома его не продавать. Витковскій—человѣкъ хитрый—полякъ и меня убѣдилъ сдѣлать ему

дѣльныхъ и законныхъ доказательствъ въ оправданіе того своего доноса о семъ обстоятельстве, наибавѣйшемъ къ довольствію и спокойствію каждаго недурнаго члена въ государствѣ; 10) въ доносѣ адъюнкта Болгаревскаго о какомъ-то даванномъ мною угощеніи, неизвѣстно, самому ли господину ректору сего университета Стойковичу, или другимъ какимъ сочленамъ оного не имѣется достаточной ясности ни касательно намѣренія этого угощенія, ни касательно намѣренія этого донесенія адъюнктомъ Болгаревскимъ. И какъ нельзя думать, чтобы кто-нибудь благоразумный сталъ когда ни есть порицать и укорять россиянъ въ ихъ нравственности, оказывающейся въ общежительномъ ихъ гостепріимствѣ, то и думать не могу, чтобы именно въ сей самой нечѣстности и состояло намѣреніе его, Болгаревскаго; равнымъ образомъ не имѣю права никакому человѣку, прежде уличенія его въ коварствѣ судомъ, приписывать злоумышленіе, чтобы хотѣть самою неясностію своихъ показаній порождать въ незнающихъ подозрѣніе неопозовеннаго какого соотношенія пира того къ выдержанному мною за нѣсколько еще мѣсяцевъ прежде жительства моего въ сосѣдствѣ съ симъ адъюнктомъ экзамена по нравственно-политическому отдѣленію, дабы тѣмъ самымъ помрачить честь моего имени. Долгомъ однакоже нахожу упомянуть здѣсь, что хотя и имѣлъ я честь быть по временамъ взаимно посѣщаемъ какъ нѣкоторыми здѣшними и пріѣзжими купцами, такъ и нѣкоторыми членами сего университета, таковыя посѣщенія однакоже не могутъ дать повода къ нечѣстному касательно меня подозрѣнію, а кто, не взирая ни на что, мнитъ себѣ имѣть побудительную причину къ противному сей истинѣ предразсудку, того прошу сдѣлать неупустительно правленію Императорскаго Харьковскаго университета ясный, справедливый и обстоятельный доносъ, котораго я съ своей стороны не упущу совершенно и явно опровергнуть. Что же касается до великодушнаго его Болгаревскаго благоразположенія заплатить за когда-то имъ у меня выпитое и съѣденное, таковаго предложенія по истинѣ не имѣю себѣ иначе истолковать, какъ что адъюнктъ сей или вовсе не вѣдаетъ обычаевъ и нравовъ россиянъ, съ которыми никакъ несообразно принимать плату за свою хлѣбъ-соль, я же съ своей стороны никогда не могъ и не хотѣлъ желать или надѣяться себѣ отъ адъюнкта Болгаревскаго какой-либо благодарности или взаимности, или счелъ это у меня адъюнктъ сей не пристойнымъ образомъ за вывѣску, по которой незажиточные люди находятъ домъ мелочной продажи съѣстныхъ принасовъ и горячихъ напитковъ, каковая производится въ Россіи, какъ-то довольно адъюнкту Болгаревскому извѣстно, лишь въ трактирахъ и кабакахъ, и я долженъ бы былъ отнести къ мудреному обстоятельству такую ошибку въ его разсчетѣ, если бы повѣрить словамъ его, что онъ подлинно думалъ за столомъ моимъ вмѣстѣ съ какими-то членами университета найти себѣ пищу и питье за деньги. И какъ все дѣло происходило со стороны моей на чести и совѣсти и я по сей самой причинѣ ничего большаго противу денежнаго показанія адъюнкта Болгаревскаго въ свидѣтельство и доказательство представить



честь отобѣдать для того только, чтобы другіе въ томъ городѣ вѣдали, что онъ и въ столицѣ имѣетъ знакомыхъ сколько-нибудь значительныхъ; но при томъ имѣлъ еще другое въ виду—именно то, чтобы я его здѣсь рекомендовалъ тѣмъ нѣмецкимъ купцамъ, у коихъ онъ беретъ товары на кредитъ и въ нужномъ случаѣ поручился бы за него, какъ то онъ мени

не имѣю, остаюсь въ разсужденіи денежной моей на него претензіи доволенъ собственнымъ его Болгаревскаго въ своемъ объясненіи сознаніемъ и прошу покорнѣйше правленіе Императорскаго Харьковскаго университета побудить его Болгаревскаго подтвердить вторичнымъ, добросовѣстнымъ со стороны его признаніемъ, что таковое его показаніе односторонняго своего расчисленія забранныхъ имъ отъ меня денегъ соотвѣтственно и сообразно его совѣсти и чести. Но поелику несправедливость оныхъ письменныхъ его на меня показаній имѣетъ цѣлю свою не одно лишь денежное разногласіе, но, что для меня значительнѣе, безчестное его оклеветаніе и злословіе моего имени, то и прошу покорнѣйше правленіе Императорскаго Харьковскаго университета свое благоразсмотрѣніе о семъ предметѣ учинить и меня удовлетворить по узаконеніямъ. Представляя здѣсь всѣ эти обстоятельства изъ поведенія адъюнкта Болгаревскаго правленію Императорскаго Харьковскаго университета для разсмотрѣнія, я прошу оное покорнѣйше принять во уваженіе всю важность таковыхъ его излишествъ и самовольствъ относительно спокойствія частнаго и общаго. Впрочемъ, конечно, не прилично бы было говорить мнѣ особенно о томъ, что истинный долгъ каждаго члена знаменитаго сего учрежденія, наипаче же господина ректора онаго, состоитъ не только не въ томъ, чтобы неограниченнымъ и безразборнымъ покровительствомъ своихъ сочленовъ, равно виновныхъ и недостойныхъ, какъ невинныхъ и достойныхъ, даже вопреки всякой справедливости защищать мнимую въ томъ честь самого университета, а въ томъ, чтобы безпристрастнымъ преслѣдованіемъ коварства и пороковъ и неограниченнымъ ободреніемъ доброты и совершенствъ, доказать каждому пользу истиннаго просвѣщенія и образованія, ради распростраченія каковой лишь учреждены университеты—сін вѣчныя памятники благодаренія великодушнѣйшаго изъ государей и благоподучія всеподданнѣйшаго изъ народовъ; но поелику господинъ ректоръ сего университета Аѳанасій Ивановичъ Стойковичъ, 28 числа прошедшаго марта, подъ предлогомъ якобы дружелюбнаго мени съ адъюнктомъ Болгаревскимъ примиренія явилъ изъясненіемъ мнѣ своихъ угрозъ не только нѣчто, совершенно противное оному выдаваемому имъ намѣренію, но даже и явное противу меня пристрастіе, то увѣренъ я, что никто изъ достопочтеннѣйшихъ членовъ сего полезнѣйшаго учрежденія не приметъ себѣ въ оскорбленіе, что я прошу здѣсь покорнѣйше правленіе Императорскаго Харьковскаго университета, по причинѣ того противу меня пристрастія, господина ректора Аѳанасія Ивановича Стойковича выредъ по моему дѣлу отъ присутствія уклонить. Нѣсколько времени спустя овъ подалъ еще дополнительное объясненіе, касавшееся ректора Стойковича. „Господинъ бывшій ректоръ Стойковичъ, призвавъ меня къ себѣ 28 марта подъ предлогомъ примиренія мени съ адъюнктомъ Болгаревскимъ и переждавъ, пока удалился находившійся у него тогда г-нъ ординарный профессоръ Срезневскій, при адъюнктѣ Павловичѣ, родномъ племянникѣ своемъ корнетѣ и кавалерѣ Стойковичѣ и адъюнктѣ Болгаревскомъ, между прочимъ нѣсколько разъ угрожалъ

послѣ обѣда о семъ самомъ и просилъ найуниженнѣйшимъ и самымъ ухищреннымъ образомъ. Подлинно, въ Харьковѣ, семъ новомъ вертоградѣ наукъ, недавно насажденныхъ, многіе ученые болѣе помышляютъ о торговлѣ и скоромъ себя обогащеніи, нежели о вѣщшемъ преуспѣяніи въ наукахъ и знаніяхъ по своей части; такъ то сокровища земныя для

мнѣ, что онъ ректоръ докажетъ мнѣ къ моему сожалѣнію и вреду, что между искомымъ мною достоинствомъ доктора и адъюнктомъ Болгаревскаго имѣется чрезъ него ректора весьма тѣсная связь. Почему тогда-же отнесся я съ просьбою моею къ находившимся при томъ прислушать рѣчь сію г. Стойковича и разсудить безпристрастно, сообразны-ли настоящіе поступки его съ выдаваемымъ имъ намъреніемъ якобы примирить насъ? Но г. Стойковичъ и еще повторилъ мнѣ тѣ-же слова съ грознымъ видомъ. Но какъ ни племянникъ его корнетъ и кавалеръ Стойковичъ, ни адъюнкты Болгаревскій по законнымъ причинамъ въ семъ дѣлѣ безпристрастными и законными свидѣтелями быть не могутъ, адъюнкты-же Павловичъ бывшій ректоромъ Стойковичемъ всегда былъ облагодѣтельствованъ, то, не имѣя никого другого при томъ кромѣ сихъ показанныхъ мною свидѣтелей, относительно сего послѣдняго предоставляю на благоусмотрѣніе самого правленія Императорскаго Харьковскаго университета, можетъ ли онъ быть въ семъ случаѣ законнымъ свидѣтелемъ. Г. бывшій ректоръ Стойковичъ кромѣ тѣсной между ними связи обѣщалъ адъюнкту Болгаревскому въ то же почти время ссудить его въ нуждѣ деньгами. Въ свидѣтельство чего хотя могъ бы я привести здѣсь члена сего-же университета, имѣющаго достаточное на то доказательство, но изъ уваженія къ его особѣ не почитаю нужнымъ выставить здѣсь его имени; если-же правленію Императорскаго Харьковскаго университета благоугодно будетъ объ имени сего университетскаго члена узнать, то по требованію правленія могу объявить имя его изустно и онъ не откажется подтвердить истину сего моего показанія. По случаю желанія моего представить въ совѣтъ сего университета покорнѣйшее мое прошеніе, писанное 21-го числа мая о выдачѣ мнѣ съ одной бумаги копій, бывшій ректоръ Стойковичъ въ присутствіи членовъ совѣта не допустилъ меня къ тому въ двукратное засѣданіе совѣта, пока наконецъ увидѣлъ я себя принужденнымъ положить сіе мое прошеніе въ присутственной камерѣ совѣта предъ зеркаломъ, объявивъ при томъ, что буду жаловаться о томъ высшему начальству. Причемъ дѣлалъ онъ въ присутствіи членовъ совѣта непристойныя замѣчанія на счетъ моего вида. Самое усиліе г. бывшего ректора Стойковича присутствовать по сему моему дѣлу можетъ также служить правленію досточтимымъ доказательствомъ не безпристрастнаго его противу меня расположенія. Болгаревскій не остался въ долгу и съ своей стороны представилъ возраженіе, преисполненное колкими, но не идущими къ дѣлу замѣчаніями о Хлапонинѣ и потому не принятое правленіемъ. Онъ долженъ былъ смягчить его относительно рѣзкихъ выраженій, и мы представляемъ его текстъ въ этой новой уже редакціи. „Прочитавъ нескладное неудобопонятное объясненіе Хлапонина, я не могъ изъ оного вывести правильнѣйшаго логическаго доказательства, какъ нижеслѣдующее. По-елику я въ денежной моей претензіи на адъюнкта Болгаревскаго никакихъ другихъ доказательствъ не имѣю, то и удовольствуюсь тѣми, какія представилъ въ томъ самъ адъюнкты Болгаревскій; съ моей стороны я также симъ доволенъ. Но

смертныхъ привлекательны, что пренебрегаютъ усовершенствованіемъ найдрагоцѣннѣйшей части сугубаго нашего состава — души разумной. Витковскій признавался, что теперь отъ торговли своей несравненно болѣе имѣть прибыли, нежели прежде отъ преподаванія уроковъ музыки. На вопросъ мой: какъ можетъ онъ производить въ городѣ продажу това-

я весьма не доволенъ, т-е, тѣмъ, что Хлапонинъ на краткое мое показаніе пишетъ весьма длинное неудобовразумительное объясненіе, которое ничего не доказываетъ, кромѣ недостатка здоровой логики и незнанія отечественнаго языка. Что онъ въ своемъ объясненіи примѣтно издѣвается надъ бѣдностію, нестати упомянувъ о родственницѣ моей несчастной вдовѣ и сиротахъ, съ которыми я раздѣляю заслуженный кусокъ хлѣба. Это одно ясно доказываетъ худое его воспитаніе и неблагородство души. Видно также, что сей Хлапонинъ какъ въ сей бумагѣ, такъ и въ другихъ силится опорочить мою нравственность. Я понять не могу, для чего университетское правленіе, принявъ отъ Хлапонина такую для меня обидную, унижительную, грубыми словами и выраженіями наполненную бумагу, не хотѣло принять моего объясненія съ нѣкоторыми не ругательными, а колкими и справедливыми словами. Между тѣмъ оно требуетъ моего отзыва на прописанный Хлапопинымъ обстоятельства. Сии обстоятельства, вѣроятно, касаются моей нравственности. Но я не думаю, чтобы кто-либо здравомыслящій могъ повѣрить чело-вѣку низкаго состоянія, не благородно воспитанному, не имѣющему ни отъ ка-кого, гдѣ воспитываются благородные юноши, мѣста надлежащаго свидѣтельства ни о знаніяхъ своихъ, ни о поведеніи, — и еще клеветущему на университетскаго адъюнкта, который представилъ своему начальству не только отъ російскихъ, но и отъ иностранныхъ университетовъ аттестаты объ успѣхахъ какъ въ наукахъ, такъ и въ нравственности во все время десятилѣтняго образованія своего, также рекомендованъ и опредѣленъ въ сей университетъ непосредственно самимъ ми-нистромъ народнаго просвѣщенія и исправляетъ должность свою, какъ прилич-но его званію. Сдѣлавъ такое сравненіе, я излишнимъ почитаю опровергать та-кой вздоръ, какой представилъ въ бумагѣ своей Хлапонинъ, а если правленіе склонно вѣрить тому, да благоволитъ требовать отъ него самого основательныхъ на то доказательствъ и судить меня по законамъ. Но прошу также правленіе немедленно и сообщить мнѣ точное свѣдѣніе, кто таковъ есть сей Хлапонинъ, купецъ или мѣшанинъ, чтобы я могъ гдѣ слѣдуетъ искать удовлетворенія за буй-ственное его во время пребыванія на моей квартирѣ поведеніе, гдѣ онъ обнажилъ саблю и хотѣлъ зарубить меня. А между тѣмъ прошу сообщить объ этомъ уни-верситетскому совѣту, чтобы онъ остановилъ начатый Хлапопинымъ экзаменъ на докторское званіе, до рѣшенія сего уголовного дѣла. Правленіе выслушавъ этотъ такъ сказать взаимный обмѣнъ любезностей между адъюнктомъ Болгаревскимъ и докторантомъ философіи Хлапопинымъ, сдѣлало слѣдующее постановленіе. „Такъ какъ и Хлапонинъ вмѣсто требованныхъ отъ него въ справедливости иска его и жалобы доказательствъ, и адъюнктъ Болгаревскій вмѣсто опроверженія подали бумаги, наполненныя колкими словами и къ дѣлу не принадлежащими выраже-ніями, изъясняющими только непримиримую ихъ между собою вражду и злобу, каковыя бумаги указомъ 1764 года сентября 13-го велѣно съ надписью возвра-щать, какъ сіе съ адъюнктомъ Болгаревскимъ и сдѣлаво было, Хлапопину-же

ровъ, не записавшись въ купечество, отвѣчалъ, что хотя за нѣсколько времени предъ симъ и были ко мнѣ прищѣпки со стороны купцовъ—полицію же я съ самаго начала ублажилъ,—но какъ я имъ далъ хорошій сытный столъ, то они и оставили меня въ покоѣ, при томъ я продаю у себя дома вещи, какъ мои собственныя и какъ для меня излишнія и ненужныя, а не на гостинномъ дворѣ; однако во избѣжаніе всякихъ дальнихъ хлопотъ думаю записаться современемъ въ какую-нибудь гильдію, смотря по обстоятельствамъ и торговымъ моимъ выгодамъ<sup>1)</sup>.

Этимъ мы и заканчиваемъ свое обозрѣніе нравовъ и частной жизни профессоровъ. Конечно, нашъ очеркъ покажется неполнымъ, если смотрѣть на него, какъ на сборникъ біографій; но такой цѣли онъ не преслѣдовалъ и даже не могъ ставить себѣ;—эту задачу должны взять на себя составители „Біографическаго словаря“ профессоровъ Харьковскаго университета—я же старался сообщить данныя, достаточныя для общаго представленія о характерѣ быта и жизни тогдашней профессорской среды и тутъ уже я не пропускалъ ничего, что можно было найти въ печатныхъ и архивныхъ матеріалахъ. Представленные мною факты рисуютъ индивидуальныя черты отдѣльныхъ лицъ, но многія изъ нихъ настолько типичны, что могутъ быть обобщены и въ совокупности своей даютъ намъ наглядное представленіе объ эпохѣ, и изъ нихъ въ достаточной степени ярко выступаетъ передъ нами образъ тогдашняго профессора; не говоримъ уже о томъ, что полная галерея изображенныхъ нами дѣятелей сама по себѣ внѣ обобщеній даетъ живой матеріалъ объ этихъ лицахъ и о тогдашнемъ бытѣ. Возьмемъ, на примѣръ, описаніе смерти Умлюфа; смерть его свершилась при исключительныхъ обстоятельствахъ, вызванныхъ характеромъ этого профессора; но многія подробности въ этомъ описаніи (расходы на похороны, рѣчь, перечень имущества, оставленнаго покойнымъ) на столько общи и

партикулярно два раза возвращаемы были бумаги съ тѣмъ, чтобы онъ воздержался писать лишнее, но сіе не сдѣлало на нихъ никакого вліянія и они вторично въ поданныхъ ими бумагахъ изъяснялись свойственными имъ колкими и къ дѣлу непринадлежащими выраженіями; то положили—какъ ни адъюнктъ Богаревскій, ни мѣщанивъ Хлапонинъ не представили никакихъ ясныхъ доказательствъ справедливости обоюдныхъ ихъ жалобъ и изъяснили только въ подаваемыхъ ими бумагахъ колкими и къ дѣлу не относящимися выраженіями ихъ вражду, при томъ въ теченіи немалаго времени ни тотъ, ни другой не имѣютъ по сему дѣлу хожденія, то и прекратить дальнѣйшее по этому дѣлу производство“. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1813 г., № <sup>788</sup>/<sub>99</sub>).

<sup>1)</sup> Путешествіе Цебрикова изъ Петербурга въ Харьковъ въ 1813—1814 гг. (Рукопись Им. Публ. библ.).

типичны, что по нимъ можно судить объ остальныхъ подобныхъ случаяхъ. То же самое, кажется, нужно сказать и о другихъ эпизодахъ, рисующихъ намъ различныя стороны тогдашняго быта (напримѣръ, семейную жизнь).

Теперь мы переходимъ къ характеристикѣ частной жизни и нравовъ студенчества. Студенты, какъ мы знаемъ, въ то время дѣлились на 2 группы—казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. О матеріальной обстановкѣ казеннокоштныхъ студентовъ мы говорили выше; поведеніе же ихъ и отношеніе къ вачальству опредѣлялось особыми правилами. Роммель говоритъ, что „студенты, къ которымъ причислялись и дворяне изъ окрестностей, уже немолодые и поступившіе съ тѣмъ, чтобы выдержать особенный экзаменъ для повышенія въ чинахъ (въ этомъ послѣднемъ случаѣ рѣчь идетъ о чиновникахъ, слушавшихъ университетскіе курсы), были подчинены нелѣпой, почти военной дисциплинѣ, особенно такъ называемые казеннокоштные студенты, состоявшіе подъ надзоромъ профессора изъ русскихъ“. Такъ говоритъ очевидецъ профессоръ; но его опровергаетъ современникъ—студентъ.

„Казеннокоштные студенты моего времени, читаемъ мы у Розальонъ-Сошальскаго, не были подчинены не только военной дисциплинѣ—терминъ впрочемъ довольно неопредѣленный — но не терпѣли никакихъ стѣсненій, и я, имѣвъ между ними не мало близкихъ товарищей, никогда не слышалъ ни малѣйшей жалобы въ этомъ отношеніи, а нерѣдко по вечерамъ мы гуляли вмѣстѣ по городу, гдѣ только хотѣли. Имѣю право прибавить, что вообще студенты того времени вели себя съ достоинствомъ, почему и не требовался для нихъ надзоръ, какъ за дѣтьми“<sup>1)</sup>. Спрашивается, какъ согласить это видимое противорѣчіе? Кто правъ—Роммель или Розальонъ-Сошальскій?

Для рѣшенія этого вопроса необходимо было бы имѣть подлинный текстъ правилъ, регулировавшихъ положеніе студентовъ въ дисциплинарномъ отношеніи. Такихъ правилъ было четыре печатныхъ редакцій (двѣ изъ нихъ мы отмѣтили на 730 стр.); одна была составлена Гамперле въ 1806 г., другая неизвѣстнымъ въ 1807 г., третья—Якобомъ въ 1809 г., четвертая Стойковичемъ въ 1812 г.; но, не смотря на всѣ старанія, мы не могли отыскать ихъ ни въ одномъ изъ нашихъ книгохранилищъ (ихъ не оказалось ни въ библіотекѣ Харьковскаго университета, ни въ Император. Публичной, ни въ Академической). Однако въ архивѣ намъ удалось найти, въ видѣ рукописи, утвержденныя совѣтомъ правила на французскомъ и русскомъ языкѣ 2-й редакціи—1807 г., состав-

<sup>1)</sup> Харьк. Губ. Вѣд. 1869 г., № 44-й.

ленные, какъ оказывается, проф. и инспекторомъ студентовъ Белень де-Баллю. Вотъ ихъ русскій текстъ <sup>1)</sup>.

Онъ состоитъ изъ 2-хъ частей: въ первой говорится о власти ректора и инспектора, во второй объ обязанностяхъ студентовъ. 1) Казенно-

<sup>1)</sup> А вотъ оригиналь. „*Projet de reglement pour la maison des étudiants de la Couronne*. Dispositions générales. Art. 1. Les étudiants de la couronne sont sous l'inspection générale du recteur, comme chef de l'université et sous l'inspection particulière de l'inspecteur, qui leur est proposé. Art. 2. Le recteur donne directement tous les ordres, qu'il croit nécessaire pour le bien de l'administration et en informe l'inspecteur et par l'intermédiaire de l'inspecteur pour tout ce qui concerne la bonne tenue physique et morale des élèves. Art. 3. L'inspecteur doit veiller à la bonne conduite des élèves, à l'emploi utile de leur temps, à leur santé, à la propreté et à la salubrité des lieux qu'ils habitent et surveiller la police intérieure: et s'il observe quelque faute ou quelque négligence, il tâche de les corriger; si le cas est urgent, il prend les mesures convenables, dont il rend compte au recteur le plutôt possible. Art. 4. Chaque mois l'inspecteur rend compte par écrit au recteur de l'état des étudiants et de leur demeure et des observations qu'il a faites sur le caractère et la conduite des élèves et pour cet effet il tient le livre ordonné par l'art. 118 du règlement de l'université. Art. 5. La maison sera fermée exactement, il y aura un portier et la porte sera fermée tous les jours à dix heures du soir en été et à neuf heures en hiver; à cette heure l'inspecteur s'assurera si tous les étudiants sont à la maison et si quelques uns d'eux sont absents à son insu il s'informera des raisons de leur absence et en fera part au recteur. *Des élèves*. Art. 6. Les élèves de la couronne se leveront à 5 du matin dans l'été et à 6 dans l'hiver. Ils se coucheront ou seront rentrés dans leur chambre à 10 en été et à 9 en hiver. La cloche annoncera ces heures ainsi que les différents exercices et les heures des classes. Art. 7. Le dîner sera servi à midi  $\frac{1}{4}$  et le souper à  $7\frac{1}{2}$ . Art. 8. Nul élève ne pourra sortir de la maison (si ce n'est pour aller aux classes de l'université), qu'il n'ait obtenu la permission de l'inspecteur ou en son absence du sous inspecteur; s'il veut s'absenter pendant les classes, il ne pourra le faire sans la permission du recteur et, après l'avoir obtenu, il la communiquera à l'inspecteur. Art. 9. Si quelque élève a besoin de s'absenter pendant quelques jours pour cause légitime, pour aller chez ses parents passer les fêtes ou les vacances, il en doit obtenir la permission du directoire par l'entremise de l'inspecteur ou celle du recteur, si ce sous les jours où il n'y a point de séance, mais le recteur en informe le directoire dans la première séance. Art. 10. Si un élève a quelque demande à faire ou quelque plainte à porter, il s'adressera d'abord à l'inspecteur, qui prononcera sur cette demande ou sur cette plainte, si l'objet est léger et de sa compétence, et s'il est grave, l'inspecteur en référera au recteur. Art. 11. Nul élève ne pourra quitter une classe ni échanger, ni passer d'une faculté dans une autre sans en avoir demandé la permission au sénat de l'université par le recteur qui lui transmettra la réponse. Art. 12. Il est du devoir des étudiants d'assister à l'office divin les dimanches et fêtes. Art. 13. Dans le cas où un élève tombera malade, l'inspecteur doit en prévenir sans délai le médecin de la maison. Art. 14. Tous les 6 mois quatre élèves seront désignés par l'inspecteur et confirmés par le recteur en qualité de surveillants de leur colonne (tant que l'uni-

коштные студенты состоятъ подѣ главнымъ вѣдѣніемъ ректора, какъ начальника университета, и особеннымъ наблюденіемъ опредѣленнаго къ нимъ инспектора; 2) ректоръ даетъ прямо отъ себя всѣ приказанія, которыя считаетъ нужными для благоустройства института и уведомляетъ о томъ инспектора; приказанія же, относящіяся къ доброму содержанию — физическому и нравственному — всѣхъ воспитанниковъ отдастъ черезъ инспектора; 3) инспекторъ долженъ заботиться о хорошемъ поведеніи воспитанниковъ и полезномъ употребленіи ихъ времени, о ихъ здоровьѣ, чистотѣ и безвредности занимаемыхъ имъ помѣщеній и наблюдать за внутреннимъ благочиніемъ; и если замѣтитъ какой-либо недостатокъ или нерадѣніе, то старается ихъ исправить; а если случай очень важенъ, то принимаетъ соотвѣтственныя мѣры, о которыхъ доносить въ возможно скоромъ времени ректору; 4) каждый мѣсяцъ инспекторъ доносить ректору письменно о состояніи студентовъ и ихъ жилища и о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ относительно ихъ нравовъ и поведенія, для чего имѣетъ у себя книгу, предписанную 118 § университетскаго устава; 5) у воротъ института имѣетъ быть приставленъ привратникъ и онъ съ вечера должны быть запираемы, лѣтомъ въ 10 ч., зимою же въ 9 час.; въ этомъ часу инспекторъ осматриваетъ, всѣ ли студенты находятся дома, и если нѣкоторые изъ нихъ безъ вѣдома его отлучились, то онъ освѣдомляется о причинахъ ихъ отлучки и доносить о томъ ректору; 6) казеннокоштные воспитанники должны вставать по утрамъ лѣтомъ въ 5 час., а зимою въ 6 час., ложиться же спать или находиться въ своихъ комнатахъ лѣтомъ въ 10 час., а зимою въ 9 ч. веч., часы эти, равно какъ и время классовъ, будетъ возвѣщать колоколъ; 7) обѣдъ будетъ подаваться въ четверть перваго часа по полудни, а ужинъ въ 7½ час.; 8) ни одинъ воспитанникъ не можетъ отлучиться изъ дому (исключая тотъ случай когда идетъ на университетскія лекціи), не получивъ напередъ позволенія на это отъ инспектора или въ отсутствіе его у помощника; если кому понадобится отлучиться во вре-

versité n'aura point de maitres ez arts, ni de candidats). Leur fonction se bornera à observer, s'il se passe quelque chose contre le bon ordre et l'exécution du reglement et d'en prevenir sans delai l'inspecteur ou en son absence le recteur. Art. 15. Les eleves externes ne pourront frequenter la maison des etudiants à d'autres heures que celles des classes sans en obtenir la permission de l'inspecteur ou du recteur. Art. 16. Le jeu de cartes et toute espece de jeu de hasard sont severement deffendus aux etudiants, ils ne pourront s'occuper à la musique qu'aux heures destinées à cet art et pendant les recreations. Art. 17. Le directoire aura toujours le droit de changer quelque uns de ces articles et d'en ajouter d'autres, s'il le croit necessaire“ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1807 г. № 61, стр. 70—72).

мя лекцій, то на это долженъ испросить позволеніе у ректора и по полученіи его увѣдомить объ этомъ инспектора; 9) если кому изъ воспитанниковъ нужно будетъ уѣхать на нѣсколько дней, напримѣръ, для посѣщенія родственниковъ своихъ во время праздниковъ или вакацій, или по другой какой либо законной причинѣ, то онъ обязанъ черезъ инспектора получить на то позволеніе у правленія; если же правленіе въ тотъ день не имѣетъ засѣданія, то отпускъ даетъ ректоръ, который увѣдомляетъ объ этомъ правленіе въ первое же засѣданіе; 10) если воспитанникъ хочетъ обратиться съ какою либо просьбой или жалобой, то объявляетъ ее инспектору, который самъ рѣшаетъ дѣло, если оно въ его компетенціи, въ болѣе же важныхъ случаяхъ представляетъ объ этомъ ректору; 11) ни одинъ воспитанникъ не можетъ оставить класса или перемѣнить его, или перейти съ одного факультета на другой, не испросивъ напередъ разрѣшенія у совѣта черезъ ректора, который и сообщаетъ ему его постановленіе; 12) Студенты обязаны присутствовать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ на богослуженіи; 13) если кто изъ воспитанниковъ заболѣетъ, то инспекторъ немедленно обязанъ увѣдомить объ этомъ опредѣленнаго къ этой должности доктора; 14) пока университетъ не будетъ имѣть магистровъ и кандидатовъ, на каждое полугодіе будутъ назначаемы инспекторомъ и утверждаемы ректоромъ четыре студента для ближайшаго надзора за указаннымъ каждому изъ нихъ отдѣленіемъ студентовъ; на ихъ обязанности будетъ наблюденіе за порядкомъ и исполненіемъ статей этихъ правилъ, а если они замѣтятъ что либо противное постановленію, то должны будутъ немедленно увѣдомить объ этомъ инспектора или въ его отсутствіе ректора; 15) своєкоштные студенты могутъ посѣщать жилище казеннокоштныхъ только во время лекцій, исключая тѣхъ случаевъ, когда получаютъ на это особенное разрѣшеніе инспектора или ректора; 16) картежная игра и всякія другія азартныя игры студентамъ строжайше воспрещаются; музыкаю они могутъ заниматься только въ тѣ часы, въ которые бываетъ музыкальный классъ и во время рекреации; 17) правленію предоставляется право нѣкоторыя изъ этихъ статей этого положенія перемѣнить и прибавить къ нему еще другія, если сочтетъ это нужнымъ <sup>1)</sup>. Дѣлая общее заключеніе объ этихъ правилахъ, мы можемъ сказать, что у тогдашнихъ казеннокоштныхъ студентовъ дѣйствительно существовала если не военная, то все таки довольно строгая дисциплина, совершенно напоминающая гимназическую. Правда многое здѣсь вызывалось необходимостью, но было

<sup>1)</sup> Харьк. унив. архивъ. Журн. правил. 1807 г., январь — апрѣль; засѣданіе 13-го февраля.



ке что и такое, что являлось излишнимъ стѣсненіемъ для молодыхъ людей, расчитывавшихъ найти въ университетѣ для себя больше свободы и меньше опеки, тѣмъ болѣе, что товарищи ихъ — своекоштные студенты — находились по сравненію съ ними въ какомъ то особо привилегированномъ состояніи, ибо надъ ихъ образомъ жизни, конечно, невозможно было устроить такого контроля, какой существовалъ въ корпусѣ казеннокоштныхъ. Впрочемъ, нужно предполагать, что дѣйствительность, какъ это всегда бываетъ, до нѣкоторой степени смягчала строгость регламентаціи. Мы видѣли, что университетское начальство предоставило самимъ студентамъ веденіе ихъ хозяйства и содержаніе столомъ и санкціонировало официально существовавшее у нихъ выборное начало и вообще извѣстную степень внутренняго самоуправленія, бывшаго естественнымъ результатомъ ихъ корпоративнаго устройства. Мы знаемъ, что корпорациі казеннокоштныхъ студентовъ, въ основу которой положены были товарищеское довѣріе и контроль, удалось съ честью выйти изъ финансоваго кризиса, который переживало тогда все общество, и завоевать вмѣстѣ съ тѣмъ полное довѣріе къ себѣ со стороны университетской администраціи. Долгіе годы почти безсмѣннымъ ректоромъ былъ И. С. Рижскій — и мы знаемъ, какъ онъ любилъ молодежь, былъ деликатенъ съ нею и какъ молодежь уважала его. Очевидно, что при такомъ начальникѣ формализмъ и суровость студенческихъ правилъ должны были замѣтно смягчиться, ибо извѣстно, что въ дѣйствительной жизни имѣетъ значеніе не одинъ законъ, а и его исполнители, тутъ же эти исполнители были къ тому же и творцами закона. Характерно, что составителями студенческихъ правилъ были все иностранные профессора, незнакомые или по крайней мѣрѣ мало знакомые съ нравами русскаго учащагося юношества — при такихъ условіяхъ жизнь брала свое и нерѣдко модифицировала систему. Хозяйственное самоуправленіе у студентовъ было введено при Рижскомъ, но продолжало существовать, какъ мы видѣли, и при Стойковичѣ, и при Осиповскомъ. Инспекторами студентовъ были по уставу профессора университета, члены той коллегіи, которая создавала и самыя правила, регулировавшія студенческий бытъ. Эту должность въ теченіе перваго десятилѣтія занимали: Белень-де-Баллю, (1805—1807 гг.), Якобъ (1808—1809 гг.), Рейнишъ (1809 г.), Успенскій (1810—1811 г.), Каменскій (1812—1814 гг.). Мы знакомы уже съ характеромъ и нравственною фizioноміей названныхъ лицъ и можемъ только здѣсь замѣтить, что это были выдающіеся профессора и люди, лучшіе университетскіе дѣятели. Белень-де-Баллю отличался своимъ веселымъ открытымъ характеромъ; совсѣмъ въ иномъ родѣ былъ Г. П. Успенскій; онъ былъ формалистъ и законникъ, но пользовался въ пер-

вое время своей дѣятельности авторитетомъ у студентовъ и поддерживалъ достоинство ихъ корпораціи во вѣдшихъ отношеніяхъ. „Успенскій былъ тогда, такъ сказать, присяжнымъ законникомъ (онъ читалъ и курсы законовѣднія, и былъ синдикомъ); на немъ лежала обязанность охранять легальную сторону университетской дѣятельности; къ нему обыкновенно обращались во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ“. „По отзыву Т. И. Селиванова, Г. П. Успенскій съ самаго поступленія своего въ университетъ выказалъ свои способности: дѣятельность, смѣтливость и знаніе практическаго судопроизводства, а потому по дѣламъ слѣдственными, гдѣ дѣло касалось чести чиновниковъ, подвѣдомыхъ университету, онъ назначался депутатомъ, потомъ вскорѣ сдѣлали его инспекторомъ студентовъ, и онъ эти должности вполне оправдалъ, защищая честь университета. Однажды одинъ офицеръ, проѣзжавшій чрезъ Харьковъ, жаловался ректору университета, А. И. Стойковичу, что будто одинъ изъ студентовъ университета чѣмъ-то его оскорбилъ, не зная впрочемъ ни имени, ни фамиліи студента, просилъ удовлетворенія, говоря, что когда будутъ собраны всѣ студенты университета, то онъ его узнаетъ. Ректоръ поручилъ инспектору студентовъ Успенскому розыскать и ему довести. Успенскій отвѣчалъ, что все будетъ исполнено послѣ окончанія лекцій. Но какъ въ то время слушали въ университетѣ лекціи приказно-служители, то Успенскій приказалъ собрать въ залу студентовъ и приказно-служителей и смѣшалъ ихъ вмѣстѣ, не отдѣляя чиновниковъ отъ студентовъ (въ то время студенты не имѣли форменнаго платья); потомъ вводитъ обиженнаго офицера въ залу и говоритъ ему: „покорно прошу васъ указать мнѣ, гдѣ гг. студенты и гдѣ гг. приказно-служители“. „Почему-жъ я могу знать, гдѣ тутъ студенты, и гдѣ чиновники, да и къ чему мнѣ это знать?“, сказалъ офицеръ. „Какъ къ чему знать?“ настоятельно сказалъ Успенскій; „вы рѣшительно говорите, что въ трактирѣ васъ обидѣлъ студентъ, а о имени и фамиліи не говорите; теперь же, пришедши въ собраніе студентовъ, говорите, что къ чему мнѣ знать, гдѣ студенты, и гдѣ приказно-служители, а потому на перваго изъ предстоющихъ рѣшится указать, что вотъ этотъ меня разругалъ и прибилъ,—чѣмъ же это разрѣшить? Позвольте же вамъ сказать, что никто изъ этихъ студентовъ и изъ этихъ чиновниковъ по трактирамъ не ходитъ,—это для нихъ унизительно и безчестно,—а вы, вѣроятно, имѣли дѣло съ какимъ нибудь портнымъ, или сапожникомъ, или съ какимъ-нибудь пьянужкою“. „Ну, Богъ съ вами“, сказалъ офицеръ, „когда вы не принимаете моей просьбы“,—и хотѣлъ идти. Но Успенскій сказалъ: „нѣтъ, сударь, погодите, вѣдь вы оскорбили университетъ, положили пятно на такое заведеніе, которое пользуется публичнымъ уваженіемъ

и особеннымъ вниманіемъ высшаго начальства; теперь надобно намъ звать: кто вы, зачѣмъ вы въ Харьковѣ, чѣмъ здѣсь занимаетесь? Господинъ экзекуторъ, вамъ поручается развѣдать, что это за человѣкъ, и довести; это нужно для сношенія съ начальствомъ этого господина“. Офицеръ видитъ, что онъ попался въ западню, ушелъ и поспѣшно скрылся... Успенскій и въ мелочахъ былъ оригиналенъ. Онъ, какъ инспекторъ, за правило положилъ часто по вечерамъ на своемъ пѣгакѣ пріѣзжать во дворъ студенческаго корпуса; экипажъ его останавливался на известномъ мѣстѣ, а самъ онъ заходилъ иногда къ ректору, но болѣе къ студентамъ, дружески разговаривалъ съ ними и разузнавалъ нерѣдко самыя мелочи. Но какъ иногда погода и дѣла не позволили ему пріѣхать, то онъ посылалъ своего кучера Брюховецкаго на пѣгакѣ; солдаты и студенты, увидѣвши экипажъ, даютъ знать и другимъ: тогда въ корпусѣ дѣлается тишина, и всѣ занимаются своимъ дѣломъ, предполагая, что инспекторъ къ кому нибудь изъ нихъ зайдетъ“<sup>1)</sup>.

Посмотримъ теперь, какія болѣе важныя нарушенія существующихъ правилъ позволяли себѣ студенты того времени и какія мѣры противъ этого принимало университетское начальство. Матеріаломъ для насъ послужать журналы правленія, которое судило самыя серьезныя проступки студентовъ. Вотъ, на примѣръ, свѣдѣнія объ одномъ изъ наиболѣе неисправимыхъ казеннокоштныхъ студентовъ Башинскомъ. Въ 1809 г. ректоръ университета, И. С. Рижскій, сдѣлалъ въ правленіи заявленіе слѣдующаго содержанія. „Недавно принятый въ казеннокоштные студенты, Башинскій, нѣсколько времени тому назадъ былъ имъ замѣченъ въ пьянствѣ и хотя онъ, ректоръ, призывалъ его неоднократно и уговаривалъ, чтобы онъ отсталъ отъ этого порока, но всѣ его увѣщанія остались тщетны, такъ что онъ наконецъ, когда приставленъ былъ къ нему караулъ, ушелъ изъ университета и послѣ этого его нашли въ одномъ домѣ пьющимъ горячее вино, по сему онъ, ректоръ, не находя средствъ отвратить его, Башинскаго, отъ этой его страсти, предлагаетъ уволить его изъ университета. Правленіе постановило исключить его изъ числа студентовъ, дабы онъ своими поступками не могъ развратить другихъ студентовъ. Въ слѣдующее засѣданіе правленія Башинскій подалъ просьбу о принятіи его вновь въ университетъ и давалъ формальное обѣщаніе исправиться, говори, что если онъ еще разъ будетъ замѣченъ въ пьянствѣ, то съ нимъ могутъ сдѣлать, что угодно. Правленіе вняло его прошенію и раскаянію—приняло въ университетъ, но съ такою оговоркою, что если онъ нарушитъ свое слово, то отъ него не будутъ

<sup>1)</sup> Журн. мин. нар. просв. 1872 г., февр., стр. 224—226.

приняты уже никакія обѣщанія и онъ будетъ исключенъ какъ человѣкъ, коего терпѣть невозможно. Но и на этотъ разъ онъ не отсталъ отъ своего порока и даже явился въ пьяномъ видѣ на лекцію самого ректора И. С. Рижскаго. Тѣмъ не менѣе правленіе въ виду искренняго раскаянія и теперь простило его и рѣшило оставить въ университетѣ. Прошло еще нѣкоторое время — и Башинскій снова преступилъ свои клятвы, сталъ пьянствовать и отлучаться на цѣлые дни изъ корпуса казеннокоштныхъ студентовъ. Это, наконецъ, переполнило мѣру терпѣнія правленія и оно исключило его изъ университета безъ всякаго свидѣтельства „дабы не подать повода къ неблагопріятнымъ мнѣніямъ о самомъ университетѣ и удалить изъ виду прочихъ студентовъ примѣръ разврата и худыхъ поступковъ„ <sup>1)</sup>.

Приведенный случай весьма характеренъ. Онъ свидѣтельствуетъ о гуманномъ отношеніи университета къ его виновнымъ сынамъ. По истинѣ удивительное терпѣніе выказало тутъ правленіе; но сдѣлало это не въ слѣдствіе слабости, а потому, что надѣялось на исправленіе юноши. Такую же сдержанность въ примѣненіи строжайшей мѣры взысканія — удаленія изъ университета — оно практиковало и въ другихъ случаяхъ. Студентъ изъ донцовъ Степанъ Греченовскій также оказывался неисправимымъ; ректоръ И. С. Рижскій заявилъ правленію, что онъ неоднократно былъ замѣченъ въ весьма худомъ поведеніи и послѣ многихъ бесполезныхъ увѣщаній подвергается наказанію; сверхъ того онъ не обнаружилъ ни малѣйшаго усердія въ занятіяхъ науками; а недавно сдѣлалъ такой поступокъ, который никоимъ образомъ не можетъ быть терпимъ въ университетѣ. Правленіе однако постановило не исключать Греченовскаго изъ университета въ виду его раскаянія и обѣщанія полного исправленія. Но вскорѣ онъ снова, не смотря на данное обѣщаніе, сталъ вести себя по прежнему (отлучаться безъ позволенія изъ комнатъ, небрежно относиться къ занятіямъ и т. п.) — и правленіе все таки снова въ виду его раскаянія оставило его въ университетѣ <sup>2)</sup>. Кажется, что онъ въ концѣ концовъ исправился; по крайней мѣрѣ мы видимъ его въ спискѣ студентовъ въ 1811 г., когда онъ вмѣстѣ съ Кондратьевымъ издалъ извѣстный намъ сборникъ литературныхъ произведеній студентовъ — донцовъ (833—834 стр. настоящаго труда). Вообще правленіе придерживалось того справедливаго взгляда, что исключать студентовъ изъ

<sup>1)</sup> Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1809 г. сентябрь — декабрь; засѣданіе 23 октября, 1 ноября; 15 ноября.

<sup>2)</sup> Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1809 г., сент. — декабрь; засѣданіе 15 ноября; 1810 г., янв. — апр.; засѣданіе 31 января.

университета нужно было только въ тѣхъ случаяхъ, когда испробованы будутъ всѣ средства для ихъ исправленія: когда же оно видѣло, что извѣстныя лица не въ состояніи почему либо окончить курса наукъ, то старалось не выбрасывать ихъ за бортъ, а дать подходящий къ средствамъ и силамъ исходъ ихъ энергіи и дѣятельности — устраивало ихъ учителями уѣздныхъ училищъ. Такъ оно поступило со студентомъ Сер. Никифоровымъ, замѣченнымъ въ слабыхъ успѣхахъ и дурномъ поведеніи: возвратило его на должность учителя уѣзднаго училища, которую онъ занималъ до поступленія въ университетъ <sup>1)</sup>. Также какъ и съ Греченовскимъ, правленіе поступило съ другимъ донцомъ, Ив. Рубашкинымъ — простило его и оставило въ университетѣ, хотя онъ совершилъ тяжкій въ дисциплинарномъ отношеніи проступокъ — уѣхалъ безъ всякаго разрѣшенія изъ Харькова въ Зміевъ <sup>2)</sup>. Однако эта мѣра успѣха не имѣла — Рубашкинъ продолжалъ пьянствовать и посѣщать трактиры и хотя его постоянно увѣщали ректоръ и даже подвергалъ наказанію (садилъ въ отдѣльную комнату на хлѣбъ и воду), но это не привело ни къ чему и онъ послѣдній разъ былъ привезенъ въ корпусъ въ безчувственномъ состояніи. Тогда правленіе рѣшило исключить его по окончаніи экзаменовъ изъ университета, выдать ему билетъ, нанять извозчика и отправить въ Черкасскъ въ войсковую канцелярію съ прописаніемъ причины его исключенія. Относительно другого донца — Кондратова, замѣченнаго также въ предосудительныхъ поступкахъ, но успѣвавшего въ наукахъ, принята была обычная мѣра — его призвали въ правленіе, сдѣлали выговоръ и взяли формальное обязательство, что если онъ будетъ еще разъ замѣченъ въ чемъ либо, то его немедленно исключать изъ числа студентовъ <sup>3)</sup>.

Интересенъ эпизодъ съ казеннокоштнымъ студентомъ Опасскимъ, подозрѣвавшимся въ нарушеніи правилъ нравственности. Его вмѣстѣ съ товарищемъ студентомъ Кучеровымъ захватила ночью полиція въ подозрительной квартирѣ мѣщанки Горемыкиной. Университетское начальство, узнавъ объ этомъ, потребовало отъ нихъ объясненія и они дали слѣдующее показаніе. 23 октября, объяснялъ первый, пошелъ я въ театръ и по дорогѣ встрѣтилъ харьковскаго купца Алексѣя Горемыкина, который пригласилъ меня послѣ театра на свою квартиру; я поѣхалъ къ нему съ женою его и товарищемъ Кучеровымъ; тамъ угостили насъ ужиномъ, послѣ котораго явился въ квартиру квартальный надзиратель съ командою и предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ въ полицію буд-

<sup>1)</sup> Ibidem, 1809 г. сент.—дек.; засѣданіе 15 ноября.

<sup>2)</sup> Ibidem, 1810 г. янв.—апр.; засѣданіе 31 января.

<sup>3)</sup> Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1810 г., май—августъ, засѣданіе 20 іюня.

то бы по какому то имѣющемуся на меня тамъ подозрѣнію; и немедленно отправился съ нимъ—тогда былъ 11-й часъ—и, проведя ночь въ полиціи, на утро былъ представленъ въ университетъ. Второй показалъ, что, выходя изъ театра, онъ увидѣлъ товарища своего Спасскаго, который попросилъ его отправиться съ нимъ къ его знакомому; онъ отговаривался, что ему нужно возвращаться въ институтъ, но долженъ былъ уступить его усиленной просьбѣ; послѣ ужина они посидѣли тамъ не болѣе  $\frac{1}{4}$  часа—какъ вдругъ является квартальный и требуетъ въ полицію хозяйку и Спасскаго; а когда онъ спросилъ его—не замѣшанъ ли и онъ въ эту исторію, тотъ отвѣтилъ, что нѣтъ—и онъ вернулся домой.

Арестъ Спасскаго разъяснился впоследствии и оказалось слѣдующее: на мѣщанку Горемыкину былъ поданъ въ полицію доносъ, обвинявшій ее въ распутной жизни. Проживавшая въ томъ же домѣ жена подпоручика Анна Замятинова прислала въ 10 часовъ ночи къ квартальному надзирателю Кирдановскому прислугу и просила его явиться къ ней немедленно по важному дѣлу; по приходѣ его, она заявила, что Горемыкина приводитъ къ себѣ постоянно для непотребныхъ цѣлей разныхъ людей, въ числѣ коихъ бываетъ и днемъ и ночью студентъ здѣшняго университета Кушинниковъ; къ этому самъ хозяинъ двора прапорщикъ Ничке присоединилъ, что одинъ изъ приходившихъ къ Горемыкиной господинъ, не будучи принятъ ею, потому что у нея въ это время были другіе подобныя посѣтителы, хотѣлъ поджечь его домъ и подбросилъ три трубки изъ бумаги и тонкаго камыша, наполненныя горючимъ веществомъ; служанка Нички крестьянка Ирина Брехункова заявила, что она видѣла, какъ Спасскій оставался неоднократно наединѣ, запершись съ Горемыкиной. Ассикритъ Спасскій совершенно отрицалъ возводимыя на него обвиненія въ частомъ посѣщеніи съ безнравственными цѣлями мѣщанки Горемыкиной, подтверждалъ свое первое показаніе, что познакомился впервые съ Горемыкинымъ въ театрѣ въ сентябрѣ мѣсцѣ, разговаривавшій съ нимъ въ антрактахъ о пользѣ театральныя представленія и о московской сценѣ, за тѣмъ по просьбѣ его бывалъ у него днемъ, обучалъ его сына правописанію, иногда вечеромъ и никогда ночью, за исключеніемъ единственнаго раза—23 октября, когда его застала тамъ полиція; о зазорномъ поведеніи Горемыкиной онъ ничего не знаетъ и ходилъ онъ къ ней безъ всякихъ дурныхъ намѣреній, никогда не называлъ себя Кушинниковымъ и ничего не знаетъ о намѣреніи кого то изъ посѣтителей Горемыкиной поджечь домъ Нички. Кучеровъ съ своей стороны опровергалъ утвержденіе квартальнаго надзирателя о своемъ нежеланіи добровольно идти въ полицію. Дѣло о Горемыкиной разсматривалось въ магистратскомъ судѣ, который

призналъ прикосновеннымъ къ нему и Спасскаго, но, не имѣя компетенціи судить его, предоставилъ сдѣлать это университетскому началству. Однако правленіе университета, очевидно, не считало Спасскаго особенно виновнымъ и зачло ему первоначальное наказаніе—запрещеніе отлучаться на нѣкоторое время изъ корпуса <sup>1)</sup>.

Изъ приведеннаго факта видно, что даже казеннокоштные студенты охотно посѣщали тогда театръ. О Харьковскомъ театрѣ у современника Роммеля осталось неблагоприятное впечатлѣніе. „Къ числу общественныхъ увеселеній въ Харьковѣ, говоритъ онъ, принадлежалъ также театръ жалкій, исполнѣ провинціальный, въ которомъ профессора сами меблировали свою ложу. Главнымъ украшеніемъ его были цыгане и цыганки: съ гитарой въ рукахъ, они то плавно изгибались подъ дикіе напѣвы, то, какъ буря, носились по сценѣ. Оркестръ театра составленъ былъ изъ крѣпостныхъ предводителя дворянства. Разъ какъ то они совершенно неожиданно взяты были своимъ господиномъ—и театръ разстроился. Въ партерѣ, подлѣ музыкантовъ, располагался предсѣдатель уголовной палаты, вооруженный палкою; вѣчно взволнованный и накаленный, онъ давалъ знать публикѣ о своемъ настроеніи души сильными ударами по перегородкѣ оркестра, задѣвая иногда палкою спины музыкантовъ“. Гр. Оед. Квитка написалъ, какъ современникъ, главнымъ образомъ по собственнымъ наблюденіямъ, исторію Харьковскаго театра въ концѣ XVIII и нач. XIX в., одно время онъ даже самъ былъ директоромъ Харьковскаго театра. Статья его изобилуетъ многими характерными подробностями. Изъ нея видно, что театръ въ Харьковѣ существовалъ съ открытія намѣстничества, т. е. съ 1780 года. Не касаясь первоначальной его судьбы, мы приведемъ данныя о немъ, начиная съ 1808 г. До того времени существовала въ Харьковѣ театральная зала, которую однако сломали по случаю государственнаго траура, т. е. смерти Екатерины II, и представленія труппы Константинова прекратились. „Въ 1808 г. проѣзжающіе или вѣрѣе проходящіе чрезъ городъ нашъ два актера съ актрисою, ищущіе гдѣ-нибудь пріютить свои необыкновенные таланты и тѣмъ избавиться отъ голодной смерти, предложили свои услуги Харьковской публикѣ, единственно для пользы общей. Одинъ изъ служившихъ у насъ тогда чиновниковъ, зная общее желаніе и соглашаясь на просьбу общества, взялъ на себя заботы дать возможность странствующимъ артистамъ показать сценическія свои да-

<sup>1)</sup> Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1810 г. сент.—декаб.; засѣданіе 27 окт., 1811 г., январь—апрѣль, засѣданіе 8 февр., 15 февр., май—августъ; засѣданіе 3 июля; сент.—декабрь; засѣданіе 9 ноября.

рованія. Пріискана зала; за невозможностію устроить вскорѣ сцену, поставлены столы; на нихъ укрѣпили ширмы въ видѣ кулисъ, прицѣпили занавѣсъ. Къ актерамъ ехъ офіціо прикомандировали любителей изъ приказныхъ служителей. Въ назначенный день съѣхался ареопагъ; занимающій мѣсто суфлера подлѣзь подъ столъ и усьлся или, правильнѣе, улегся тамъ; зажгли сальныя свѣчи, три скрипки проиграли Моцартовъ квартетъ, суфлеръ подъ главнымъ столомъ застучалъ ногою и занавѣсъ взвился!... Стихи въ комедіи „Вратомъ проданная сестра“ полились быстро, бурно, бойко, громко, шумно.... Четыре раза падающій занавѣсъ скрывалъ актеровъ отъ внимательныхъ слушателей и давалъ средство великимъ дѣйствующимъ, послѣ сильныхъ напряженій, отдыхать и запасаться новыми порывами на слѣдующее дѣйствіе... Когда же и пятое дѣйствіе „отодрали лихо“, занавѣсъ тихо опустился въ послѣдній разъ, ареопагъ при громкихъ рукоплесканіяхъ произнесъ свое рѣшеніе: „быть театру въ Харьковѣ!“ И въ самомъ дѣлѣ, вся публика вообще приступила съ убѣжденіями къ тому же чиновнику и умолила его позаботиться устроить для нихъ театръ.

По всей справедливости должно сказать, что этому чиновнику мы обязаны за новое основаніе у насъ театра, послужившее къ продолженію его и до настоящаго времени. Тогда, на первый случай, смастерили балаганъ, устроили подмостки, повѣсили декораціи и посѣдѣвши начать представленіе. А между тѣмъ на площади, противъ дворянскаго дома, выстроень театръ, да какой! Правда, изъ досокъ, но кромѣ того, что сцена была обширная, глубокая, въ залѣ было 17 ложъ въ верхнемъ лучшемъ ярусѣ и 15 внизу; нѣсколько рядовъ кресель, партеръ, амфитеатръ и галлерей. Для большаго удобства были входы для каждаго отдѣленія зрителей. Декорація по тогдашнему времени и способамъ явилась приличная, выгодная и благовидная.

Всѣ логи и много кресель были немедленно абонированы и уже счетъ шелъ не на время, но на число представленій. Цѣны были немного дороже прежняго. „Севильскій цирюльникъ“, большая комедія Коцебу и другія маленькія комедіи, всѣ русскія оперы тогдашняго времени безпрестанно смѣнялись на нашей сцѣнѣ. Чада Талія, скитающіяся по Россіи, услышавъ о новомъ для нихъ пристанищѣ, явились изумлять насъ своими дарованіями. Довольно было и того, что было мѣсто, гдѣ собиралось все, и всѣ съ удовольствіемъ проводили время.

Видя готовность публики поддерживать театръ, одинъ изъ актеровъ пустился на спекуляцію: взялъ все содержаніе театра на себя. Прекрасно. Кромѣ директора, по препорученію правительства, имѣвшаго обязанность наблюдать за пристойностію въ представленіяхъ, ненужно



было заниматься никакими экономическими расчетами вообще по театру и частно съ актерами. Дѣло шло хорошо. Публика продолжала усердно посѣщать каждое представленіе; доходы театра множились... Но вотъ, содержатель, незаплативъ актерамъ за нѣсколько мѣсяцевъ слѣдующаго имъ жалованья и другихъ своихъ значительныхъ долговъ, скрылся изъ города, не объявивъ прежде о томъ, но забывъ взять театральную кассу и начавшагося составляться гардероба... Сиротствующіе любимцы музъ готовы были разсѣяться, но Апполонъ сжалился надъ ними и пожелалъ продлить удовольствіе наше. Явилась новая труппа, и съ остатками нашей составилось цѣлое. Публика взяла снова все на свое попеченіе. Начались представленія... Но что-же? Главныя лица были не русскіе, худо говорившія по русски, съ чуднымъ акцентомъ, съ нестерпимымъ чванствомъ и самоувѣренностью. Нерусскіе актеры сдѣлались нестерпимы. Примадонна неявится раньше въ театръ, какъ 8 часовъ, когда начало объявлено въ 7. За всѣми позывами ея на сцену, даже посланному за нею квартальному, преравнодушно отвѣчаетъ: „нехъ почекають; я еще чай бенде пиць“. Актеры пренебрегали всякою негероическою ролью и выходили на сцену въ домашнемъ сюртукѣ. Ихъ отпустили.

Начали пробиваться кое-какъ шесами Коцебу и другими тогдашними. Однимъ изъ кандидатовъ университета сочинена была музыка на оперу „Чортовъ замокъ“, и эта опера дана была во всей полности, къ изумленію зрителей, впервые увидѣвшихъ превращенія, быстрыя перемѣны декорацій и все, тому подобное. Но далѣе и далѣе, это было въ 1811 году, театръ все ослабѣвалъ. Наступало время думать не о театрѣ; въ началѣ 1812 года онъ прекратился совсѣмъ.

Въ 1813 году давались представленія, но только во время ярмарокъ, пріѣзжающею на время труппою Калиновскаго, плохого актера, содержателя себѣ на умѣ. Часто предъ началомъ представленій актеры, одѣвшись, нехотѣли выходить безъ полученія слѣдующаго за мѣсяцъ жалованья. Начальство вмѣшивалось и выходили забавныя сцены. Приготовлена была опера „Земира и Азоръ“. Азоръ въ полномъ костюмѣ, обшитый мѣхомъ, перьями, съ чудовищной головою, требуетъ отъ содержателя жалованья; содержатель обѣщаетъ выдать послѣ спектакля, когда приметъ сборъ. Азоръ несоглашается; сверхъ своего уродливаго костюма накидываетъ шинель и идетъ на квартиру, ожидая, что деньги будутъ непременно присланы ему. Приказываютъ силою привести Азора. Его ведутъ по неволѣ. Народъ толпою преслѣдуетъ его, крича, что дикаго челоуѣка поймали, и проч., и проч.

За сборомъ наблюдаетъ полицейскій чиновникъ. По окончаніи спектакля, онъ раздѣляетъ кассу между актерами, но не можетъ удовлетво-

рять всѣхъ претензій. Содержатель въ отчаяніи, ему не на что купить румянъ для актрисъ.

Наѣзды этой труппы съ героическими піесами причиняли начальству одни безпокойства, а публика кромѣ сценъ, подобныхъ описаннымъ выше, вовсе не заботилась о поддержаніи временныхъ бѣдныхъ героевъ, бѣдныхъ во всемъ и даже въ гардеробѣ<sup>4</sup>.

Чиновникомъ, возродившимъ Харьковскій театръ, былъ Шредеръ; построенное имъ зданіе театра находилось на нынѣшней Николаевской площади въ скверѣ противъ дома дворянскаго собранія и просуществовало до 1816 года, когда антрепренеръ Штейнъ построилъ новый деревянный театръ на Нѣмецкой улицѣ, гдѣ теперь помѣщается дѣтскій пріютъ. Знаменитый Щепкинъ подтверждаетъ отзывъ Роммеля о зданіи Шредеровскаго театра; это былъ, по его словамъ, „бревенчатый балаганъ“. Антрепренеръ съ актерами, говорившими плохо по русски, былъ Калиновскій; въ компанію съ нимъ вступилъ Штейнъ<sup>1</sup>). Кромѣ того намъ извѣстно, что студенты и сами устраивали любительскіе спектакли въ собственномъ помѣщеніи, куда приглашалась даже и посторонняя публика. Спектакли эти были разрѣшены имъ первоначально ректоромъ университета Т. И. Осиповскимъ (въ 1813 г.), а за тѣмъ это разрѣшеніе подтверждено въ 1814 г. и самимъ министромъ народнаго просвѣщенія граф. А. К. Разумовскимъ. Вотъ просьба о разрѣшеніи спектаклей ректора Осиповскаго. „Сіятелищійшій графъ, милостивый государь! прошедшія Рождественскія святки казеннокоштные студенты университета просили позволенія представить въ столовой своей залѣ, для упражненія въ декламации, нѣкоторыя изъ театральныхъ сочиненій, и имъ отъ меня это, съ согласія инспектора ихъ, было позволено. Они представили тогда четыре піесы, къ коимъ приглашены были ими и нѣкоторые зрители изъ почетной здѣшней публики. Объ масляницѣ опять они просили о томъ же, и послѣдніе четыре дня представлены были ими такъ же четыре піесы, при многихъ почетныхъ зрителяхъ и зрительницахъ изъ здѣшней публики. Вѣроятно, что они просить будутъ о позволеніи сего въ будущую святую недѣлю, равно какъ и въ накаціонное время; потому я долгомъ себѣ поставилъ донести объ этомъ Вашему Сіятельству и просить въ разрѣшеніе предписанія, позволять ли имъ эти представленія. Какъ казеннокоштные студенты назначаются для препода-

<sup>1</sup>) См. Г. О. Квитки „Исторія театра въ Харьковѣ“. (Сочиненія Гр. Оед. Квитки. Изд. Харьк. уѣздн. зем., подъ ред. А. А. Потебни, т. III, стр. 509—513, и Матеріалы для исторіи Харьк. театра, Н. Н. Черняева („Южный Край“, 1898 г. № 5882, 5892). Эти матеріалы служатъ дополненіемъ къ прежнимъ весьма цѣннымъ статьямъ того же автора, содержащимъ исторію Харьковскаго театра.

ваніи нѣкогда публичныхъ лекцій въ университетѣ и другихъ училищахъ, то, по моему мнѣнію, таковыя представленія могутъ для нихъ быть полезны, приучая ихъ къ скорому и пристойному выраженію своихъ мыслей. При томъ они, занимаясь этимъ въ собственномъ своемъ жилищѣ, подъ присмотромъ ихъ инспектора, удалены будутъ отъ случаевъ къ какимъ либо предосудительнымъ занятіямъ въ городѣ. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностію, имѣю честь быть, Сіятельнѣйшій графъ, Милостивый Государь! Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Тимофей Осиповскій 14 февраля 1814, Харьковъ“.

Въ отвѣтъ на это послѣдовало слѣдующее предписаніе министра. „Г. ректору Императорскаго Харьковскаго университета. Хотя не нахожу я причины отказывать казеннокоштнымъ студентамъ въ дозволеніи въ свободное время представлять нѣкоторыя театральныя піесы, нужнымъ однакожъ считаю предписать, дабы обращенъ былъ бдительнѣйшій надзоръ, чтобы въ такомъ случаѣ сохранена была всевозможная нравственность, какъ со стороны выбора піесъ, такъ и представленія ихъ и чтобы упражненіе это послужило только отдохновеніемъ для прилежныхъ студентовъ и никогда не отвлекало бы отъ ученія, а потому студентамъ, замѣченнымъ въ неприлежаніи и худомъ поведеніи, не позволять заниматься представленіемъ піесъ. Марта 5-го 1814 года“ <sup>1)</sup>. Уже въ этихъ словахъ министра слышится какъ бы нѣкоторое несочувствіе къ студенческому театру, а вскорѣ оно приняло болѣе реальныя и осязательныя формы. Между тѣмъ студенты ставили вполне приличныя и удачныя піесы, которыя дѣйствительно могли имѣть облагораживающее вліяніе на ихъ литературные вкусы. Занимались студенты также музыкой и пѣніемъ и особенно увлекались своими родными малороссійскими пѣснями. Любопытно въ этомъ отношеніи свидѣтельство современника—пѣвчаго архіерейскаго хора Пѣхотинскаго. На университетскіе акты приглашался обыкновенно и этотъ хоръ, при чемъ задолго до празднества происходили репетиціи, которыя посѣщали и профессора, и казеннокоштные студенты. „Тутъ, говорить Пѣхотинскій, мнѣ было большое приволье видѣть все учебное сословіе, которое я зналъ и иногда удостоивался отъ членовъ его ласки и вниманія. Студенты же многіе меня полюбили и водили въ свои комнаты, подчивали яблоками, кренделями, заставляли пѣть малороссійскія пѣсни подъ акомпаниментъ гитары, которая начинала тогда входить въ употребленіе; иногда пѣлъ я подъ віолончель, но чаще съ пособіемъ одного прелюбезнаго студента, владѣвшаго голосомъ баритона. Онъ

<sup>1)</sup> Архивъ мин. нар. просв. дѣло 1814 г. № 6090/160.

пѣлъ безъ особенной манеры, но чрезвычайно бойко дѣлалъ гримасы малороссійскаго парубка, прибавляя, въ родѣ речитатива, прибаутки и прищелкивая каблуками; любезность его характера доставляла ему общую любовь. Онъ былъ душою студенческаго общества. Мнѣ нравилась студенческая жизнь того времени, я былъ очень доволенъ своимъ знакомствомъ съ молодыми людьми, казеннокоштными студентами, которые послѣ репетицій уводили меня всегда въ свои комнаты, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на географическія карты, развѣшанныя по стѣнамъ, на инструменты и чертежи, лежащіе на маленькихъ столикахъ; я съ простодушнымъ изумленіемъ смотрѣлъ на кипы бумагъ, въ которыхъ хранились засушенные растенія и считалъ себя поумнѣвшимъ на 100 процентовъ, узнавши, что эти кипы называются „гербаріумъ“. Еще болѣе восхищался коробочками и ящечками, залитыми воскомъ, въ которомъ торчали тысячи булавокъ съ расписными бабочками, жучками и насѣкомыми. Если мнѣ не нравилось что въ комнатахъ студентовъ, такъ это изсохшія человѣческія кости и головы. Я боялся ихъ, хотя и чувствовалъ, что тутъ въ особенности долженъ былъ бы излечиться отъ своей несчастной слабости—боязни мертвецовъ, видя, какъ ничтожны кости человѣческія, съ которыми живые люди такъ безбоязненно обращаются... Въ силу такой преглуной слабости я вовсе пересталъ бывать у медиковъ студентовъ. За то преимущественно интересовался быть въ комнатѣ студента К. естественныхъ наукъ. Тамъ и въ первый разъ увидѣлъ прекрасную книгу съ изображеніемъ звѣрей, птицъ и растеній и не имѣлъ возможности высказать свое удовольствіе, видѣвши, какъ мой знакомецъ рисовалъ листики, цвѣты и дѣляя растенія. Съ тѣхъ поръ я полюбилъ рисованіе и началъ самъ заниматься, сколько доставало собственныхъ средствъ, которыя, разумѣется, были бѣдны: мѣлъ и дерево, гдѣ бы они ни попались были первыми изъ нихъ. Въ комнатѣ К. видѣлъ нѣсколько разъ студента Б(ахтина), сына губернатора. Онъ тогда держалъ экзаменъ на степень кандидата по естественнымъ наукамъ. Это былъ молодой человѣкъ съ прекрасною наружностью, извѣстный между студентами отличнымъ прилежаніемъ, мягкостью и любезностью характера. Онъ любилъ подшучивать надъ моимъ знакомымъ К. за то, что самъ не умѣлъ хорошо перекладывать растеній и скупился бумагой; любилъ также говорить по малороссійски. Будучи чистымъ москвичемъ, онъ произносилъ малороссійскія слова и фразы такъ уморительно, что наши украинцы хохотали до упаду. Вообще любезность Бахтина была привлекательна. Я полюбилъ его чрезвычайно, хотя онъ и не зналъ этого. Онъ иногда здоровался со мною, обращался ласково и раза два заставлялъ меня пѣть „Грыда“. Не могу дать

себѣ отчета въ симпатіи, которая меня влекла къ этому молодому человеку. Я смотрѣлъ на него, не сводя глазъ, и считалъ невыразимымъ удовольствіемъ, когда встрѣчался съ нимъ или гдѣ бы то ни было видѣлъ его, хотя бы онъ и не обращалъ на меня вниманія. Мнѣ онъ казался чѣмъ то особеннымъ, тѣмъ болѣе что я, ужъ этого не знаю почему, считалъ, что дѣти знатныхъ родителей рождаются учеными и образованными и что они не учась знаютъ все, что ни захотятъ. Конечно, я впоследствии времени жестоко разочаровался въ этомъ; любовь же моя къ прекрасному молодому Бахтину, думаю, происходила отъ всегдашняго внутренняго моего таинственнаго уваженія ко всему прекрасному и такого же сознанія своихъ недостатковъ и всего того, чего лишили меня и природа, и состояніе. Но увы! Я не долго увлекался моею безукоризненною и чистою привязанностью къ достойному молодому счастливцу; онъ не воспользовался ни дарованіями, ни маленькою славою, ни состояніемъ, ни званіемъ кандидата: смерть похитила его въ цвѣтущихъ лѣтахъ, когда, казалось, все счастье земное ему улыбалось. И я, бѣдный пѣвчій, тайный его обожатель, при погребеніи его пѣлъ концертъ „Плачу и рыдаю“ и чуть не захлебнулся отъ слезъ при послѣднемъ тактѣ моего соло: „о чудесе, что сіе есть, еже бысть таинство“? Но никто не зналъ о причинѣ горькихъ моихъ слезъ, да никто ихъ и не замѣчалъ, никому и на мысль не приходило, что въ душѣ моей таилась тяжелая печаль. Спусти нѣсколько десятковъ лѣтъ едва ли остался кто нибудь, помнившій молодого Бахтина. Самые родители, какъ временные жильцы города Харькова, давнымъ давно забыты всѣми; только въ архивахъ тлѣетъ въ бумагахъ подпись фамиліи губернатора Бахтина, но мнѣ суждено было въ старости моей откликнуться сердцемъ давно быломu, при видѣ памятника сыну этого губернатора. Этотъ памятникъ долго еще стоялъ на старомъ кладбищѣ, близъ церкви, на лѣвой сторонѣ алтаря; на немъ начертаны стихи, какъ говорятъ, сочиненные самимъ губернаторомъ. Я одинъ задержался еще въ этомъ мірѣ изъ тѣхъ, которымъ имя Бахтина было драгоценно; я одинъ на полуистертыхъ буквахъ находилъ свѣжее воспоминаніе давно минувшаго<sup>1)</sup>.

Таковъ наивный, но простой и безхитростный рассказъ Пѣхотинскаго о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ знакомства съ первыми студентами Харьковскаго университета. Онъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что тогдашніе студенты — казеннокоштные и своекоштные — не держались замкнуто, наоборотъ охотно вступали въ общеніе съ представите-

<sup>1)</sup> Мое дѣтство. Изъ жизни маленькаго пѣвчаго (Духовный Вѣстникъ, 1865 г., т. XI, стр. 442—446). Приведенныя данныя относятся ко времени до мая мѣсяца 1813 г., ибо въ этомъ году уже умеръ епископъ Христофоръ Сулима, при которомъ происходили событія, рассказываемыя Пѣхотинскимъ.

лями другихъ общественныхъ слоевъ. Въ давномъ случаѣ единеніе произошло на почвѣ вокальнаго искусства—духовныхъ ораторій—концертовъ и народныхъ малороссійскихъ пѣсень. Оказывается, что въ началѣ вѣка среди харьковскаго студенчества малороссійская пѣсня царила до такой степени, что захватывала даже чистыхъ великоросовъ и при томъ аристократовъ, какимъ былъ сынъ губернатора студентъ Бахтинъ, сившійся говорить по малороссійски и заставлявшій Пѣхотинскаго пѣть „Грыця“ (рѣчь идетъ, вѣроятно, о слѣдующей пѣснѣ: „Грыць мене, моя маты, Грыць мене полюбывъ, Грыць мени, моя маты, черевычки кувывъ; черевычки зъ рогозу—не боятця морозу“ или, можетъ быть, о другой извѣстной: „ой не ходы, Грыцю, та на вечерныци“). Чрезвычайно отрадное впечатлѣніе производитъ это единеніе студенческой среды съ бѣднымъ пѣвчимъ—бурсакомъ, на котораго оно имѣло самое благотѣльное вліяніе; въ особенности умиляло его чуждое всякаго высокомерія, любезно-ласковое, вполне товарищеское обращеніе губернаторскаго сына молодого Бахтина <sup>1)</sup>.

Нельзя не отмѣтить, впрочемъ, на свѣтломъ фонѣ язвы того времени—крѣпостного права; къ нему привыкла даже чуткая ко всякой общественной неправдѣ университетская молодежь; оно, очевидно, успѣло всосаться въ плоть и кровь общества, хотя юридически возникло въ Слободской украинѣ только въ концѣ XVIII вѣка. Вотъ одинъ характерный въ этомъ отношеніи случай. У студента Василя Липки—Парафіевскаго былъ въ услуженіи крѣпостной 15-ти лѣтній мальчикъ его отца, полкового хорунжаго, помѣщика Екатеринославской губерніи, Павлоградскаго уѣзда, деревни Ляшевки, Матвій Гаркушенко. Вдругъ его нашли въ сараѣ повѣсившимся. Произведено было слѣдствіе, на которомъ, естественно, старались выяснить причину его самоубійства, при чемъ самъ Липка-Парафіевскій (сынъ) высказалъ догадку, что Гаркушенко могъ повѣситься отъ того, что наканунѣ онъ наказалъ его публично розгами на дворѣ, по жалобѣ на него хозяйской служанки, обвинившей покойнаго въ нанесеніи ей побоевъ и въ продажѣ похищенной у своего владѣльца рубахи; сѣченіе Гаркушенка, впрочемъ, по заявленію студента Липки Пара-

<sup>1)</sup> Къ сожалѣнію, мы не могли разыскать въ Харьковской университетской библіотекѣ рукописи, содержащей въ себѣ матеріалы для характеристики другого своего-коштнаго студента Андреева, изъ помѣщиковъ Екатеринославской губерніи; это писма его воспитателя Лазича, найденныя мною при разборѣ библіотеки, пожертвованной владѣльницей с. Козырщины г-жей Свѣчиной Харьковскому университету. Этой рукописью пользовался покойный профессоръ В. К. Надлеръ и напечаталъ нѣкоторыя изъ писемъ въ своемъ трудѣ „Религіозно-правственное развитіе Имп. Александра I и идея священнаго союза“.

фьевскаго, было очень незначительное: онъ далъ ему всего около 7 или 8 ударовъ по сѣдалищу и при томъ черезъ одежду; одинъ же изъ свидѣтелей въ своемъ желаніи обѣлѣть панича дошелъ до того, что говорилъ уже всего только о четырехъ—пяти ударахъ и утверждалъ, согласно показаніямъ самого Липки, что раньше Гаркушенка никогда тѣлесно не наказывали... Профессоръ анатоміи Книгинъ произвелъ въ присутствіи студентовъ—медиковъ вскрытіе, которое дало картину смерти отъ повѣшенія; другихъ знаковъ побоевъ, кромѣ рубцовъ отъ розги, не оказалось. Въ виду этого студентъ Липка-Парафѣевскій былъ признанъ невиновнымъ въ смерти крѣпостного мальчика его отца <sup>1)</sup>. На этомъ всѣ и успокоились; успокоился, вѣроятно, и самъ Липка-Парафѣевскій, очевидно, не допускавшій и мысли, чтобы крѣпостной челядинецъ могъ наложить на себя руки вѣдствие позорнаго наказанія розгами, полученнаго публично наканунѣ (Липка вывелъ Гаркушенка для этой экзекуціи изъ кухни на дворъ) за несправедливое, быть можетъ, обвиненіе въ кражѣ. Онъ вѣдь не истязалъ Гаркушенка и даже раньше его никогда не наказывалъ розгами. Но ему не приходило въ голову, что потому то это публичное наказаніе такъ сильно и подѣйствовало на бѣднаго мальчика. Если бы онъ былъ забаленъ въ этомъ отношеніи, то спокойно, безроотно перевесъ бы и болѣе суровое наказаніе, чѣмъ эти „удары черезъ одежду“. Тутъ трагизмъ въ этомъ именно наивномъ простосердечіи интеллигентнаго юноши, который самъ подвергаетъ публичной экзекуціи своего мальчика и не понимаетъ, какъ это простое обстоятельство могло привести къ столь трагической развязкѣ: это трагизмъ привычки не видѣть въ крѣпостномъ *человѣкѣ* съ его *человѣческимъ* достоинствомъ. Спрашивается: что бы могло смягчить душу этого юноши, когда онъ вышелъ изъ университета, сдѣлался помѣщикомъ дѣлой массы такихъ Гаркушеновъ и совершенно очерствѣлъ подъ вліяніемъ окружающихъ условий жизни, всего ея обычнаго строя, основаннаго на порабощеніи меньшаго брата, и рѣзкихъ случаевъ самоволія и насилія со стороны многихъ сосѣдей?

Весьма тщательный надзоръ за жизнью казеннокоштныхъ студентовъ не могъ все таки предохранить ихъ отъ нѣкоторыхъ несчастныхъ случаевъ. Наши жалкія рѣченки—Лопань и Харьковъ, оказывается, взяли нѣсколько жизней изъ среды тогдашняго студенчества. Въ 1808 г. въ нихъ зимою утонуло двое казеннокоштныхъ студентовъ—Ильинскій и Вапенковъ. Дѣло было такъ. Два этихъ студента 29 октибрия отправились вмѣстѣ съ кандидатомъ Шрамковымъ изъ института прогуливаться по льду рѣки Лопани; во когда они дошли до того мѣста, гдѣ въ Лопань

<sup>1)</sup> Харьк. ун-в. архивъ. Журн. прав. 1814 г., сент.—дек.; засѣданіе 9 ноября.

впадаетъ р. Харьковъ, то подѣ Ваценковымъ проломился ледъ и онъ упалъ въ воду; Ильинскій бросился къ нему на помощь и самъ также провалился подѣ ледъ; Шрамковъ сбросилъ съ себя чуйку и куртку, чтобы подать край ихъ потопавшимъ, но побоялся приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ они были, оставилъ свое первоначальное намѣреніе и сталъ звать на помощь. На крикъ сбѣжались разные люди, которые пытались, хотя и тщетно, помочь утопавшимъ... Ихъ удалось вытащить изъ воды только черезъ часъ послѣ того, какъ они пошли ко дну (а мѣсто было глубокое—2 сажня глубины). Шрамковъ успѣлъ прибѣжать въ правленіе, сообщилъ о несчастіи ректору и деканамъ, которые отправили экзекутора и университетскихъ служителей, дали знать въ полицію и университетскому врачу профессору Дрейсигу и сами явились на мѣсто происшествія, для подавнїи помощи погибавшимъ. Однако эти послѣдніе уже въ это время пошли ко дну и никто не могъ вытащить въ виду тонкости льда. Между тѣмъ достали лодку, пробили ледъ для ея передвиженія и только тогда вытащили изъ воды утопленниковъ и перенесли ихъ въ корпусъ казеннокоштныхъ. Тамъ въ теченіе 2-хъ часовъ профессоръ Дрейсигъ вмѣстѣ со студентами и „цилюриками“ пытался ихъ оживить всѣми средствами (въ томъ числѣ и гальванизмомъ), но все было напрасно: они не подавали ни малѣйшаго признака жизни, и пришлось убѣдиться, что они умерли. Кассиру университета поручено было привести въ извѣстность оставшееся послѣ нихъ имущество. Оказалось, что кромѣ казенныхъ вещей у нихъ было не мало своихъ собственныхъ—бѣлье, разнообразное платье; у Ильинскаго оказалось также 10 книгъ, изъ коихъ 2 на французскомъ и 8 на русскомъ языкѣ; у Ваценкова 7, въ томъ числѣ собственныхъ пять и казенныхъ двѣ (1-я часть математики и домашній учебникъ); за обоими числились кое какіе частные долги, преимущественно университетскимъ мастерамъ, за Ваценковымъ казенные—музыкальный инструментъ гобой, готовальня и нѣсколько книгъ изъ университетской библіотеки. (Рѣчи говоренныя на актѣ, полный нѣмецкій словарь, Commentarii Цезаря и Epistolae Плинія на латинскомъ языкѣ, введеніе въ кругъ словесности Рижскаго). Правленіе приняло на свой счетъ похороны безвременно погибшихъ и рѣшило не требовать съ ихъ родственниковъ числившихся за ними казенныхъ вещей (въ томъ числѣ и книгъ) <sup>1)</sup>. Другой случай произошелъ въ 1814 году со студентомъ Александромъ Ортлибомъ. 21 іюня онъ отправился со своимъ братомъ Карломъ купаться на Лопань, переплылъ на другой берегъ рѣки и не отдыхая хотѣлъ вернуться назадъ, но утомился и пошелъ ко дну.

<sup>1)</sup> Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1808 г. сент.—декабрь; засѣданіе 30 окт. 2-го ноября, 12 ноября.



Прибѣжавшіе на крикъ Карла Ортлиба люди вытащили утопленника изъ воды, но всѣ средства оживить его оказались безуспѣшными (сначала искали его бреднемъ, а потомъ шестомъ съ лодки) <sup>1)</sup>.

Покончивъ съ характеристикой студенческихъ нравовъ, переходимъ къ вопросу о вліяніи Харьковскаго университета на мѣстную среду и обратно о воздѣйствіи, какое оказывали мѣстные условія жизни на университетъ,—о взаимодействіи, модификаціи того и другого элемента. Въ исторіи провинціальныхъ университетовъ этому вопросу слѣдуетъ отвести особенно видное мѣсто, потому что быть каждой области въ Россіи представляетъ свои особенности, такъ или иначе отражавшіяся на жизни университетскихъ дѣятелей и въ свою очередь претерпѣвавшія измѣненія подъ вліяніемъ новаго фактора такой огромной важности, какъ университетъ. Собственно вопроса этого мы коснемся здѣсь не во всей его полнотѣ, потому что уясненію просвѣтительнаго значенія университета вообще посвящены всѣ главы настоящаго труда.

Остановимся прежде всего на санитарныхъ и гигиеническихъ условіяхъ тогдашней харьковской жизни, которыя прямо и непосредственно отражались на бытѣ университетской среды. Если и теперь Харьковъ принадлежитъ къ числу очень нездоровыхъ городовъ, если и теперь санитарныя и гигиеническія условія его вызываютъ справедливыя нареканія, то чтоже сказать о началѣ XIX вѣка, когда въ немъ почти вовсе не было мостовыхъ и царила повсюду невылазная грязь? Мѣстные обыватели еще кое какъ свыклись съ этимъ хроническимъ бѣдствіемъ, но на пріѣзжихъ людей, въ особенности на иностранцевъ, все это дѣйствовало удручающимъ и угнетающимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что въ связи съ санитарными безобразіями стояло и вообще городское неблагоустройство и полное отсутствіе той культурной обстановки и удобствъ, которыя являются необходимою для привычнаго къ нимъ человѣка. Харьковскіе старожилы привыкли къ неблагоустройству своего города; они могли замѣчать даже нѣкоторый прогрессъ въ этомъ дѣлѣ; въ началѣ XIX в. Харьковъ дѣйствительно сталъ выходить изъ своего прежняго „первобытнаго“ состоянія на путь нѣкоторой культурности; харьковскіе губернаторы того времени, въ особенности И. П. Бахтинъ, энергично дѣйствовали въ этомъ направленіи—старались о замощеніи улицъ фашиникомъ и т. п. Но мы видѣли <sup>2)</sup>, какое неблагоприятное впечатлѣніе своимъ неблагообразіемъ произвелъ Харьковъ на проф. Тимковскаго, пріѣхавшаго туда въ 1803 году вмѣстѣ съ проф. Осиповскимъ, Делявинымъ и Лангомъ. Тимковскій указывалъ и на его низменное положеніе, и на дикую

<sup>1)</sup> Харьк. ун-в. архивъ. Журн. правл. 1814 г., сент.—декабрь; засѣданіе 19 ноября.

<sup>2)</sup> Настоящее соч., стр. 122.

необразованность, и на отсутствіе мало мальски сносныхъ помѣщеній вслѣдствіе дороговизны лѣса, и на полное отсутствіе заботъ о замощеніи улицъ, о чистотѣ воздуха и воды, и на множество неснесенныхъ, развалившихся и гниющихъ лачугъ, и на вывозъ на улицы для уменьшенія грязи навоза; „навозъ сваливаютъ зимою на рѣку; ледъ растаетъ и нечистота садится на дно: по этому можно судить, каковы должны быть улицы, воздухъ и вода въ сырое время года, особенно осенью и весною“. Все это Тимковскій объяснялъ отсутствіемъ бдительности со стороны полиціи. Ему казалось, что ей вовсе не было въ Харьковѣ; — естественное же положеніе Харькова онъ признавалъ довольно удобнымъ и считалъ отговоркой заявленіе, что будто бы нѣтъ возможности городъ осушить, вычистить грязь и вымостить улицы. Онъ надѣлся, что, съ устройствомъ университета, начнется постройка и частныхъ домовъ, которую до сихъ поръ сильно тормозила постоянная повинность, и увеличится подвозъ съѣстныхъ припасовъ и вообще жизнь сдѣлается гораздо сноснѣе и удобнѣе. Но пока эта жизнь была довольно несносна, въ особенности для непривычныхъ къ условіямъ русской дѣйствительности иностранцевъ. Уже Тимковскій пишетъ попечителю, что иностранные профессора надѣлали ему относительно квартиръ. Нужно однако войти и въ ихъ положеніе. Они были чужими людьми въ совершенно незнакомой имъ странѣ и городѣ; подходящихъ квартиръ не было. Чтоже имъ оставалось дѣлать, какъ не просить казеннаго помѣщенія, обѣщаннаго попечителемъ? Скоро однако они все таки должны были перейти въ наемныя квартиры, а нѣкоторые, какъ мы знаемъ, обзавелись даже въ Харьковѣ собственными домами. Но жалобы на харьковскій нездоровый климатъ не прекращались. И уже въ 1807 г. профессоръ Якобъ внесъ въ совѣтъ слѣдующее предложеніе. „Относительно ужаснаго санитарнаго состоянія нашего города, повидимому, можетъ быть только одно мнѣніе. Количество грязи и навоза на нашихъ улицахъ увеличивается со дня на день до такой степени, что надо опасаться, какъ бы подъ ними не были погребены не только люди и животныя, но даже и дома. Это огромное количество грязи, изъ которой не могутъ почти никогда выбраться пѣшеходы, а лошади и экипажи выбираютъ только съ трудомъ, уничтожить всѣ удобства пребыванія въ городѣ и даже угрожаетъ жизни его обывателей. Ежегодно появляется много различныхъ болѣзней отъ испареній, производимыхъ разбѣянными по всему городу вредными болѣзнями, а также отъ тончайшей пыли, въ которую окутанъ городъ лѣтомъ, когда высыхаютъ всѣ лужи. Такой нездоровой характеръ и вредоносность воздуха сильно увеличиваютъ число умирающихъ, должны всегда препятствовать про-

цвѣтанію нашего университета, потому что лишь только люди, выдающіеся своею ученостію и заслугами, узнають о неудовлетворительности климата и печальномъ состояніи города, то стануть отказываться принять должность профессора, а если и примуть случайно, то сейчасъ же начнутъ просить о возвращеніи; мы же всё, оставаясь въ городѣ, лишенномъ всѣхъ удобствъ жизни, не будемъ имѣть душевнаго спокойствія, необходимаго для успѣшности нашихъ занятій, а во 2-хъ, родители не будутъ посылать своихъ дѣтей въ городъ, столь вредный для здоровья людей и непріятный по многимъ другимъ неудобствамъ. Въ виду же того, что такое положеніе дѣла противно намѣренію Его Императорскаго Величества и препятствуетъ процвѣтанію нашего университета, по моему мнѣнію, на нашей обязанности лежитъ не только указать на него, но и просить объ его измѣненіи.

Поэтому я предлагаю на ваше благоусмотрѣніе слѣдующія мѣры.

1. Просить медицинскій факультетъ высказать свое мнѣніе о дурномъ санитарномъ состояніи нашего города и установить, насколько вредны уличная грязь, скопленіе нечистотъ, испаренія и пыль, въ теченіе всего года удручающіе городъ; а также просить факультетъ подкрѣпить свое мнѣніе цифрой больныхъ и умершихъ, ставшихъ жертвой вреднаго климата.

2. Вмѣстѣ съ тѣмъ просить и городскую управу сообщить намъ свое мнѣніе о вліяніи нечистоты, испареній и пр. на здоровье горожанъ и присоединить къ этому свѣдѣнія о болѣзняхъ, а также цифры больныхъ, и умершихъ, ставшихъ жертвой настоящаго состоянія города, такъ какъ это извѣстно на основаніи продолжительнаго опыта.

3. Собравши эти свѣдѣнія, ходатайствовать предъ Всемилостивѣйшимъ Императоромъ прійти на помощь намъ въ этихъ бѣдахъ, которыя препятствуютъ процвѣтанію нашего университета и не допускаютъ, чтобы средства, пожалованныя Имъ, приносили ту пользу, на которую Онъ рассчитывалъ<sup>1)</sup>.

Картина, нарисованная Якобомъ, не грѣшитъ преувеличеніемъ. „Харьвовская грязь, говоритъ Н. А. Лавровскій, создала единственныя въ лѣтонисихъ всѣхъ университетовъ *грязныя вакаціи* <sup>1)</sup> (*feriae luti*). Дѣйствительно о нихъ прямо говоритъ Роммель. „Въ Харьковѣ, расположенномъ между двумя ежегодно зацвѣтающими рѣчками, воздухъ былъ очень нездоровый; эпидемическіи дихорадки часто опустошали городъ, а раннею весною, въ дождливое время на улицахъ была такая страшная грязь, что мы принуждены были учредить для студентовъ грязные ка-

<sup>1)</sup> Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г., февраль, стр. 293.

никулы (*feriae luti*)<sup>1</sup>. И это подтверждается документальными данными — советскими постановлениями. „Вот образец рѣшеній совета по этому случаю: *cum studiosi ob lutum profundum adire nequeant universitatem, decretum est interrumpere praelectiones usque dum viae sint minus lutosae* (24 марта 1811 г.)<sup>2</sup>. Итакъ, понадобилось среди года прервать чтеніе лекцій на неопредѣленное время, доколѣ улицы не сдѣлаются менѣе грязными! „На представленіе совета о постройкѣ клиникъ и другихъ зданій за городомъ, министръ отвѣчалъ отказомъ на томъ основаніи, между прочимъ, что въ такомъ случаѣ профессорамъ пришлось бы имѣть лошадей и экипажи. Советъ отвѣчалъ, что не отдаленность, а непроходимая грязь, дѣлающая городъ вреднымъ въ гигиеническомъ отношеніи, заставляетъ и теперь профессоровъ запасаться лошадьми и экипажами“ (засѣданіе совета 28 іюня 1811 г.)<sup>1</sup>). „Болотныя испаренія, говоритъ Н. А. Лавровскій, при отсутствіи всякихъ санитарныхъ мѣръ, производили гибельное вліяніе на жителей. Въ первыя пять, шесть лѣтъ по открытіи университета, скончались слѣдующіе профессора и при томъ почти всѣ отъ гнилой горячки: Виллихъ (профессоръ патологій) въ 1804 году, Берендтъ (профессоръ восточныхъ языковъ) въ 1805 году, Умлауфъ (профессоръ латинской словесности) въ 1807 году, Калькау и Шмерфельдтъ (профессора медицины) въ 1811 г., Терлаичъ (профессоръ исторіи правъ важнѣйшихъ государствъ) также въ 1811 г. Должно полагать, что скончавшійся въ томъ же году первый ректоръ Харьковскаго университета профессоръ російской словесности, И. С. Рижскій былъ также жертвою тогдашняго харьковскаго климата. Понятно, что по той же причинѣ профессора спѣшили скорѣе выбраться изъ Харькова: такъ одинъ изъ лучшихъ профессоровъ, Якобъ (дипломатіи и политической экономіи) спустя два года по пріѣздѣ покинулъ университетъ именно по причинѣ нездороваго харьковскаго климата; профессоръ Шнаубертъ вышелъ въ отставку въ 1811 году, будучи не въ состояніи переносить мѣстный климатъ (донесеніе въ советъ 17 августа, 1811 г.); въ томъ же году выбыли изъ университета: Роммель (латинской словесности), Белленъ де Балю (всеобщей исторіи) и Гутъ (математики), пробывшій въ Харьковѣ менѣе двухъ лѣтъ, а въ 1814 г. — Гизе (химіи). Такимъ образомъ, къ исходу перваго десятилѣтія по открытіи университета, выбыла изъ него наибольшая часть иностранныхъ профессоровъ, первыхъ вызововъ“<sup>2</sup>). За исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ неточностей, которыя могутъ быть исправлены самими читателями, зна-

<sup>1</sup>) Ibidem, стр. 293, примѣчаніе.

<sup>2</sup>) Ibidem, стр. 299—300.

комыи съ моей книгой, все въ этомъ утвержденіи уважаемаго ученаго соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Кромѣ перечисленныхъ здѣсь лицъ скончался еще адъютантъ Рейнишъ. И. С. Рижскій и Умлауфъ умерли, какъ мы видѣли, отъ нервной горячки. Шнаубертъ уѣхалъ изъ Харькова, благодаря болѣзни своей жены, болѣзни, вызванной харьковскимъ климатомъ <sup>1)</sup>. Роммель самъ говоритъ, что уѣхалъ изъ Харькова въ 1814 г. въ разгаръ тифозной эпидеміи, отъ которой раньше умеръ проф. Шмерфельдъ; отъ нея же бѣжалъ и Дегуровъ. Изъ заграницы Роммель прислалъ въ совѣтъ письмо, въ которомъ „жалуется на крайнее изнуреніе силъ, какое онъ чувствовалъ всегда въ Харьковѣ, по причинѣ непостоянства и суровости климата, необычайной грязи и злокачественности воздуха въ городѣ <sup>2)</sup>).

Совѣтъ въ засѣданіи 13 ноября 1807 г. вполне согласился съ мнѣніемъ проф. Якоба и съ своей стороны предложилъ правленію обратиться къ губернатору (И. И. Бахтину) съ просьбой принять мѣры къ улучшенію санитарнаго и гигиеническаго состоянія Харькова и извѣстить о нихъ университетъ, который намѣренъ обратиться по этому поводу и къ высшему начальству <sup>3)</sup>.

Въ 1811 году снова поднимается вопросъ о санитарномъ благоустройствѣ Харькова. Ближайшій поводъ къ этому подала извѣстная намъ актовая рѣчь профессора Стойковича „о причинахъ, дѣлающихъ воздухъ неспособнымъ для дыханія, и о средствахъ, предохраняющихъ его отъ совершенной порчи“. Хотя въ ней ничего не говорилось о Харьковѣ, но она имѣла въ виду именно Харьковъ и его гигиеническія условія. Мы видѣли <sup>4)</sup>, что тогдашній Харьковскій губернаторъ И. И. Бахтинъ обратился послѣ этой рѣчи къ Стойковичу съ письмомъ, въ которомъ призналъ фактъ нездороваго положенія Харькова, особенно въ Залованской части, и просилъ содѣйствія профессоровъ въ выработкѣ мѣръ для оздоровленія города. Объ этомъ Стойковичъ извѣстилъ министра народнаго просвѣщенія въ слѣдующемъ письмѣ.

„Со времени открытія здѣсь университета число умершихъ членовъ его весьма несоразмѣрно съ настоящимъ числомъ ихъ. Нельзя этого приписать здѣшнему климату, который самый лучшій. Нельзя приписать также невыгодному мѣстоположенію города Харькова, ибо оно не хуже другихъ городовъ. Главною тому причиною полагаю и

<sup>1)</sup> Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 5579—153.

<sup>2)</sup> Журн. Мин. Нар. Пр. 1873, февраль, стр. 300, примѣчаніе.

<sup>3)</sup> Ibidem, стр. 300—301.

<sup>4)</sup> Настоящее соч., стр. 702—703.

нездоровый воздухъ, происходящій отъ нечистоты, грязи, дурныхъ испареній изъ болотъ и стоячихъ водъ, отъ выбрасыванія на улицы въ большомъ количествѣ навоза и проч. Испаренія эти въ весеннее и осеннее время производятъ различныя болѣзни, особливо же нервныя горячки.—Обстоятельства эти многократно были предметомъ разговоровъ съ г. здѣшнимъ губернаторомъ, въ которыхъ я ему замѣчалъ, что Харьковъ болѣе прочихъ губернскихъ городовъ долженъ обратить на себя особенное вниманіе правительства, такъ какъ въ него стекается юношество изъ дѣлхъ девяти губерній, для образованія себя на пользу отечества во всѣхъ родахъ службы.—Изъ отзывовъ его превосходительства и собственныхъ моихъ соображеній можно было заключить, что полагаемой ежегодно суммы на мощеніе улицъ, для приведенія ихъ въ желаемое состояніе не можетъ быть достаточно.—Все это побудило меня въ говоренной мною 30 августа этого года рѣчи предложить разсужденіе мое о вышеозначенномъ предметѣ, гдѣ, хотя я говорилъ вообще о всѣхъ городахъ, но болѣе разумѣлъ Харьковъ.—Вручивъ рѣчь эту его превосходительству, я получилъ отъ него отношеніе, въ копіи при этомъ прилагаемое, изъ котораго ваше сіятельство изволите увидѣть намѣреніе г. губернатора. Я отвѣчалъ ему, что вмѣстѣ съ профессорами Делявинымъ и Нельдехеномъ, я съ удовольствіемъ согласенъ споспѣшествовать его превосходительству въ этомъ общепользномъ его намѣреніи. Считая долгомъ моимъ довести это до свѣдѣнія вашего сіятельства, я буду имѣть честь и о послѣдствіяхъ въ свое время донести вашему сіятельству.—Представляя при этомъ два экземпляра помнutoй рѣчи, покорнѣйше прошу, да благоугодно будетъ вашему сіятельству одинъ повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества. Пребываю съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою А. Стойковичъ <sup>1)</sup>).

Министръ народнаго просвѣщенія счелъ это обстоятельство на столько важнымъ, что вступилъ по этому поводу съ особымъ представленіемъ въ комитетъ министровъ. Вотъ его текстъ.

„Давно уже жители гор. Харькова жаловались на вредное на ихъ здоровье вліяніе тамошняго воздуха, происходящее отъ низкаго мѣстоположенія этого города, болотнаго мѣста и находящейся всегда на улицахъ грязи. Со времени учрежденія тамъ университета, министерству народнаго просвѣщенія были объ этомъ неоднократно дѣлаемы донесенія и университетъ къ крайнему своему прискорбію отъ вліянія климата лишился уже нѣсколькихъ весьма достойныхъ наставниковъ; нынѣ

<sup>1)</sup> Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло 1811 г. № 5347/107.

же дошло до меня свидѣніе, что въ городѣ, по чрезмѣрной грязи, ни ходить, ни ѣздить невозможно и потому въ университетѣ и гимназіи прекратилось ученіе. Съ одной стороны министерство просвѣщенія, не имѣя средствъ къ устраненію означенныхъ неудобствъ, не можетъ объ этомъ и пешисть, съ другой однакожь предвидить совершенное разстройство учебной части въ Харьковѣ, если не будутъ приняты мѣры къ очищенію воздуха въ этомъ городѣ. Я нахожу предметъ этотъ столь важнымъ, что счелъ нужнымъ представить о немъ на разсужденіе комитета господъ министровъ съ тѣмъ, что не разсудить-ли положить, дабы по возможности приступлено было къ способамъ, могущимъ сдѣлать пребываніе въ Харьковѣ безопаснымъ для здоровья, какъ то—къ высушенію около города болотъ, мощенію улицъ и тому подобнымъ средствамъ, ибо вліяніе тамошняго гнилаго воздуха, будучи вредно для всѣхъ жителей того города, должно безъ сомнѣнія препятствовать его процвѣтанію<sup>1)</sup>.

Въ 1813 году возникаетъ уже мысль о необходимости перевода университета въ другое мѣсто, какъ это видно изъ письма ректора университета къ губернатору И. И. Бахтину.

„Харьковъ нашъ, писалъ Осиповскій, представляетъ теперь совершенное болото и притомъ болото чрезвычайно вонючее отъ гніенія въ немъ навоза, смѣшаннаго пополамъ съ тонкою грязью. Ни ходить, ни ѣздить почти нѣтъ способа; а гнилыя нашатырныя и азотическія испаренія сильно дѣйствуютъ на глаза, легкія и всю нервную систему. Въ гимназіи уже третій день, по непроходимости улицъ для учениковъ, ученіе остановилось, а съ завтрашняго дня закроется ученіе и въ университетѣ. Вчера подлежало быть собранію совѣта; но частию отъ грязи, а наиболѣе отъ болѣзни, и половины членовъ не явилось, а потому и засѣданіе не состоялось. Къ несчастію въ этомъ климатѣ осень и весна очень продолжительны и чрезъ то усиливаютъ вредоносное свое вліяніе на здоровье здѣсь живущихъ. Члены медицинскаго факультета разсуждали, что этимъ гнилымъ испареніямъ приписать должно господствующія здѣсь осенью и весною жестокія нервныя лихорадки и горячки, и что житіе въ Харьковѣ каждому пришельцу угрожаетъ преждевременною смертію. Собственные ощущенія каждого и событія подтверждаютъ справедливость сужденія медиковъ, а это заставляетъ сожалѣть, что университетъ помѣщенъ въ Харьковѣ, потому что въ немъ профессора всѣ почти теперь да и впредь будутъ пріѣзжіе, а студенты стекаются со всего округа. Ожидать должно, что медицинскій факультетъ войдетъ объ этомъ въ совѣтъ съ своимъ мнѣніемъ. Имѣю честь пребыть съ ис-

<sup>1)</sup> Ibidem.

тивнымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и совершенною преданностію милостивый государь вашего превосходительства покорѣйшимъ слугою Тимофей Осиповскій. Октября 26 1813 <sup>1)</sup>). Дѣйствительно въ 1813 году недель сдѣлалъ донесеніе, что почти весь ноябрь не было лекцій въ университетѣ по причинѣ глубокой грязи.

Въ 1814 году вопросъ о перенесеніи университета въ другой городъ едва не получилъ практическаго осуществленія. Мы знаемъ уже <sup>2)</sup>), что ректоръ Осиповскій тогда вошелъ съ представленіемъ къ министру народнаго просвѣщенія о нежелательности возведенія новыхъ зданій для университета на принадлежавшей ему землѣ по Сумскому шоссе. Мотивировалъ это онъ двумя соображеніями: 1) отдаленностью отъ города и неудобствомъ сообщеній съ нимъ, особенно весною и осенью во время грязной погоды; 2) отсутствіемъ на немъ воды, столь необходимой для потребленія и на случай пожара. По его мнѣнію, единственное что можно было сдѣлать, это—ходатайствовать передъ Государемъ о пожалованіи въ полную собственность университету его временныхъ помѣщеній, съ присоединеніемъ еще сосѣднихъ городскихъ зданій, занимаемыхъ полиціей и магистратомъ, съ тѣмъ что университетъ выстроить вмѣсто нихъ городу новыя <sup>3)</sup>). Министръ официально предложилъ совету обсудить этотъ вопросъ въ связи съ переводомъ университета въ другое мѣсто.

„Ректоръ университета, писалъ онъ тутъ, представилъ мнѣ о неудобности сооруженій университетскихъ зданій на предназначенномъ для того мѣстѣ за городомъ. Препровождая при этомъ въ копіи представленіе его, предписываю университету въ общемъ собраніи профессоровъ вникнуть подробно въ изъясненныя ректоромъ обстоятельства и о заключеніи своемъ представить. Сверхъ того неоднократно имѣю я представленія какъ о томъ, что въ Харьковѣ весьма нездоровый воздухъ, такъ равно и о томъ, что бывають въ немъ чрезвычайныя во время осени и весны грязи, препятствующія къ хожденію въ классы, такъ что отъ того пріостанавливается ученіе. Я предлагаю при этомъ случаѣ войти университету въ разсмотрѣніе, не находится ли какихъ способовъ къ отвращенію этихъ неудобствъ, или не найдетъ ли университетъ выгодаѣе вовсе перемѣститься въ другой городъ. Въ послѣднемъ случаѣ представить мнѣ, гдѣ именно удобнѣе быть университету и какія средства находятся въ томъ мѣстѣ для помѣщенія какъ его,

<sup>1)</sup> Ibidem.

<sup>2)</sup> Настоящее соч., стр. 415.

<sup>3)</sup> Харьк. унив. архивъ. Дѣло Сов. 1814 г. № 7.



такъ и разныхъ при немъ заведеній, такъ же какихъ суммъ примѣрно будетъ стоить такое перемѣщеніе<sup>1)</sup>.

Медицинскій факультетъ съ своей стороны выработалъ обширный докладъ о санитарномъ состояніи Харькова, докладъ, который представляетъ глубокий интересъ по своей обстоятельности и является въ высшей степени важнымъ документомъ для исторіи г. Харькова вообще. Вотъ его подлинный текстъ.

„Частыя болѣзни членовъ университета и великая потеря ихъ въ короткое время вслѣдствіе господствующихъ въ этомъ городѣ жестокихъ горячекъ и нервныхъ лихорадокъ побудили медицинскій факультетъ вникнуть во всѣ обстоятельства, заключающія въ себѣ причины столь значительной смертности, похитившей въ теченіе семи лѣтъ столько человекъ—людей здоровыхъ, средняго возраста и большею частью иностранцевъ. Наблюденія же практикующихъ въ этомъ городѣ врачей показали, что причины эти также дѣйствуютъ и на тѣхъ, кои, пріѣзжая изъ другихъ городовъ Россіи, остаются здѣсь жить да и самые коренные жители этого города за мѣстопробываніе свое платятъ жестокую дань, какъ то видно изъ списковъ родящихся и умирающихъ въ этомъ городѣ. Въ 1810 году изъ числа жителей, коихъ состояло 12915, родилось обоюго пола 781, а умерло 799; въ 1811 году родилось 820, а умерло 849. Такъ какъ здѣсь умираетъ изъ 16 одинъ и число умирающихъ превышаетъ родящихся, то обстоятельство это не можетъ быть обойдено молчаніемъ и оставлено безъ вниманія, ибо слѣдствіемъ его можетъ быть то, что гражданство этого города скорѣе или медленно должно само собою уничтожиться. Если сверхъ того обратить вниманіе на самихъ жителей и особенно низшаго состоянія людей, то увидимъ, что блѣдный цвѣтъ лица, изнеможенное тѣло, воспаленные глаза или и совершенная слѣпота—постоянные ихъ признаки. А какъ городъ Харьковъ губернский и торговый и по причинѣ существующаго въ немъ университета долженъ вмѣщать въ себѣ изъ разныхъ мѣстъ пріѣзжающихъ всякаго возраста юношей и молодыхъ дворянъ, предназначаемыхъ къ будущей службѣ и подпорѣ государства, то медицинскій факультетъ, предвидя пагубныя слѣдствія, долженствующія непремѣнно проистечь отъ настоящаго состоянія города, обязанностью почелъ изложить источники этихъ золъ и представить на благоусмотрѣніе высшему начальству. Причины эти будутъ явственны, коль скоро городъ Харьковъ будетъ обозрѣнъ въ подробности. Городъ Харьковъ раздѣляется на три главныя части, изъ коихъ одна расположена на довольно возвышенномъ

<sup>1)</sup> Ibidem.

мѣстѣ, прочія же занимаютъ по обѣ стороны этого возвышенія пространныя болотистыя низменности, по коимъ текутъ протоки Лопань и Харьковъ, рѣками здѣсь именуемые, имѣющіе направленіе свое отъ сѣверо-востока къ юго-западу и соединяющіеся въ одинъ протокъ въ самомъ городѣ не въ дальнемъ разстояніи отъ настоящаго положенія университета. Хотя и самая болотистость этихъ двухъ низменныхъ частей города можетъ имѣть вредное вліяніе на здоровье жителей этихъ двухъ частей, но дѣйствіе этой причины не было бы столь сильно безъ соучастія другихъ причинъ, зависящихъ отъ худаго содержанія города. Причины эти суть слѣдующія: 1) настоящій способъ содержанія рѣкъ; 2) содержаніе и умноженіе болотъ; 3) безпрестанно увеличиваемое засореніе издавна сильно унавоженнаго города.

I. Обѣ вышеозначенныя рѣки, будучи маловодны, загачены навозными плотинами частію ниже, а частію выше города и даже въ самомъ городѣ, на тотъ конецъ дабы поставленныя на плотинахъ мельницы могли всегда имѣть воду для мельничной потребности. Этимъ способомъ рѣчки обращены въ совершенные пруды со стоячею водою, которая въ сухое и бездождное лѣтнее время за маловодіемъ, будучи недостаточна и для мельницъ, только гніетъ и испаряется. Одна же изъ этихъ рѣкъ, называемая Лопанью, при своемъ соединеніи съ Харьковомъ, теряетъ всякое теченіе, что происходитъ тутъ вѣроятно отъ возвышеннаго ея положенія вслѣдствіе наносной земли, такъ что Лопань кромѣ испаренія не имѣетъ иного пути и вслѣдствіе этого, а особенно возлѣ соединенія съ Харьковомъ въ лѣтнія ночи воздухъ бываетъ до такой степени насыщенъ мѣфитическимъ газомъ, что съ трудомъ можно тутъ проходить. Такимъ воздухомъ пользуется большая часть города, а окрестными жителями употребляется для пищи и питья и самая вода.

II. Второе зло составляютъ многочисленныя болота, изъ коихъ одни можно пазвать временными, а другія—постоянными. Первая составляетъ мелководная рѣчка Лопань въ пространныхъ равнинахъ, изви- вающихся въ дождливое время, а особенно весною и осенью, выходящая изъ береговъ и покрывающая всю равнину. Здѣсь время отъ времени производится несмѣтное множество болотъ. Вторыя или всегдашнія болота, даже совершенныя озера, находятся въ самомъ городѣ въ большомъ количествѣ; они, имѣя повидимому свои ключи, никогда почти досуха не выпариваются и тѣмъ составляютъ вѣчный магазинъ мѣфитическихъ испареній. Въ этихъ болотахъ водится невѣроятное множество лягушекъ, черепахъ и бездна разныхъ насѣкомыхъ. Нѣкоторые изъ этихъ болотъ лежатъ промежъ садовъ и огородовъ; другія находятся даже по дорогамъ и можно утвердительно сказать, что нѣтъ въ

нижнихъ частяхъ города и его предмѣстьяхъ ни единой улицы, которая бы не имѣла собственнаго болота, гдѣ водились бы тѣ же самыя животныя, еслибъ городъ былъ малолюднѣе и они не были бы покрыты навозомъ. Это прикрытіе или засыпка производится здѣсь слѣдующимъ образомъ: кладутъ сперва фашичникъ и засыпаютъ его навозомъ, пескомъ, землею или золою изъ мыльнаго завода. Эти вещества въ сухое время составляютъ тягостную и небезвредную для глазъ пыль, а въ мокрое сильную грязь, отъ чего происходитъ то, что мы имѣемъ въ лѣтнее время или сильную пыль, или непроходимую грязь. Такимъ способомъ болота по улицамъ правда прикрыты, но отнюдь не высушены, такъ какъ съ большою вѣроятностію можно утверждать, что всѣ эти болота имѣютъ свои ключи, коихъ воды подъ фашинникомъ вѣчно гниютъ и способствуютъ безпрестанному умноженію мѣфитическихъ испареній. Вѣроятно, что ключи всѣхъ этихъ болотъ могли бы дать чистые пруды, хорошіе колодцы или родники и доставили бы городу обильную и здоровую воду вмѣсто гнилой рѣчной или той колодезной, которую мы теперь принуждены употреблять; а недостатокъ чистой здоровой воды при стеченіи столь неблагоприятныхъ для здоровья условій—весьма важное обстоятельство.

III. Третій источникъ зловредности состоитъ въ томъ, что городъ, издавна уже унавоженный, безпрестанно продолжаетъ унаваживаться. Городъ Харьковъ по своей торговлѣ принадлежитъ къ важнѣйшимъ коммерческимъ русскимъ городамъ. Онъ имѣетъ четыре большихъ ярмарки въ году, на которыя съѣзжаются всякаго рода люди и купечество съ различными товарами изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ; сверхъ того каждую недѣлю бываетъ два торга. Все это происходитъ внутри самаго города; съѣздъ съ возами и лошадьми бываетъ такъ многочисленъ, что съ трудомъ можно пѣшкомъ пробраться. Волы и лошади во все это время стоятъ по площадямъ и улицамъ, а отъ этого не только всѣ улицы, но и площади такъ унавожены, что отъ несносной пыли въ сухое время съ большимъ трудомъ можно ходить по нихъ; а въ мокрое по причинѣ невѣроятной грязи проходить нѣтъ никакой возможности. Весьма часто эта грязь до такой степени увеличивается, что и въ экипажахъ бываетъ невозможно ѣздить, а что это дѣйствительно нерѣдко бываетъ, доказываютъ опредѣленія совѣта о прекращеніи лекцій, что однако бываетъ не прежде, какъ всѣ уже изъ силъ выбьются. Грязь эта происходитъ вслѣдствіе огромнаго количества повсюду въ городѣ находящагося навоза, который со дня на день увеличивается, не будучи никуда свозимъ; да со многихъ улицъ, хотя бы и захотѣли, по причинѣ фашичника, коимъ онѣ высланы и возвышены, свозить невоз-

въ Харьковѣ, такъ и противники его; никто не оспаривалъ фактовъ, изложенныхъ медицинскимъ факультетомъ<sup>1)</sup>.

Мы также считаемъ картину санитарнаго состоянія г. Харькова, нарисованную медицинскимъ факультетомъ, въ общемъ вѣрною, хотя думаемъ, что въ частностяхъ тутъ есть кое-какія преувеличенія. Замощеніе улицъ фашиникомъ (камни въ Харьковѣ не было), послужившее, по словамъ записки медицинскаго факультета, новымъ источникомъ загрязненія города, было все-таки шагомъ впередъ сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда не было рѣчи ни о какомъ замощеніи и улицы представляли изъ себя осенью и весною цѣлое море грязи. О немъ, а также о бревенчатой мостовой особенно заботились намѣстникъ Леванидовъ, губернаторъ Артаковъ и Бахтинъ. Первый въ 1796 г. издалъ приказъ о замощеніи фашиникомъ Московской и Екатеринославской улицъ и объ охранѣ одного изъ озеръ, съ чистою ключевою водою, находившихся въ городской чертѣ (еще предмѣстникъ его Чертковъ велѣлъ расчистить и углубить это озеро).—Губернаторъ Артаковъ въ 1802 г. писалъ городской думѣ, что едва ли нужно доказывать необходимость замощенія улицъ—ибо бывшая доселѣ грязь сдѣлала проѣздъ по нимъ не только затруднительнымъ, но прямо таки невозможнымъ; вслѣдствіе чего прекратился привозъ изъ окрестныхъ селеній въ городъ сельскихъ продуктовъ и наступила дороговизна. Губернаторъ рекомендовалъ по мѣстнымъ условіямъ устраивать по срединѣ улицъ фашинные мостовыя, а по бокамъ ихъ закрытыя деревянныя канавы со стокомъ воды въ рѣку, озеро или овраги. И однако по главной Московской улицѣ у Харьковскаго моста не было проѣзда отъ грязи и нужно было дѣлать, по свидѣтельству самого Артакова, дальніе объѣзды, чтобы попасть на этотъ мостъ. Николаевская и Торговая площади также были чрезвычайно грязны. Губернаторъ И. И. Бахтинъ, проѣзжалъ въ 1804 г. на пожаръ по Московской улицѣ, попалъ въ пропасть, изъ которой едва выбрался<sup>2)</sup>. Неудивительно, что онъ потомъ энергично заботился объ очищеніи города; но эти заботы встрѣчали множество затрудненій—въ отсутствіи подходящаго матеріала для замощенія, ограниченности городского бюджета, отсутствіи инициативы у тогдашней шестигласной городской думы и главное косности самого населенія.

Чтобы дать понятіе о настроеніи всего совѣта въ этомъ дѣлѣ, мы приведемъ теперь отдѣльныя мнѣнія нѣкоторыхъ изъ его членовъ; но предварительно замѣтимъ, что при рѣшеніи этого вопроса въ совѣтѣ

<sup>1)</sup> „Стат. Листокъ“, 1883, № 5.

<sup>2)</sup> Устинова. Харьковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія (Харьк. вѣст. на 1886 г., стр. 101, 104—106).

голоса раздѣлились поровну. Половина стояла за оставленіе университета въ Харьковѣ, другая—за перенесеніе въ другой городъ; за первое мнѣніе высказались Шадъ, Дегуровъ, Делявинъ, Нельдехенъ, Лангъ, Ванотти, Срезневскій и Успенскій; за второе—Шумлинскій, Нильгеръ, Дрейсигъ, Роммель, Гизе, Каменскій, Книгинъ и Швейкартъ; ректоръ университета Осиповскій не примкнулъ ни къ той, ни другой сторонѣ, остался при особомъ мнѣніи, которое состояло въ томъ, что университетъ могъ бы оставаться въ Харьковѣ, если бы были приняты извѣстные мѣры къ оздоровленію города <sup>1)</sup>. Вотъ что писалъ Осиповскій.

„Для уменьшенія въ городѣ Харьковѣ вредной грязи и для поддержанія въ немъ чистоты воздуха необходимо 1) вывезти весь навозъ, накопившійся въ теченіе многихъ лѣтъ въ болотахъ, на улицахъ и въ дворахъ обывателей, и, произведя нивелировку города, замостить всѣ улицы камнемъ; 2) засыпать дворы жителей по крайней мѣрѣ пескомъ и ежегодно въ концѣ года, очищать отъ навоза; 3) на всѣхъ рѣчкахъ уничтожить, какъ въ городѣ, такъ и на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, мельничныя плотины, которыя въ этой мѣстности сооружаются изъ навоза; воду рѣчекъ сдерживать водоотводными канавами, что впрочемъ будетъ стоить большихъ денегъ. Что же касается до перевода университета въ другой городъ, то я, какъ человекъ, постоянно живущій въ Харьковѣ, привязанный къ университету и совершенно незнакомый съ иными городами, не могу рекомендовать ни одного изъ нихъ для перехода туда университета“.

Роммель представилъ въ совѣтъ слѣдующую записку.

„Въ предписаніи его сіятельства г. министра совѣту заключаются три пункта, подлежащіе нашему обсужденію и требующіи точнаго и откровеннаго отвѣта.

<sup>1)</sup> Таковъ былъ истинный ходъ этого дѣла по документальнымъ даннымъ; этимъ опровергается рассказъ Роммеля въ его воспоминаніяхъ; сообщивъ о грязи, господствовавшей въ Харьковѣ (выдержку эту мы привели выше), Роммель прибавляетъ: „всѣ эти невыгоды подали намъ мысль просить о переводѣ университета въ Кіевъ. Я со Стойковичемъ изготавилъ уже проектъ, назначенный для отпращиванія въ Петербургъ; почти всѣ профессора приложили свои подписи, какъ вдругъ одинъ русскій, несогласный съ нами, испортилъ чернильными пятнами нашъ документъ и тѣмъ разрушилъ весь проектъ“. Дѣло, какъ мы видѣли, происходило совсѣмъ иначе. Вопросъ о перенесеніи университета въ другой городъ исходилъ отъ министерства; противъ проекта высказался не одинъ русскій профессоръ, а половина членовъ совѣта, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ иностранцевъ. Эпизодъ о чернильных пятнахъ сомнителенъ и во всякомъ случаѣ не могъ бы имѣть такого значенія, какое ему приписываетъ Роммель; самъ Роммель въ своей запискѣ имѣлъ въ виду не одинъ Кіевъ, а и Курскъ, вообще же члены совѣта представляли выборъ мѣста для университета высшему начальству.

1. *Относительно нездорового климата г. Харькова и качества почвы или, лучше сказать, грязи.*

Изъ отношенія медицинскаго факультета, которое безъ замедленія должно быть отослано къ его сіятельству г. министру, явствуетъ, что городъ страдаетъ такою нездоровостью и почвы, и воды, и воздуха, такою сыростью отъ грязи и болотъ, застаивающихся и въ немъ, и въ его окрестностяхъ, что не только различныя эпидемическія болѣзни каждый годъ мучать и ослабляютъ горожанъ, какъ русскихъ, такъ, въ особенности, иностранцевъ, но даже чрезмѣрная смертность дѣлаетъ эту мѣстность гибельной. Что это согласно съ истиной и не преувеличено, это доказала неожиданная смерть многихъ членовъ университета, поразившая ихъ, къ великому его прискорбію, въ предыдущіе годы и происшедшая въ короткое время отъ лихорадокъ и другихъ эпидемическихъ болѣзней. Сверхъ того многіе студенты въ цвѣтъ юности поражаются слабостью, лихорадками, частью возвращающимися и прерывающими ихъ занятія. О неимовѣрномъ количествѣ грязи, часто прерывающей университетскія лекціи, гласитъ отзывъ медицинскаго факультета.

2. *Есть ли средства для очистки города и исправленія этихъ вредныхъ и тяжелыхъ его свойствъ.*

а) Для основательнаго и хорошаго устраненія этихъ свойствъ нужно истратить много труда и денегъ, такъ какъ необходимо не только основательно очистить городъ отъ грязи и нечистотъ, но и провести водоотводныя каналы и устроить мостовую. Для исполненія этихъ работъ необходимы искусные инженеры, а также много матеріаловъ, неимѣющихся по близости. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ еще въ этой мѣстности не существуетъ сооруженій и работъ, необходимыхъ въ этомъ случаѣ.

б) Правда, по предписанію губернатора, можно было бы принять временныя мѣры, но такъ какъ существованіе университета рассчитано на вѣка, а не на годы, то такая эфемерная поправка не принесла бы никакой пользы обществу.

3. *Необходимо ли и предпочтительно ли перенесеніе университета въ другое мѣсто, какой городъ надо предпочесть изъ за его лучшихъ качествъ и сколько приблизительно стоило бы это перенесеніе?*

Его сіятельство г. министръ, мудрѣйшій нашъ правитель, пріобрѣтетъ большую заслугу въ дѣлѣ народнаго образованія, если, при такой коренной и основной непригодности г. Харькова для пребыванія въ немъ университета, испроситъ у Милостивѣйшаго Государя разрѣ-

шеніе и необходимыя средства для того, чтобы переселить насъ самихъ и перенести наши занятія и университетъ, который погибнетъ здѣсь рано или поздно, въ другое мѣсто, болѣе здоровое и болѣе благоустроенное. Для этой цѣли, по моему мнѣнію, самыми подходящими являются или—Курскъ въ нашемъ округѣ, по здоровости, чистотѣ и большому своему благоустройству, или—Кіевъ, знаменитѣйшій во всей южной Россіи, древній, славный зданіями и учрежденіями, выдающійся также по сношеніямъ съ заграничными странами. (Весьма желательно, чтобы его сіятельство г. министръ сдѣлалъ между ними выборъ). Такъ какъ до сихъ поръ въ этомъ городѣ не выстроено ни одного болѣе или менѣе значительнаго зданія на счетъ университета или для университета, то расходы по переводу его должны быть разсчитаны сообразно съ разстояніемъ того мѣста, куда онъ будетъ переведенъ. Я думаю, что могу сказать утвердительно по крайней мѣрѣ то, что переводъ потребуетъ меньшихъ расходовъ, чѣмъ тщательная и удовлетворительная очистка города, исправленіе и замощеніе городскихъ улицъ. А что щедрѣйшій и милостивѣйшій Императоръ по своей мудрости позаботится о томъ, чтобы профессора нашего университета, сильно стѣсненные въ экономическомъ отношеніи и огромными расходами приспособленія домовъ, и необходимостью содержать лошадей, и большою дороговизной въ нашемъ городѣ всѣхъ прочихъ предметовъ, не понесли никакого убытка,—въ томъ мы совершенно увѣрены и должны быть увѣрены. Присоединяюсь къ этому мнѣнію проф. Иванъ Книгинъ. И я присоединяюсь проф. Пильгерь. Присоединяюсь къ этому мнѣнію проф. Шумляевскій. Присоединился также профессоръ Каменскій.

А вотъ письменный отвѣтъ проф. Швейкарта.

На 1-й вопросъ *о нездоровомъ климатѣ.*

Отвѣчаю, что согласенъ съ мнѣніемъ врачей, подтвержденнымъ печальнымъ опытомъ.

На 2-й—*можно ли устранить зло.*

Отвѣчаю, что причинъ его такъ много и онѣ столь значительны, что нельзя ихъ всѣхъ устранить въ короткое время. Существуетъ вѣдь коммиссія, учрежденная для этой цѣли,—что же она до сихъ поръ сдѣлала? Кромѣ того присоединяются еще хорошо извѣстныя вамъ нравственныя причины, которыя также требуютъ перевода университета.

На 3-й—*о выборѣ мѣста.*

Университетъ должно перевести въ древнее мѣстопребываніе наукъ и источникъ культуры малороссійской, т. е. въ Кіевъ. Этого требуютъ слава города, многочисленность жителей всѣхъ сословій, большая торговля, производящаяся тамъ, и вытекающія отсюда удобства жизни, а

въ особенности близость такихъ мѣстъ, въ которыхъ процвѣтають науки. Иностранные ученые, которыхъ будутъ приглашать изъ-заграницы, конечно, охотѣе поѣдутъ въ Кіевъ, чѣмъ въ Харьковъ. Изъ очертанія округа нашего университета нельзя извлечь аргумента противъ такого перевода. Въ Харьковѣ выбранъ не потому, что расположенъ въ центрѣ округа, но округъ былъ созданъ послѣ того, какъ онъ былъ выбранъ. По избраніи другого мѣста надо образовать и другой округъ. Въ самомъ дѣлѣ, если къ Казанскому университету присоединить Воронежскую губернію и двѣ казачьихъ области, а на ихъ мѣсто поставить Кіевскую, Могилевскую, Минскую, Волынскую и Подольскую губерніи, то получится округъ почти такого же пространства, въ центрѣ котораго будетъ лежать г. Кіевъ; онъ какимъ то чудомъ находится на равномъ разстояніи отъ крайнихъ городовъ, въ которыхъ существуютъ гимназіи, т. е. отъ Минска, Могилева, Орла, Курска, Харькова, Екатеринослава, Херсона и Одессы. Сверхъ того я прошу, чтобы университетъ былъ переведенъ не раньше, чѣмъ въ Кіевѣ будутъ выстроены необходимые дома (и при томъ на горѣ, въ Дворцовой части), и будутъ замощены улицы“.

Швейкартъ представилъ еще и другое мнѣніе, заключающее въ себѣ возраженіе Успенскому, который стоялъ за оставленіе университета въ Харьковѣ.

„Выслушавши мнѣніе проф. Успенскаго, считаю необходимымъ до-  
бавить слѣдующее.“

1. Августѣйшій Императоръ учредилъ нашъ университетъ на вѣки; поэтому я не вижу причинъ, по которымъ это мѣшается переводу, такъ какъ съ перемѣной мѣста учрежденіе не измѣнится.

2. Не только наша губернія пожертвовала деньги, но и тѣ, въ которыхъ университета никогда не было и никогда не будетъ.

3. Если университетъ, основанный въ другомъ мѣстѣ, будетъ все болѣе и болѣе процвѣтать, то вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда получится большая польза и для губерній, составляющихъ его округъ. Поэтому университетъ, переведенный въ другое, болѣе удобное мѣсто, будетъ полезнѣе и какъ бы ближе къ нашей губерніи, чѣмъ находящійся въ центрѣ ея, но едва влачащій свое существованіе. Только бы мы отидеались отъ меркантильныхъ соображеній, какъ это подобаетъ въ такомъ дѣлѣ.

4. Дворяне нашей губерніи, любящіе свою родину и науки, одобрятъ всѣ мѣры, направленные къ благу университета, а слѣдовательно и переводъ его въ болѣе удобное мѣсто, въ особенности если деньги, пожертвованные ими, будутъ употреблены для учрежденія, увеличенія и содержанія школъ въ самой губерніи. На эти деньги можно приоб-



рѣсти ботанической садъ, книги, инструменты, минералы и прочіе для него ненужные предметы, даже дома профессоровъ, въ которыхъ могутъ жить учителя гимназій. Какое украшеніе будетъ для города и всей губерніи, если Харьковская гимназія будетъ снабжена всѣмъ этимъ!"

А вотъ мнѣніе проф. Дрейсига.

*Отвѣтъ на вопросы первый, второй и третій.*

„Всѣмъ прекрасно извѣстно, что Харьковскій воздухъ весьма нездоровъ, отчасти вслѣдствіе мѣстоположенія, не соотвѣтствующаго условіямъ здоровья, отчасти вслѣдствіе крайней нечистоты, грязи и навоза, скопившагося въ теченіе весьма продолжительнаго времени. Такъ какъ мѣстоположенія города измѣнить нельзя, то возможно было бы устраненіе только одной причины, вызывающей болѣзни, именно очистка его, осушеніе болотъ и двухъ рѣкъ, перерѣзывающихъ его и большею частью застаивающихся. Другихъ причинъ, заключающихся въ слишкомъ низкомъ его мѣстоположеніи среди горъ, въ котловинѣ, измѣнить нельзя. Поэтому я присоединяюсь къ мнѣніямъ другихъ профессоровъ, настаивающихъ на переводѣ университета въ другой городъ, не столь вредный для здоровья жителей.

*Отвѣтъ на вопросы четвертый, пятый и шестой.*

Наилучшимъ пунктомъ для нашего университета мнѣ представляется г. Кіевъ, а именно по той причинѣ, что въ немъ есть большое каменное зданіе, принадлежащее казнѣ, съ отличными садомъ; городъ этотъ культурнѣе другихъ ближайшихъ городовъ нашего округа и находится въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ иностранными землями. Если бы послѣдовалъ переводъ университета, то мнѣ кажется необходимымъ, чтобы предварительно были выстроены не только зданія для надобностей университета, но и дома для отдѣльныхъ членовъ его; только подъ условіемъ исполненія этого желанія я присоединяюсь къ мнѣнію тѣхъ профессоровъ, которые желаютъ перехода университета въ другой городъ. О приблизительной стоимости самаго перевода судить не могу". Къ этому мнѣнію присоединился и Гизе.

Университетъ однако остался, къ великому счастью города, въ Харьковѣ. Да иначе и не могло быть; закрытіе университета въ одномъ городѣ и перенесеніе его въ другой были бы сопряжены съ огромными затрудненіями и затратами. Конечно, санитарное состояніе Харькова было ужасное, въ особенности съ точки зрѣнія иностранцевъ. Но грязь и пыль царила тогда во всѣхъ русскихъ городахъ. Кіевъ стоялъ несравненно выше Харькова по своему географическому положенію и по количеству жителей; но и въ немъ не было чистоты и благоустройства. Посѣтившій его въ 1799 году Измайловъ говоритъ: „нѣтъ домовъ ка-

менныхъ, нѣтъ порядка въ строеніи, нѣтъ регулярности и архитектуры. Улицы не мощены, пески покрываютъ ихъ. Пѣшеходецъ глотаетъ не-  
сносную пыль и туманный столбъ вьется безпрестанно вокругъ проѣз-  
жающихъ. Самый Подоль, болѣе населенный, нежели другія части, не  
имѣетъ совсѣмъ вида города. Деревянные кровли, низкія хижины при-  
крываются перекьями и монастыремъ. Улицы такъ узки на Подоль, что  
едва ли двое дрожекъ могутъ разѣхаться. Соединеніе между тремя  
частями города чрезвычайно затруднительно, оттого что горы отдѣ-  
ляютъ ихъ одну отъ другой. Кажется, что вы видите три разныхъ се-  
ленія. Я говорю селенія, ибо весь Кіевъ едва ли заслуживаетъ названія  
города<sup>1)</sup>. Другой путешественникъ Левшинъ, бывшій въ Кіевѣ въ 1815  
году, такъ описываетъ лучшую часть города: „кривая довольно грязная  
улица, узкая по обѣимъ сторонамъ выѣсками различныхъ ремес-  
ленниковъ, привела насъ на большую площадь, которая, какъ кажется,  
составляетъ украшеніе города. Тамъ дворецъ, тамъ присутственныя мѣ-  
ста, тамъ 2 или 3 прекрасныхъ дома частныхъ людей, тамъ рядъ мо-  
лодыхъ березокъ, изъ-за которыхъ синѣетъ Днѣпръ и отдаленныя ок-  
рестности Кіева“<sup>2)</sup>. Кіевъ произвелъ впечатлѣніе на Левшина главнымъ  
образомъ красотою своего мѣстоположенія. Къ 1820 году, по свѣдѣніямъ  
Берлинскаго, въ Кіевѣ было 3968 домовъ, изъ нихъ каменныхъ только  
49, жителей около 40000, лавокъ каменныхъ 147, деревянныхъ—214,  
3 гостинныхъ двора и деревянный театръ; торговля сосредоточивалась  
на Подоль; тамъ же помѣщалось и высшее учебное заведеніе въ краѣ—  
духовная академія<sup>3)</sup>. Такимъ образомъ, Кіевъ былъ гораздо населеннѣе  
(въ 2½ раза), неизмѣримо красивѣе Харькова, былъ географически  
ближе къ Европѣ, но въ другихъ отношеніяхъ мало чѣмъ отличался  
отъ него и превосходилъ его, поэтому едва ли бы онъ могъ вполне  
удовлетворить требовательныхъ иностранцевъ.

Какъ бы то ни было возбужденное министромъ дѣло о перенесеніи  
университета въ другой городъ окончилось ничѣмъ. Быть можетъ, тутъ  
оказала свое вліяніе и извѣстная намъ петиція харьковскаго дворян-  
ства, поданная Государю. Но самое возбужденіе вопроса объ оздоровле-  
ніи Харькова имѣло полезныя результаты и должно быть поставлено въ  
заслугу университету<sup>4)</sup>: тогдашній губернаторъ И. И. Бахтинъ подѣ-

<sup>1)</sup> Горленко. Южнорус. очерки и портреты. К. 1898, стр. 83.

<sup>2)</sup> Письма изъ Малороссіи. Х., 1816, стр. 91—92.

<sup>3)</sup> Горленко. Южнорус. очерки и портреты. К. 1898, стр. 84.

<sup>4)</sup> Любопытенъ эпизодъ, въ которомъ въ качествѣ обвиняемаго въ нарушеніи са-  
нитарныхъ условій пришлось выступить университету. Въ сентябрѣ 1813 года полицій-  
мейстеръ вошелъ въ правленіе университета съ отношеніемъ, въ которомъ сообщалъ,

влияніемъ ея приложилъ не мало заботъ къ устройству въ Харьковѣ мостовыхъ, очисткѣ города и вообще къ городскому благоустройству. Правда, всѣ эти мѣры были недостаточны, чтобы очистить Харьковъ отъ накопившейся въ немъ въ теченіе 1½ столѣтій грязи; но имѣло значеніе и то, что ясно и опредѣленно было указано какъ самое зло, такъ и причины его. А раньше къ нему такъ привыкли, что никто серьезно и не думалъ бороться съ нимъ. И это понятно: въ концѣ XVIII вѣка врачебная помощь въ Харьковѣ была совершенно недостаточна и являлась какъ бы роскошью; теперь здѣсь возникло новое врачебное учрежденіе, въ видѣ медицинскаго факультета, видными дѣятелями въ которомъ были профессора-иностранцы, привыкшіе къ большей городской чистотѣ и благоустройству и не могшіе переносить санитарныхъ безобразій Харькова; неудивительно, что при такихъ условіяхъ явилась мысль о болѣе радикальныхъ мѣрахъ къ оздоровленію Харькова или о переводѣ университета въ другой городъ. Самый переводъ не состоялся—сдѣлать это было слишкомъ трудно—но шумъ, поднятый по этому дѣлу, имѣлъ благія послѣдствія, нарушивъ нѣсколько общій сонъ и благодушное довольство. Особенно заволновалось мѣстное дворянство, возбужденное виновникомъ основанія Харьковскаго университета В. Н. Каразинымъ, которому не возможно было примириться съ мыслью, что всѣ его усилія и всѣ матеріальныя жертвы, принесенныя сословіями для учрежденія университета въ Харьковѣ, окажутся безплодными и единственное на всю южную Россію учебное заведеніе перейдетъ въ Кіевъ или Курскъ. В. Н. Каразинъ прочиталъ предъ дворянствомъ записку и рѣшено было подать прошеніе на Высочайшее имя объ оставленіи университета въ Харьковѣ. Министръ народнаго просвѣщенія, получивъ отъ ректора копію этого прошенія, представилъ его Государю вмѣстѣ со своимъ объясненіемъ слѣдующаго содержанія.

„Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года ректоръ Харьковскаго университета, по случаю тому, что въ немъ заготавливаются смѣты на постройку университетскихъ зданій, на принадлежащей университету за

что изъ казеннаго дома, занимаемаго университетомъ, былъ вывезенъ навозъ и выброшенъ прямо на улицу; но такъ какъ подобную нечистоту запрещено разбрасывать по улицамъ всѣмъ вообще жителямъ города, то онъ рѣшилъ произвести по этому поводу слѣдствіе и проситъ прислать для него депутата отъ университета. Правленіе призвало для объясненія экзекутора, который не отрицалъ самаго факта, но заявилъ, что это было сдѣлано слугою бывшаго ректора Стойкоича, который выѣхалъ вмѣстѣ со своимъ господиномъ изъ Харькова. Въ такомъ смыслѣ сдѣлано было сообщеніе и полиціи-мейстеру. Изъ этого факта можно сдѣлать благопріятный выводъ для университета: отсюда видно, что обыкновенно университетъ не выбрасывалъ своего навоза на улицу (Харьк. унив. арх. Журн. правл. 1813, сентябрь—декабрь; засѣданіе 4 сентябрь).

городомъ землѣ представилъ мнѣ о неудобности сооруженія тамъ ихъ. Кромѣ того еще и раньше неоднократно имѣлъ я представленіи, что въ Харьковѣ весьма нездоровый воздухъ и что бывають въ немъ во время осени и весны чрезвычайныя грязи, по причинѣ которыхъ принуждены бывають закрывать классы какъ въ самомъ университетѣ, такъ въ гимназіи и училищахъ. По этимъ причинамъ предложилъ я университету войти въ разсмотрѣніе, не находится ли какихъ способовъ къ отвращенію всѣхъ означенныхъ неудобствъ, если же не найдется, то не выгоднѣе ли будетъ перемѣстить его въ другой городъ. Нынѣ не успѣлъ я получить на это отъ университета представленія его, какъ уже ректоръ пишетъ ко мнѣ, что статскій совѣтникъ Каразинъ, въ собраніи дворянства Слободско-Украинской губерніи прочитавъ разсужденіе свое о разныхъ яко бы въ университетѣ безпорядкахъ и что онъ ищетъ перемѣститься въ другой городъ, склонилъ дворянство поднести Вашему Императорскому Величеству чрезъ находящагося нынѣ въ Петербургѣ депутата на счетъ университета прошеніе. Я счелъ долгомъ, предваривъ объ этомъ Ваше Величество, представить и копію съ упомянутаго прошенія; при чемъ по начальству своему надъ этимъ заведеніемъ всеподданнѣйше изъясняю, что университетъ въ этомъ случаѣ нисколько виновенъ, и что если прежде и были какія безпорядки, то они происходили отъ бывшаго ректора Стойковича, который уже смѣненъ и вышелъ въ отставку. Впрочемъ нельзя не сожалѣть, что попечитель уже пять лѣтъ проживаетъ за границею, и нѣтъ сомнѣнія, что если бы находился попечитель, то, обозрѣвая университетъ на мѣстѣ, могъ бы видѣть и судить ближе о надобностяхъ и пользахъ его<sup>1)</sup>.

Но всей вѣроятности, идея о переводѣ университета въ другой городъ не встрѣтила одобренія и со стороны Императора Александра I — и Харьковъ такимъ образомъ избѣжалъ страшной опасности, которая могла бы имѣть самое гибельное вліяніе на его послѣдующую судьбу; если бы онъ лишился университета, то, конечно, теперь не выходилъ бы изъ уровня губернскихъ городовъ средней руки.

Таковы были природныя условія г. Харькова и ихъ вліяніе на университетскую среду. Посмотримъ теперь, что представлялъ изъ себя Харьковъ въ началѣ XIX вѣка по количеству и составу своего населенія и каково было взаимодѣйствіе мѣстной и университетской среды.

Въ 1802 г., т. е., передъ самымъ открытіемъ университета, Харьковъ представлялъ изъ себя небольшой, маловаселенный, но съ развитою торговою дѣятельностью городокъ. Въ немъ было 5373 души мужескаго

<sup>1)</sup> Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 5847/137.

пола, значить не болѣе 10000—11000 человекъ обоего пола. Главный контингентъ жителей составляли казенные поселенцы или иначе войсковые обыватели, т. е., потомки прежнихъ слободскихъ казаковъ; ихъ было 3415 душъ муж. пола; затѣмъ въ нисходящемъ порядкѣ шли слѣдующія группы: мѣщане и цеховые (876 чел.), помѣщичьи крестьяне (413 ч.), купцы (406 чел.), дворяне, старшины и духовные (263 чел.). Главнымъ занятіемъ казенныхъ поселенцевъ было сельское хозяйство, мелкіе промыслы и торговля. Харьковъ славился своею торговлею, какъ постоянною, такъ особенно ярмарочною. Настоящихъ купцовъ было 166 душъ, изъ коихъ 1-й гильдіи 2, 2-й 5 и 3-й 159. Обороты Крещенской ярмарки доходили до 10 мил., Успенской до 8.

Самую видную роль въ городѣ играла наименѣе многочисленная, но наиболѣе образованная группа населенія—чиновники, дворяне и духовенство. Профессора вновь основаннаго университета, естественно, примкнули къ послѣдней и замѣтно усилили собой ряды мѣстной интеллигенціи. Это мы могли видѣть на Роммелѣ.

Роммель сообщаетъ намъ свѣдѣнія о различныхъ представителяхъ тогдашняго харьковскаго общества. Губернаторъ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ выступаетъ у него съ положительными чертами, какъ просвѣщенный, мягкій и доброжелательный къ университету администраторъ, охотно водившій знакомство съ профессорами. „Во главѣ почетнѣйшихъ лицъ города стоялъ губернаторъ Бахтинъ, татарской крови. Рассказывали, что красавица жена (дочь какого то вѣмца, инспектора врачебной управы въ Tobolsk— примѣчаніе переводчика) вывела его на почетное мѣсто. Живая и кокетливая, она представляла рѣзкій контрастъ съ неповоротливымъ, дороднымъ и добрѣйшимъ своимъ супругомъ; за вистомъ она всегда была его оракуломъ. Меня привлекла ея любезность; съ очаровательной улыбкою поправляла она мои ошибки въ русскомъ языкѣ и давала дружескій совѣтъ жениться на русской. За обѣдомъ у нихъ я обыкновенно занималъ мѣсто противъ хозяина дома. Съ какою то вѣжностью говорилъ онъ о русскомъ стихотворцѣ Ломоносовѣ и любилъ также возвышенныя творенія нашего Клопштокъ, извѣстныя ему по переводамъ. Университету онъ искренно желалъ добра“ (въ доказательство этого Роммель указываетъ на ту роль, какую игралъ Бахтинъ въ извѣстномъ намъ эпизодѣ съ безпорядками въ Курской гимназіи, вызвавшими разговоръ совѣту). Цебриковъ рисуетъ Бахтина мрачными красками, но, думается намъ, тенденціозно, несправедливо, быть можетъ, на основаніи слуховъ и сплетенъ его враговъ въ бюрократической средѣ. Во всякомъ случаѣ отношеніе И. И. Бахтина къ университету и профессорамъ было корректное и предупредительное; и сынъ его, какъ мы знаемъ уже изъ

записокъ пѣвчаго Пѣхотинскаго, также былъ воспитанъ въ добрыхъ чувствахъ къ университету, былъ хорошимъ товарищемъ въ студенческой средѣ и нисколько не кичился своимъ аристократизмомъ. И. И. Бахтинъ былъ близокъ къ В. Н. Каразину, которому, какъ кажется, былъ обязанъ назначеніемъ на постъ Харьковскаго губернатора; такъ по крайней мѣрѣ сообщаетъ сынъ Василия Назарьевича Филадельфъ Васильевичъ, ссылаясь на черновое представленіе своего отца Императору Александру I. Первоначально И. И. Бахтинъ служилъ прокуроромъ въ Tobольскѣ. „Познакомившись, говоритъ Филадельфъ Васильевичъ, съ этимъ достойнымъ человѣкомъ во время службы своей въ государственномъ казначействѣ, Каразинъ осмѣлился указать на него Императору, когда слухи шли о перемѣнѣ Артакова, и имѣлъ утѣшеніе видѣть свое желаніе исполненнымъ.... Они остались по жизни друзьями. И это былъ единственный изъ Харьковскихъ губернаторовъ, который удостоенъ былъ по окончаніи своей карьеры, продолжавшейся 13 лѣтъ, единодушной, *существенной* признательности жителей: они, съ Высочайшаго разрѣшенія, поднесли ему сумму денегъ, достаточную для уплаты всѣхъ, сдѣланныхъ имъ во время его губернаторства долговъ, простиравшихся до 40000 р. Имя Бахтина было вырѣзано на мраморной доскѣ, долго красовавшейся въ залѣ Харьковскаго дворянскаго собранія, а бюстъ его я помню еще въ Кручикѣ (деревиѣ Василия Назарьевича) стоявшимъ на живописномъ, окруженномъ тѣнистыми деревьями мѣстѣ, противъ жилища Каразина“. И. И. Бахтинъ смѣнилъ Артакова, сильно тормозившаго открытіе Харьковскаго университета. Объ отношеніи И. И. Бахтина къ учрежденію въ Харьковѣ университета попечитель округа гр. С. О. Потоцкій писалъ министру народнаго просвѣщенія въ 1804 г.: „за обязанность поставлю засвидѣтельствовать о благорасположеніи къ университету и истинномъ усердіи къ общей пользѣ въ семъ краѣ господина здѣшняго гражданскаго губернатора, котораго попеченіямъ первоначальные успѣхи университета во многомъ приписать должно будетъ“<sup>1)</sup>. Мы видѣли, что онъ часто обращался въ университетъ съ просьбами дать заключенія по разнымъ учено-практическимъ вопросамъ и принять участіе въ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ—что опять таки свидѣлствуетъ о его довѣрїи и уваженіи къ университету. И. И. Бахтинъ самъ былъ не чуждъ литературы: еще проживая въ Tobольскѣ, онъ участвовалъ въ изданіи журнала „Иртышъ“ (1789—1791 г.); въ 1816 г. въ Петербургѣ издалъ три сочиненія: 1) „Вдохновенныя идеи“, 2) „Ревнивый“—драму въ 3 дѣй-

<sup>1)</sup> Русск. старина 1875 г., октябрь, стр. 278—279; біогр. замѣтка объ И. И. Бахтинѣ въ Русск. Стар. 1870 г., т. I, стр. 451—454.

ствѣяхъ и 3) „И я авторъ или разныя мелкія стихотворенія“; въ Вѣстникѣ Европы (ч. 55, 1811 г. № 2) есть его письмо по поводу представленія этой драмы <sup>1)</sup>. Во всякомъ случаѣ непосредственное участіе въ литературѣ сближало П. И. Бахтина съ университетскими дѣятелями, которые также, какъ мы, знаемъ не чуждались этой послѣдней. Кн. Долгоруковъ, проѣзжавшій черезъ Харьковъ въ 1810 г., описываетъ пріемъ, устроенный ему у П. И. Бахтина, и говоритъ, что „въ Харьковѣ можно было безъ скуки проводить время, общество модное и очень хорошо собрано. Супруги губернатора и вице-губернатора—дамы любезныя и съ навыками большаго свѣта. Гостепріимство въ обоихъ этихъ домахъ наилучшее, поступки соединяютъ милую простоту съ нѣжною разборчивостью большихъ городовъ. Не станемъ говорить о роскоши, она и здѣсь вошла въ кости каждаго. Наряды дамъ, убранство столовъ, изобрѣтеніе приправъ и соединеніе всѣхъ плодовъ, съ трудомъ снискиваемыхъ даже и въ этомъ климатѣ, все заставляетъ чувствовать прелести улучшеннаго свѣта. Жаль, что дома того и другого не отвѣчаютъ ихъ готовности угощать: малы, низки и для большой публики тѣсны. Одна благородная дѣвушка, дочь тутошняго чиновника, прекраснѣйшимъ образомъ играла на фортепiano не бездѣлки одни — вальсы, пѣсенки, романсы — совсѣмъ нѣтъ: самыя мудренныя ноты разыгрывала, часто съ чувствомъ и выраженіемъ; немногіе и въ столицахъ нашихъ выдержали бы съ нею сравненіе.... Бостонъ и здѣсь въ модѣ, но я имъ не занимался“ <sup>2)</sup>....

Нѣкоторые представители изъ высшаго мѣстнаго чиновничества открыто брало взятки. „Другого разбора (чѣмъ губернаторъ), говоритъ Роммель, былъ предсѣдатель уголовной палаты, родомъ Лифляндецъ, мастеръ пожить. Нерѣдко случалось, что когда онъ ѣздилъ по городу съ приглашеніями, кушцы бросали ему на дрожки разные подарки. Носились также слухи, что въ темныя ночи онъ высылалъ своихъ людей на фуражировку по сосѣднимъ садамъ. Ему предстояло выдержать экзамень въ университетѣ для полученія высшаго чина—статскаго совѣтника; поэтому желая представить наглядныя доказательства своихъ познаній, онъ вступалъ за столомъ въ ученые разговоры, донельзя забавныя, особенно съ профессоромъ физики Стойковичемъ. Другой оригиналъ былъ инспекторъ врачебной управы, который съ ничтожнымъ жалованьемъ въ 600 руб. ассигн. держалъ роскошный открытый столъ. Тайна объясняется очень просто: отъ него зависѣло освидѣтельствованіе

<sup>1)</sup> Справочный словарь Геннади, I, стр. 72.

<sup>2)</sup> Чтенія Моск. общ. 1869 г., кн. 2-я, стр. 54—55.

ежегодно поставляемых помѣщиками рекрутъ (я видѣлъ однажды, какъ они бѣжали по двору совершенно *naïve*); великодушно не досматривалъ онъ ихъ тѣлесныхъ недостатковъ, по мѣрѣ подарковъ. *Relata refero!* Полиціймейстеръ былъ обрусѣвшій нѣмецъ (по фамиліи Экъ — примѣчаніе переводчика). Слѣдующій случай привелъ меня познаться съ нимъ: въ одну зимнюю ночь пропали обѣ мои курляндскія лошади. Когда я сообщилъ объ этомъ полиціймейстеру, онъ спросилъ: „сколько жертвую я на это дѣло“? Въ цѣнѣ мы скоро сошлись. Немедленно отряженъ былъ полицейскій чиновникъ, который на слѣдующую ночь нашелъ лошадей въ сосѣднемъ городѣ Богодуховѣ, взялъ ихъ прямо изъ конюшни воровъ и доставилъ въ цѣлости ко мнѣ.

Кромѣ чиновничества профессорская коллегія была въ общеніи съ представителями чернаго и бѣлаго духовенства. Тогдашній харьковскій епископъ Христофоръ Сулима имѣлъ репутацію нелюдима, но къ университету онъ относился въ высшей степени благожелательно и охотно принималъ у себя профессоровъ и при томъ не только русскихъ, но и иностранцевъ. Цебриковъ рассказываетъ, что даже неистовый Шадъ бывалъ у архіереевъ и велъ съ нимъ бѣглый разговоръ по латыни. Онъ позволилъ, какъ мы видѣли, ученикамъ коллегіума посѣщать университетскія лекціи, что свидѣтельствуетъ объ его религіозной терпимости; такую же терпимостью было проникнуто тогда, по словамъ Раммеля, все русское православное духовенство. Попечитель округа гр. С. О. Потоцкій относился съ большимъ расположеніемъ къ епископу Христофору и выхлопоталъ ему орденъ Анны 1-й степени.

Еще ближе стоялъ къ университету ректоръ коллегіума Прокоповичъ, занимавшій эту должность 22 года и въ то же время „исполнявшій обязанности настоятеля градскаго Успенскаго собора, члена консисторіи, цензора и публичнаго толкователя по праздникамъ и воскреснымъ днямъ евангелія и апостола. О немъ сохранилась память, какъ о народномъ и краснорѣчивомъ проповѣдникѣ, обладавшемъ увлекательнымъ даромъ слова. Какъ авторъ нѣсколькихъ историческихъ и педагогическихъ сочиненій на русскомъ и латинскомъ языкѣ, онъ былъ почетнымъ членомъ Харьковского и Московскаго университетовъ. Старожилъ Топчій говоритъ, что Прокоповичъ въ обществѣ былъ ловкій, находчивый, пріятный собесѣдникъ, большой анекдотистъ, умѣвшій кстати вставить въ разговоръ латинскую пословицу, привести въ доказательство текстъ изъ священнаго писанія и при этомъ большой хлѣбосоль“<sup>1)</sup>. Особенно

<sup>1)</sup> См. книгу о. Ник. Ладченка: „Христофоръ, 1-й епископъ Слободской Украины“, стр. 67—73.



въ близкихъ отношеніяхъ онъ былъ съ профессорами Харьковскаго университета, вышедшими изъ духовнаго званія—Рижскимъ и Успенскимъ; намъ извѣстны его рѣчи при открытіи университета и на погребеніи Рижскаго <sup>1)</sup>. Очень близко къ университету стоялъ и извѣстный своею образованностью и педагогическими талантами Харьковскій священникъ о. Василій Фотіевъ <sup>2)</sup>. Изъ среды же харьковскаго духовенства вышелъ и назначенный впоследствии профессоромъ богословія въ Харьковскомъ университетѣ Афанасій Могилевскій <sup>3)</sup>. Представителей университета и мѣстнаго духовенства сближали общіе педагогическіе и научно-литературные интересы. Значительная часть первыхъ студентовъ Харьковскаго университета вышла изъ коллегіума и несомнѣнно, что между нитками обоихъ учебныхъ заведеній существовали такія же добрыя отношенія, какъ и между преподавателями ихъ, „если, по выраженію Московскаго митрополита Платона, духовные юноши собирали плоды познаний и съ цвѣтовъ свѣтской учености“ <sup>4)</sup>.

Мы видѣли, что иностранецъ Роммель женился на русской помѣщицѣ, также точно какъ и Стойковичъ, Павловичъ, Гесъ-де-Кальве; Нахимовъ и Палицынъ сами были помѣщиками. Вообще можно сказать, что профессорская среда стояла очень близко къ дворянской помѣщицкой; значительная часть студентовъ также принадлежала къ этому общественному слою; довольно много дворянскихъ семей проживало въ Харьковѣ постоянно; другіе по крайней мѣрѣ по временамъ наѣзжали въ Харьковъ на дворянскіе выборы, на его знаменитыя ярмарки для продажи своихъ продуктовъ и покупки здѣшнихъ; вообще тяготѣніе помѣщиковъ, особенно пригородныхъ, къ Харькову, какъ торговому и просвѣтительному центру, было значительное; мы видѣли, какъ часто и охотно они пользовались услугами университетскаго архитектора Васильева и профессора врача Шильгера. Среди тогдашнихъ харьковскихъ помѣщиковъ выдѣлялось особенно двое замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей—В. Н. Каразинъ и Маршалъ Биберштейнъ. Роммель былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ тѣмъ и другимъ. „По сосѣдству съ городомъ, пишетъ онъ, жили двое дворянъ, Каразинъ и Биберштейнъ, знакомство съ которыми принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ воспоминаніямъ моей жизни. Василій Назаровичъ Каразинъ, истинный основатель Харьковскаго университета, занимая должность статсъ-секретаря при Александрѣ, навлекъ чѣмъ то недовѣріе Императора и, поселившись среди

<sup>1)</sup> Ibidem, стр. 63—65.

<sup>2)</sup> См. о немъ мою „Украинскую старину“. Х. 1896, стр. 197—254.

<sup>3)</sup> О Ник. Лашенка. Христофоръ, стр. 26—27.

<sup>4)</sup> Ibidem, стр. 67—68.

малорусскаго довольно независимаго дворянства, приобрѣлъ всеобщее уваженіе. Онъ былъ знакомъ со многими языками и литературами Европы; слѣдилъ за всѣми новѣйшими открытіями въ физикѣ и химіи и посвящалъ свое время ученымъ занятіямъ и опытамъ. Исполненный филантропическихъ идей, Каразинъ думалъ даже поставить своихъ крестьянъ на степень гражданъ и ввелъ между ними что-то въ родѣ суда присяжныхъ. Другой изъ этихъ замѣчательныхъ людей, генералъ Маршаль Биберштейнъ, извѣстенъ какъ издатель Кавказской флоры и авторъ путешествія по землямъ, лежащимъ между Терекомъ и Курю. Онъ жилъ недалеко отъ Харькова въ селѣ Мерефѣ, гдѣ и верѣдко проводилъ время и расширялъ свои свѣдѣнія о Кавказѣ. Биберштейнъ первый ввелъ акацію въ украинскую мѣстность и управлялъ шелковичными плантаціями южной Россіи. Находясь въ сношеніяхъ со многими московскими вельможами, онъ получалъ свѣдѣнія о политическихъ дѣлахъ; въ его домѣ узналъ я кое-что о политическомъ положеніи Европы до нашествія Наполеона на Россію и послѣ того услышалъ также о патриотической рѣшимости русскихъ завлечь непріятеля во внутренность страны отступленіемъ *à la manière des Scythes* и пожертвовать даже престольною Москвою<sup>4</sup>.

Женитьба на дочери помѣщика Чернова ввела Роммеля въ помѣщичій кругъ того времени, и онъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о болѣе видныхъ его представителяхъ. Дядя его жены Ковалинскій былъ генералъ-провіантмейстеръ Харьковскаго округа—и эта должность доставляла ему значительные доходы. „Замѣчательную пестроту представлялъ въ Харьковѣ, говоритъ Роммель, домъ Ковалинскаго. Жена его Меланья Григорьевна Лазарева была внучка того армянина, который завладѣлъ огромнѣйшимъ алмазомъ шаха Надира и продалъ его Екатеринѣ II. Некрасивая по наружности, съ большими глазами, съ большимъ носомъ, Меланья Григорьевна была однако-жъ очень умна и любила меня. Пользуясь присутствіемъ моего друга, подковника Бисси, она вздумала завести домашнее ученое общество. Бисси посвящалъ ей свои рисунки, набросанные въ свободные годы; иногда же для развлеченія ей мы составляли концертъ, въ которомъ я держалъ флейту. Я составилъ было планъ помѣстить нашего кругосвѣтнаго путешественника на кафедрѣ астрономіи при университетѣ; но онъ самъ отказался, когда узналъ, что противъ него поднимается интрига. Полковникъ Бисси былъ французскій плѣнный, захваченный при переправѣ черезъ Березину. Онъ родился въ Лондонѣ, изучалъ астрономію во Франціи, подъ руководствомъ Кассини, и въ качествѣ астронома сопровождалъ капитана Бодена во время кругосвѣтнаго путешествія<sup>4</sup>. Генеральша Ковалинская

выбрала учителемъ своему единственному сыну сержанта Данцигскаго гарнизона, родомъ изъ Парижа. Этотъ отчаянный бонапартистъ часто сердилъ насъ донельзя своимъ пахальствомъ. Другомъ дома и главнымъ распорядителемъ по экономической части былъ осьмидесятилѣтній баронъ Гельдъ, бѣжавшій изъ Брабанта во время прежнихъ революцій. Утромъ онъ навѣдывался въ кухню, заказывалъ любимыя свои блюда и, надѣвъ старый рейтскюртъкъ, отправлялся верхомъ на малорослой плохой лошадеикѣ. Слепой почитатель Вольтера, онъ чуть не молился на его портретъ, но совершенно не зналъ нѣмецкой литературы, которую я тщетно прославлялъ. Споры барона съ госпожею Ковалинскою, которая смотрѣла на его старческія слабости съ трогательною снисходительностью, всегда почти начинались фразою: *vous savez, Melanie Gregorowna, que je suis un enfant de la révolution*. Правую руку генерала, по большей части находившагося въ разъѣздахъ, былъ честный старикъ нѣмецъ, Адамъ Христофоричъ, у котораго подъ командою состоялъ маленькій отрядъ кордонныхъ и огромный магазинъ бутылокъ съ разнообразнѣйшими питіями“. Братъ жены Роммеля Андрей Ивановичъ Черновъ пріобрѣлъ огромное состояніе поставками на молдавскую армію и былъ женатъ на дѣвицѣ Энгельгардтѣ, внучатной племянницѣ князя Потемкина. Прекрасный по наружности, великодушный, почти космополитъ по образу мыслей, Черновъ слишкомъ увлекался игрой. Изъ отдаленныхъ губерній съѣзжались къ нему ежегодно одномыслящіе друзья играть въ банкъ. Мнѣ самому случалось видѣть, какъ они ставили по 4000 и 5000, на одну карту. Тутъ мой дядя въ другихъ случаяхъ скупой расплачивался за проигрышъ векселями и на будущіе доходы отъ вина, впередъ за нѣсколько лѣтъ. Здѣсь же видѣлъ я въ первый разъ молодого женина родственника Ивана Михайловича, сына Рязанскаго губернатора, который впоследствии разрушилъ мое семейное счастье. Этотъ миниатюрный Сарданапаль тогда же заключилъ постыдную мѣну съ моею черезъ чуръ снисходительною тетушкою: онъ взялъ у нея молодую турчанку въ обмѣнъ на вѣрнаго мавра; черныи рабъ, скрежеща зубами, бросилъ къ ногамъ своего безчувственнаго господина 100 рублей, предложенные ему въ утѣшеніе. Для характеристики украинскихъ нравовъ разскажу еще о двухъ нашихъ визитахъ. Мы пріѣхали къ одному помѣщику, дочери котораго по старинному русскому обычаю привѣтствовали меня подѣлуемъ; но были сильно смущены, когда старый ихъ папа, не зная ничего о новыхъ учрежденіяхъ и университетахъ въ Россіи, началъ болтать и поставилъ въ одинъ классъ профессоровъ, комедіантовъ и бродягъ.... Тамъ же я встрѣтилъ стараго полковника, добрейшаго крикуна, несмотря на то, что, отходя ко сну,

онъ осмѣлялъ своихъ слугъ страшѣйшими ругательствами. Брань принималась, какъ особый знакъ ласки и возбуждала во мнѣ неумолкаемый хохотъ“.

Таковъ былъ помѣщичій кругъ, какъ его рисуетъ въ живыхъ правдивыхъ портретахъ Роммель. Онъ отличался крайнимъ разнообразіемъ своего состава: тутъ были европейски образованные люди, въ родѣ Каразина и Биберштейна, съ которыми дружески могли сойтись даже иностранные профессора; тутъ были и не столь выдающіеся лица, въ родѣ Ковалинскаго или Чернова, проникнутые однако космополитическими идеями и окружавшія себя въ домашнемъ быту иностранцами; наконецъ, попадались и такіе захолустные старцы, которые не отличали профессора отъ комедіанта и бродяги; но дѣти ихъ уже не были похожи на нихъ. Вообще же можно, кажется, сказать, что въ средѣ помѣстнаго дворянства профессорская коллегія могла найти не мало лицъ достаточно образованныхъ съ развитыми духовными потребностями, вообще близкихъ къ себѣ по ихъ общему культурному развитію. Профессора иностраннаго происхожденія естественно больше тяготѣли къ иностранцамъ. Таковыхъ въ Харьковѣ и губерніи было вообще не много; но къ 1814 году, количество ихъ значительно возросло—появились турецкіе, греческіе и французскіе плѣнные. Турецкіе плѣнные были поселены въ окрестностяхъ Харькова, но самъ губернаторъ приглашалъ ихъ къ себѣ на балы. Первое мѣсто между плѣнными занимали прежній господарь Молдавіи и Валахіи Карлъ Каллимахи и его министръ Ѳеодоръ Негри“. Роммель близко сошелся съ тѣми и другими. „Оба они свободно объяснялись, рассказываетъ онъ, по французски, рассказали мнѣ о различныхъ качествахъ турокъ, сидѣвшихъ вокругъ насъ, и выразили желаніе прослужать у меня особый курсъ римской литературы. Каждый день ѣздилъ я на ихъ квартиру и во время лекцій, при которыхъ присутствовалъ также секретарь господара, меня угощали трубкою турецкаго табаку и чашкою левантскаго кофе, приготовляемаго слугою на нашихъ глазахъ. Мои лекціи начались краткимъ курсомъ грамматики; приготовленіе на дому и природныя дарованія моихъ учениковъ очень облегчили меня. Дѣло пошло успѣшно и скоро мы перешли къ Проперцію и Тибуллу, любимымъ писателямъ господара. Кроткій, милый его характеръ видѣть какъ изъ этого выбора, такъ и изъ нѣжной его переписки съ молодою женою, оставшеюся въ Константинополѣ. Негри имѣлъ болѣе философское направиленіе; по его желанію, переведено было на французскій и латинскій языки нѣсколько лучшихъ плѣмечныхъ сочиненій по философіи“... Конечно, не одинъ Роммель находился въ общеніи съ указанными выше разрядами тогдашняго харьковскаго общества, а и многіе другіе, какъ иностранцы, такъ и русскіе.

Остановимся теперь подробнѣе на отношеніи мѣстнаго дворянскаго и чиновничьяго элемента къ университету, какъ представителю высшаго образованія. Вопросъ этотъ требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія особенно въ виду того, что по поводу его источники разнотласятъ между собою. Остановимся на трехъ изъ нихъ—свидѣтельствахъ гр. Потоцкаго, Роммеля и Розальонъ-Сошальскаго.

С. О. Потоцкій пріѣхалъ въ Харьковъ къ открытію университета 17 января, 1805 года. Описывая торжество открытія, онъ пишетъ официально министру: „присутствовавшіе при этомъ дворяне и граждане принимали также участіе въ этомъ торжествѣ; они, казалось, забывали тѣ неудовольствія, кои оказывали доселѣ нѣкоторые изъ нихъ, видя, что опредѣляемые ими суммы назначаются не на военное училище, изъ котораго бы дѣти ихъ выходили съ званіемъ военнаго офицера; забывали тѣ роптанія, которые изъявляли время отъ времени о сдѣланныхъ ими пожертвованіяхъ и вкушали чистѣйшее удовольствіе достойное благородныхъ сердецъ! „Въ другомъ частномъ письмѣ тому же гр. П. В. Завадовскому гр. С. О. Потоцкій говоритъ: „сколько затруднительна и непріятна была дорога, однако при всемъ томъ не сожалѣю я, что рѣшился ѣхать въ Харьковъ. Многочисленное стеченіе дворянства, съѣхавшагося въ это время частію по причинѣ ярмарки, частію для открытія университета доставило мнѣ удобный случай имѣть понятіе объ образѣ мыслей здѣшнихъ жителей въ разсужденіи воспитанія дѣтей своихъ. Чѣмъ болѣе познаю я эту страну, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь я, что она весьма различествуетъ отъ другихъ странъ, которыя ревностно бы воспользовались благотворными средствами, ведущими къ просвѣщенію. Въ мѣстахъ этихъ науки имѣютъ не довольно пріятностей, чтобъ сами собою могли привлекать къ себѣ и надлежитъ употреблять различные способы, чтобъ показать ихъ цѣну; необходимо изыскивать всѣ средства, чтобъ пріохотить, чтобъ убѣдить воспользоваться ими; это самое заставляетъ меня посѣщать эту страну сколько возможно чаще“. Затѣмъ далѣе гр. Потоцкій говоритъ о ревности къ просвѣщенію и расположеніи къ университету мѣстнаго преосвященнаго (Христофора Сулимы), которому и проситъ дать орденъ Анны 1-й степени (что и было исполнено). „Высочайшее благоволеніе, изъявленное ему по такому случаю, возбудить другихъ съ большимъ усердіемъ относиться къ наукамъ и принесть обильную пользу университету и другимъ учебнымъ заведеніямъ“<sup>1)</sup>. Роммель, сообщивъ, что ординарные профессора кромѣ обыкновенныхъ дворянскихъ преимуществъ

<sup>1)</sup> Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 5520/153.

состояли еще въ 7 классѣ по должности, т. е., имѣли чины надворныхъ совѣтниковъ или подполковниковъ, прибавляетъ: „можно составить себѣ понятіе о зависти и недоброжелательствѣ, съ какими чиновлюбивое и нетерпѣвшее ученья туземное дворянство преслѣдовало профессоровъ, особенно иностранныхъ, наперекоръ благимъ намѣреніямъ правительства. Эти непріязненные чувства закоснѣлыхъ русскихъ, не умѣвшихъ отличить тѣхъ искателей приключеній, неучей, которые наплывали во времена Екатерины и величались самозваннымъ титуломъ профессоровъ, отъ новыхъ профессоровъ, вызванныхъ изъ заграничныхъ университетовъ, подбавили шиши ко всеобщей ненависти противъ иностранцевъ, дошедшей до опаснаго раздраженія при нападении французовъ“. Послушаемъ теперь, что говорить по этому поводу представитель дворянской среды, бывший студентъ Харьковскаго университета, Розальонъ-Сошальскій. „Невѣрна, говоритъ онъ, выписка въ статьѣ г. К—аго изъ письма попечителя университета министру просвѣщенія: „не чувствуя благотворнаго вліянія наукъ или имѣя о нихъ весьма темное понятіе, не радѣютъ они (дворяне) о воспитаніи дѣтей своихъ, будучи лишены всѣхъ нужныхъ къ тому средствъ“. Или, что значать эти слова: „они лучше соглашаются записать ихъ въ службу, остави навсѣгда необразованными, нежели усовершенствовать ихъ знанія, и не хотятъ позволять дѣтямъ своимъ выше 14 лѣтнаго возраста посѣщать гимназій“<sup>1)</sup>? Здѣсь на столько правды, насколько неоспоримо то, что образованіе подвигается всегда постепенно, что экономическія причины родителей часто лишаютъ ихъ возможности даже при желаніи давать дѣтямъ высшее образованіе, что безпрестанныя войны того времени должны были увлекать молодыхъ дворянъ на поле чести и отличій, но во всякомъ случаѣ слова эти заключаютъ болѣе несправедливаго обвиненія, чѣмъ истины. Не думаю, чтобы отецъ мой былъ исключеніемъ между дворянами, но онъ сильно сочувствовалъ образованію, хотя, какъ самъ выразился, выучился грамотѣ кое какъ у дьяка за мѣдные гроши; онъ часто говорилъ мнѣ, что дворянинъ долженъ быть просвѣщенъ, прибавляя иногда: въ военной службѣ можно пожалуй еще служить и недоучкѣ, но для гражданской необходимы познанія (самъ отецъ, прослуживши 6 лѣтъ вахмистромъ—унтеръ-офицеромъ въ Харьковскомъ гусарскомъ полку, съ сильною раною—пикомъ въ животъ во время крымской войны—вышелъ въ отставку прапорщикомъ и какъ не служившій въ офицерскомъ чинѣ не имѣлъ голоса и стула въ дворянскомъ собраніи). Когда отецъ возвратился изъ Харькова съ торжества при открытіи университета, то раз-

<sup>1)</sup> См. это письмо на 787 стр. настоящаго труда.

сказывалъ объ этомъ съ такимъ энтузіазмомъ, говоря о произнесенныхъ рѣчахъ, о блестящихъ надеждахъ для общества отъ просвѣщенія (вообще же онъ былъ задумчивъ и больше молчаливъ), что и слушая его ощущалъ, будто бы меня окружало какое то обаяніе; и всегда былъ впечатлителенъ. Но дѣйствительно были дворяне со средствами, превосходившими средства моего отца, которые не торопились опредѣлять сыновей въ университетъ. Въ 1814—1816 гг. вмѣстѣ со мною было уже больше ста студентовъ, большею частью дворянъ изъ всѣхъ губерній Харьковскаго учебнаго округа. Могло быть, что такому взгляду на образованіе, какое въ тогдашней нашей мѣстности имѣлъ мой отецъ и тѣ, кто одинаково съ нимъ мыслить, содѣйствовала весьма естественная и позволительная надежда, что сыновья ихъ, молодые люди съ хорошими способностями, могли, получивъ полное образованіе пойти по слѣдамъ Сперанскаго, котораго быстрая карьера производила тогда большой эффектъ. Отцу моему, если и могла его воодушевлять подобная надежда, не удалось видѣть ея осуществленія. Старшій братъ мой, оставившій университетъ кандидатомъ и вступившій въ статскую службу въ Петербургѣ, имѣлъ характеръ больше созерцательный, безъ малѣйшаго честолюбія (второй вступилъ въ военную службу, но также двигался не особенно быстро по служебной лѣстницѣ). Разочарованіе моего отца могло быть причиною, почему на мое образованіе уже не было обращено такой заботливости, какъ на воспитаніе старшихъ братьевъ. По отѣздѣ ихъ въ Петербургъ я учился, просто ходя въ учебныя заведенія съ квартиры безъ иныхъ сопряженныхъ съ издержками пособій<sup>1)</sup>.

Такъ говорятъ три современника. Кто же изъ нихъ ближе къ истинѣ — Потоцкій съ Роммелемъ или Розаліонъ-Сошальскій? Мы думаемъ, что послѣдній. Ему лучше могло быть извѣстно настроеніе той среды, къ которой онъ самъ принадлежалъ. Онъ не скрываетъ, что практическіе мотивы имѣли большое значеніе въ глазахъ его отца и многихъ другихъ дворянъ при опредѣленіи ихъ сыновей въ университетъ; онъ отмѣчаетъ и тотъ фактъ, что первоначально въ университетѣ было больше семинаристовъ, чѣмъ дворянъ, но что число этихъ послѣднихъ все болѣе и болѣе возрастало и этотъ фактъ подтверждается тѣми документальными данными, которыя приведены нами въ главѣ о студентахъ<sup>2)</sup>. Вообще извѣстія Розаліонъ-Сошальскаго по этому вопросу отличаются строго фактическимъ характеромъ, а его объясненія даннаго явленія представляются намъ вполне удовлетворительными. Само собою разу-

<sup>1)</sup> Харьк. губ. вѣд. 1869 г. № 43.

<sup>2)</sup> См. 810—811 стр. настоящаго труда.

мѣется, что одно изъ нихъ (сильное впечатлѣніе отъ быстрой служебной карьеры Сперанскаго) должно быть расширено: людей, которымъ образованіе проложило дорогу къ чинамъ и хорошимъ должностямъ, было не мало, да и самъ Харьковскій университетъ представлялъ тому убѣдительныя доказательства, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ Роммель; дѣйствительно не только чиновники, но и дворяне могли завидовать профессорамъ университета, такъ высоко поставленнымъ въ отношеніи табели о рангахъ, да и не однимъ профессорамъ, а и магистрамъ и докторамъ, что и побуждало, какъ мы знаемъ, многихъ добиваться этихъ ученыхъ степеней. Въ частности слѣдуетъ замѣтить, что на отзывѣ Роммеля отразилась реакція противъ иностранцевъ, вызванная Наполеоновскимъ нашествіемъ (онъ пріѣхалъ, какъ мы знаемъ, въ Харьковъ въ 1811 году). Что касается Потоцкаго, то на его заключеніи о нерасположеніи тогдашняго дворянства къ высшему образованію должны были отразиться, думается вамъ, два обстоятельства — незначительное число лицъ изъ дворянскаго сословія, желавшихъ вступить въ студенты вновь открытаго Харьковскаго университета и оппозиція, поднятая нѣкоторыми дворянами противъ обязательной раскладки суммы на учрежденный въ Харьковѣ университетъ, ясно и реально обнаружившаяся къ этому времени и производшая чрезвычайно непріятное впечатлѣніе на Потоцкаго.

Здѣсь мы должны прибавить, что отношеніе дворянства къ университету было не одинаково въ различные моменты его существованія. Въ 1803—1804 году В. Н. Каразинъ съумѣлъ заразить своимъ энтузіазмомъ большинство лицъ, присутствовавшихъ въ засѣданіи губернскаго собранія въ Харьковѣ. Тутъ оказало свое вліяніе и извѣстное намъ грандіозное „предначертаніе“ его объ университетѣ, по которому въ этомъ учебномъ заведеніи предполагалось военное отдѣленіе, т. е., какъ бы кадетскій корпусъ, о каковомъ мечтало харьковское дворянство; тутъ предполагалось, что дворянство будетъ принимать участіе въ управленіи университетомъ; по крайней мѣрѣ къ этому стремился В. Н. Каразинъ... Однако вмѣсто этого широкаго „предначертанія“ дарованъ былъ уставъ 1804 года, въ которомъ не оказалось мѣста ни военному факультету, ни дворянскимъ депутатамъ... Это было первое разочарованіе; за нимъ послѣдовали другія. Подъ вліяніемъ порыва, страстной рѣчи В. Н. Каразина, въ благодарность за предоставленныя въ это время льготы, ассигновали 400000 р., но когда дѣло дошло до взносовъ, то наступила реакція, захватившая многихъ; появились недоимки, неизбежныя взысканія, раздражавшія неисправныхъ. 17 января 1805 г., т. е. день открытія университета, еще на время подогрѣло прежній энтузіазмъ; всѣхъ окрыляла надежда на великія блага отъ новаго распад-



вика прсвѣщенія, но за тѣмъ, послѣ этого свѣтлаго праздника, наступили будни, пошли обычныя занятія въ университетѣ. В. Н. Каразинъ, бывшій душою дѣла, истинный виновникъ основанія университета въ Харьковѣ, былъ насильственно отстраненъ отъ своего любимого дѣтища; онъ не присутствовалъ даже при открытіи университета да и послѣ между нимъ и университетомъ существовали натянутыя отношенія; въ 1805 г. даже выборъ его въ почетные члены университета былъ найденъ преждевременнымъ и онъ былъ избранъ только въ 1811 г. Изъ довѣреннаго любимца юнаго государя, вліятельнаго патріота своего края, онъ сдѣлался богодуховскимъ зауряднымъ помѣщикомъ, разорившимся на свои общественныя и филантропическія затѣи, къ тому же опальнымъ и поднадзорнымъ... Харьковскій университетъ теперь получалъ штатныя суммы на свое содержаніе изъ средствъ государственнаго казначейства и его благосостояніе не зависѣло, какъ это было до его открытія, отъ правильнаго поступленія дворянскихъ суммъ; на эти послѣднія хотѣли теперь строить новыя зданія на принадлежавшей университету по Сумскому шоссе земель, но все это не выходило еще изъ области *pium desiderium*, вообще же говоря, финансовое положеніе университета и безъ этихъ средствъ было, какъ мы видѣли, блестящее. Университетъ не сдѣлался такимъ общественнымъ учрежденіемъ, какимъ рисовали его въ своемъ воображеніи В. Н. Каразинъ и кучка его единомышленниковъ—это была юридическая единица, надѣленная автономіей и многими функціями чисто правительственной власти, подчиненная только министру народнаго просвѣщенія и его мѣстному представителю—попечителю округа. Вскорѣ послѣ основанія университетъ получилъ еще одно право, которое ставило его въ очень исключительное, властное отношеніе къ чиновничьей служилой средѣ: я имѣю въ виду извѣстный указъ Сперанскаго 6 августа 1809 г., требовавшій отъ чиновниковъ, не бывшихъ въ университетѣ, экзамена въ немъ для полученія чина коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника. Мы видѣли (571—572 стр. настоящаго труда), что эта мѣра не привела ни къ чему, а между тѣмъ возбудила неудовольствіе и зависть по отношенію университета въ мѣстной бюрократіи. Нашествіе Наполеона, занятіе имъ Москвы и пробужденіе русскаго національнаго чувства вызвали повсюду и во всѣхъ слояхъ общества сильную реакцію противъ французовъ и вообще иностранцевъ. Эта реакція коснулась и профессоровъ иностранцевъ, бывшихъ преподавателями въ Харьковскомъ университетѣ. На ней мы остановимся подробно, а теперь скажемъ еще, что послѣдней причиной, вызвавшей сильное движеніе противъ университета среди харьковскаго дворянства было извѣстіе о желаніи его перевестись въ

другой городъ, что имѣло мѣсто въ 1814 г. Во главѣ этого движенія что и понятно—сталъ В. Н. Каразинъ, который никакъ не могъ помириться съ мыслью о переводѣ университета изъ Харькова въ другой городъ и судя по одному выраженію приведеннаго нами доклада министра государю, ставилъ въ связь этотъ переходъ съ безпорядками, бывшими въ университетѣ, т. е. очевидно, намекалъ на печальный эпизодъ ректорства Стойковича. Дѣйствительно, это дѣло должно было набросить тѣнь и на университетъ, въ особенности въ глазахъ тѣхъ, кои и раньше были имъ недовольны, завидовали ему и теперь воспользовались благоприятнымъ случаемъ, чтобы поставить въ вину всей коллегіи преступленіе ея выборного главы.

Указавъ на причины, приводившія къ розни мѣстную и университетскую среду, остановимся теперь подробнѣе на той изъ нихъ, о которой мы пока ничего не говорили—на реакціи противъ иностранцевъ, вызванной Наполеоновскимъ нашествіемъ. Какъ отразилось это послѣднее у насъ въ Харьковѣ?

Роммель говорить, что все населеніе въ Харьковѣ проникнуто было патріотическимъ чувствомъ, но что среди дворянства оказалось нѣсколько фамилій польскаго происхожденія, относившихся съ уваженіемъ къ Наполеону и нерасположеніемъ къ Россіи. „Нашествіе французовъ и первыя извѣстія о движеніи Наполеона по московской дорогѣ произвели на жителей Харькова самыя разнообразныя впечатлѣнія. Генераль фонъ Биберштейнъ съ полною увѣренностью предсказывалъ гибель всей Наполеоновской экспедиціи. Тоже самое желаніе и тѣ же надежды выражали не только русскіе патріоты, но почти и всѣ переселившіеся нѣмцы. Напротивъ, между старыми дворянскими фамиліями изъ поляковъ было не мало такихъ, которыя утѣшали себя мыслью, что для Россіи пробилъ послѣдній часъ. Быть можетъ, Наполеонъ нашелъ бы въ Украинѣ, богатой жизненными припасами и скотомъ, вѣрныя лагерь на зиму до другого болѣе счастливаго исхода. Но не зная объ этой симпатіи или страшась участи Карла XII и не имѣя понятія о рѣшительномъ патріотизмѣ русскихъ и влияніи ихъ духовенства, слишкомъ самоувѣренно рассчитывалъ на то, что въ древней столицѣ Московіи предпріиметъ миръ. Вскорѣ послѣ убійственнаго сраженія при Можайскѣ, мнѣ случилось быть очевидцемъ той древнеримской твердости, какую выказали всѣ русскіе приглашенные губернаторомъ, въ день тезоименитства Императора. Каждому изъ нихъ суждено было облакить въ своей семьѣ смерть близкаго родственника. Въ многочисленномъ обществѣ, за столомъ, не было произнесено почти ни одного слова, кромѣ обычнаго заздравнаго тоста, переходившаго кругомъ вмѣстѣ съ бокаломъ; без-

молвная, но тѣмъ болѣе выразительная рѣшимость непреклоннаго патриотизма была на лицахъ у всѣхъ присутствовавшихъ. Велѣдъ затѣмъ я узналъ, съ какою необыкновенною силою поднялось общественное мнѣніе и какъ оно, никого не щади и съ презрѣніемъ минуя Барклая де Толли, какъ иностранца, потребовало въ полководцы чистаго русскаго, Кутузова. Общее недовѣріе къ иностранцамъ съ начала, казалось намъ, не коснулось университета, потому что плѣмцы низшаго сословія, которымъ вообще предписано было переселиться за Волгу, получали дозволеніе остаться, если только члены университета брали ихъ на поручительство. Первый изъ плѣнныхъ французскихъ офицеровъ, появившихся въ Харьковѣ, былъ генераль Феррье, адъютантъ Мюрата, взятый въ плѣнъ недалеко отъ Калуги, гдѣ Кутузовъ занялъ знаменитую свою позицію. Феррье велъ себя съ большимъ достоинствомъ, когда извѣстный намъ предсѣдатель Мюнстеръ вздумалъ было безъ всякаго права допрашивать его о силахъ французской арміи и т. п. Впослѣдствіи (въ апрѣлѣ 1813 г.) пріѣхалъ полковникъ Бисси изъ корпуса Удино; съ жалкой отведенной ему квартиры я пригласилъ его къ себѣ. Этотъ многознающій дорогой мой товарищъ и учитель англійскаго языка былъ осыпанъ милостями Наполеона; но не смотря на то, онъ объявилъ себя рѣшительно въ пользу Бурбоновъ, какъ только попалась ему въ руки напечатанная въ Парижѣ прокламація императора Александра. Бисси подвергся за то оскорбленіямъ, изъ которыхъ видно, какъ велики были даже внутри Россіи упорство и наглость бонапартистовъ. Бисси, приглашенный предсѣдателемъ на обѣдъ вмѣстѣ съ другими французскими офицерами изъ Данцигскаго гарнизона, присланными въ Харьковъ, вошелъ въ комнату съ бѣлою кокардою и прокламаціею въ рукахъ; тогда противники его чуть не сорвали съ него ордена почетнаго легіона, на глазахъ малодушнаго хозяина дома; въ величайшемъ негодованіи и волненіи полковникъ прибѣжалъ ко мнѣ. Тоже грозили сдѣлать съ нимъ на улицѣ нѣкоторые польскіе офицеры, потому что заклятая ненависть между русскими и поляками, передавшимися Наполеону и дурно награжденными, достигла въ это время высшей степени. Поляки открыто осыпали также беспощадною бранью австрійцевъ и пруссаковъ. Я вынужденъ былъ обратиться съ жалобой къ губернатору Бахтину, который при обмѣнѣ французскихъ плѣнныхъ снабдилъ нашего любимца особымъ паспортомъ“.

Розальонъ-Сошальскій рѣшительно опровергаетъ извѣстіе Роммеля о сочувствіи къ Наполеону дворянскихъ украинскихъ семействъ. „Вопервыхъ, говоритъ онъ — какія это фамиліи польскаго происхожденія? Я знаю, что предокъ мой вышелъ изъ завоеваннаго польскаго края,

нынѣшнихъ западныхъ губерній, едва ли даже не изъ Галиціи. Вѣроятно, тоже было съ родоначальниками Шидловскихъ, Захаржевскихъ, Капустянскихъ, Богуславскихъ и прочихъ *скихъ*, но всѣ они были православные, слѣдовательно, не поляки. Во-вторыхъ, могло бы статься, что простой народъ, у котораго тогда поговорка — „хоть гирше, абы нынше“ — была еще въ большомъ почетѣ, не оказалъ бы такого ожесточенія противъ враговъ, какое встрѣтили они у великороссіянъ; но всѣ сословія, стоявшія выше, а тѣмъ болѣе дворянство были одушевлены глубокимъ негодованіемъ и высокимъ патріотизмомъ противъ враговъ, осмѣлившихся нарушить неприкосновенность отечества. Все, отъ мала до велика, и младъ, и старъ было проникнуто чувствами этими. Я былъ въ 1812 года по 15 году. А. И. Коссовскій привезъ меня на вакацію и вмѣстѣ сообщилъ родителямъ моимъ копію письма императора Александра Павловича князю Н. И. Салтыкову о нашествіи галловъ. Выраженіе: „пока хотя одинъ врагъ останется на землѣ русской, не опущу меча“ приводило всѣхъ въ восторгъ. Видно, что молва разносила роковую вѣсть очень быстро, потому что два часа спустя послѣ нашего пріѣзда примчался верхомъ въ домъ нашъ мой дядя, крутой старикъ, лѣтъ 65, съ этою же новостію и, увидѣвши заржавленную саблю моего отца, сорвалъ ее со стѣны, выдернулъ изъ ноженъ, вскричавъ: „я и самъ пойду помогать сыновьямъ“ (ихъ было у него четверо въ войскахъ), „еще будетъ столько силы, чтобы разрубить суностату хребетъ“. Я и трое однолѣтковъ, двоюродныхъ братьевъ моихъ, мы только о томъ и думали, въ какихъ буеракахъ, балкахъ и провальяхъ, за какими курганами удобнѣе было бы подстерегать злодѣевъ, если бы пришли. Долго отецъ не отправлялъ меня въ Харьковъ, но наконецъ отослалъ. Въ Харьковѣ было большое уныніе; говорили: „вѣрно взята Москва“; не было петербургско-московской почты. Вечеромъ того дня, когда я пріѣхалъ, узналъ, что почта прибыла. Коссовскій немедленно поѣхалъ и я съ нимъ. Зданіе почтовой конторы было окружено огромною толпою. А. И. вошелъ въ домъ къ почтмейстеру; пробывъ довольно долго и вышедши, объявилъ, что непріятель въ Москвѣ, а почта объѣзжала на Ярославль. Въ комнатѣ, гдѣ я жилъ съ сыномъ К.... уже студентомъ, висѣла на стѣнѣ карта Россіи. Я очень часто стоялъ передъ нею погруженный въ горе о невзгодѣ отечества и въ стратегическія по мѣрѣ разумѣнія соображенія о томъ, какія бы мѣры предпринять для уничтоженія врага. Наконецъ, у меня родилась мысль идти въ Москву, втереться во дворецъ, гдѣ жилъ Наполеонъ, въ качествѣ истопника или дровноса для того, чтобы застрѣлить или инымъ образомъ извести его. Я жалѣлъ, что было такъ далеко. Конечно, это

были грезы воспримчиваго ребенка, но они доказываютъ, какое было настроеніе украинскаго дворянства. Вотъ еще обстоятельство. Когда было получено первое свѣдѣніе о какомъ то успѣхѣ нашихъ войскъ, чуть ли не Тарутинскомъ сраженіи, то учитель пришелъ въ классъ, продиктовалъ ученикамъ реляціи и распустилъ учениковъ по домамъ, чтобы сообщили родителямъ или тѣмъ, у кого квартировали и это произвело общій восторгъ, ибо почти еще никому не было извѣстно. Еще можно спросить, какихъ благъ могли ожидать украинскіе дворяне хотя бы и польскаго происхожденія отъ счастливой звѣзды Бонапартовой, съ паденіемъ Россіи, которой государи упорчили быть русскаго дворянства. Неужели могло возбудить въ нихъ зависть положеніе французскихъ эмигрантовъ, приходившихъ въ Россію искать пропитанія?<sup>1)</sup>

Можно думать, что Роммель обобщилъ какіе нибудь частные случаи приверженности къ Наполеону дворянскихъ украинскихъ фамилій, (а при тогдашней всеобщей подозрительности сдѣлать это было не трудно), но что во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду не малороссійскія православныя, а польско-католическія фамиліи. Что касается извѣстія Розальонъ-Сошальскаго, то въ немъ произвольной представляется намъ догадка объ отсутствіи патріотизма у простого народа; существованіе пословицы — чы гирше, абы инше — едва ли можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для такого заключенія; спокойное же отношеніе народа къ французамъ объясняется тѣмъ, что онъ непосредственно съ ними не соприкасался, между тѣмъ какъ великорусскому населенію пришлось испытать на себѣ всю тяжесть непріятельскаго погрома; интеллигенція знала изъ газетъ всѣ подробности Наполеоновскаго нашествія и могла сознательно отнестись къ этому событію; до простого же народа могли доходить объ этомъ только неясныя, сбивчивыя слухи и при томъ какъ о чемъ то очень отдаленномъ. Но и среди простого народа существовало какое то возбужденіе противъ иностранцевъ; доказательствомъ этого можетъ служить фактъ избіенія плѣнныхъ турокъ и арнаутовъ валковскими крестьянами и солдатами.

Всеобщее патріотическое настроеніе подтверждается и другими свѣдѣтельствами. Мы имѣемъ въ виду письма Александра Ивановича Лазича къ Екатеринославскому помѣщику Никону Андреевичу Андрееву. Лазичъ раньше былъ учителемъ въ Екатеринославской гимназіи, а потомъ сдѣлался воспитателемъ его сына, который, какъ мы знаемъ, былъ студентомъ Харьковскаго университета и въ 1814 г. держалъ тамъ кандидатскій экзаменъ. Сборникъ этихъ писемъ былъ найденъ мною при

<sup>1)</sup> Харьк. Губ. Вѣдом. 1869 г. № 44.

разборъ библіотеки этого Андреева въ Козырщинѣ и переданъ въ библіотеку Императорскаго Харьковскаго университета. Я указалъ на этотъ источникъ проф. В. К. Надлеру, который сдѣлалъ оттуда извлеченіе въ своемъ соч. „Имп. Александръ I и идея священнаго союза“. Къ сожалѣнію, въ настоящее время этой рукописи нѣтъ на мѣстѣ въ библіотекѣ и я лишенъ возможности пользоваться ею для своего нынѣшняго труда, хотя она заключаетъ въ себѣ цѣнные матеріалы и для исторіи Харьковскаго университета, и для исторіи г. Харькова <sup>1)</sup>. Въ виду этого я позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ труда В. К. Надлера, въ которыхъ рисуется состояніе и настроеніе Харьковскаго общества во время Наполеоновскаго вторженія по письмамъ Лазича. Письма Лазича являются намъ свидѣтельствомъ, идущимъ отъ русскаго чело-

<sup>1)</sup> О богатомъ содержаніи ея даютъ понятіе слѣдующія слова проф. В. К. Надлера: „Д. И. Багалій нашелъ рукопись въ селеніи Козырщинѣ, бывшемъ имѣніи Андреева, и представилъ ее въ настоящее время въ библіотеку Харьковскаго университета. Рукопись эта доставлена намъ доцентомъ Императорскаго Харьковскаго университета Д. И. Багаліемъ, которому мы изъявляемъ при этомъ случаѣ нашу глубокую признательность. Рукопись относится къ Александровской эпохѣ и состоитъ изъ сборника писемъ бывшаго учителя Екатеринославской гимназіи, а затѣмъ воспитателя въ частномъ домѣ Александра Павловича Лазича къ отцу его питомца помѣщику Никону Андреевичу Андрееву. Предполагая напечатать въ скоромъ времени болѣе подробную статью объ этой рукописи мы ограничимся при этомъ случаѣ лишь нѣсколькими заключеніями. Въ рукописи, переплетенной въ довольно изысканный томъ, находятся 85 писемъ А. П. Лазича къ Н. А. Андрееву, одно письмо питомца Лазича, Александра Никоновича Андреева къ отцу, одно письмо старшаго Андреева, договоръ Андреева съ Лазичемъ, счетъ товаровъ, купленныхъ въ Харьковѣ Лазичемъ для Андреева, въ августѣ мѣсяцѣ 1813 г. и нѣкоторые другія приложенія. Изъ писемъ А. М. Лазича два относятся къ 1809 г., два къ 1810 г., 6 къ 1811 г., 30 къ 1812, 28 къ 1813, 14 къ 1814 и 3 къ 1815 г. Содержаніе писемъ самое разнообразное: хозяйственное, чисто личное, педагогическое, политическое. Уже съ 1809 г. встрѣчаются политическіе слухи и толки по поводу австро-французской войны. Съ 1812 г. особенно съ осени письма наполнены политическими извѣстіями, согласно желанію, выраженному Н. А. Андреевымъ. Встрѣчаются кромѣ того и другія въ высшей степени интересныя извѣстія и замѣтки. Авторъ даетъ между прочимъ цѣлый рядъ данныхъ о цѣнахъ на жизненные продукты и различные товары, о денежномъ курсѣ, о квартирахъ въ г. Харьковѣ, объ университетѣ, объ экзаменахъ, о гонорарѣ получаемомъ тогдашними профессорами (нужно замѣтить, что въ доброе старое время зажиточные родители не оставляли своихъ сыновей въ университетѣ безъ руководителей и воспитателей). Всякій хотя сколько нибудь знакомый съ бѣдностью нашей мемуарной литературы, особенно на югѣ Россіи, легко пойметъ, какое важное значеніе имѣетъ этотъ сборникъ писемъ, остававшійся до сихъ поръ въ совершенной неизвѣстности. Читая эти письма, мы узнаемъ изъ ихъ краткихъ и случайныхъ замѣтокъ гораздо болѣе о Харьковѣ и Харьковскомъ обществѣ начала нашего столѣтія, нежели изъ сухихъ официальныхъ данныхъ или воспоминаній такъ называемыхъ старожиловъ“. (Императоръ Александръ I и идея священнаго союза. 1886 г. т. II, стр. 16—17, примѣч.).

вѣка и могутъ служить такимъ образомъ дополненіемъ и провѣркою показаній иностранца Роммеля. Ихъ значеніе усиливается тѣмъ что авторъ писалъ ихъ свободно, не предназначая для печати. Хотя Харьковъ былъ далеко отъ театра военныхъ дѣйствій, но война давала себя чувствовать и здѣсь все усиливавшеюся дороговизной. „Если еще въ началѣ войны колоніальныя и мануфактурныя товары страшно поднялись въ цѣнѣ, если пудъ сахара продавался напримѣръ по 86 рублей, то по мѣрѣ развитія войны, по мѣрѣ усиливающихся на всѣ мѣстныя произведенія. Курсъ упалъ страшно и серебряный рубль стоилъ 5 р. асиг., червонецъ продавался по 13 руб.; чѣмъ ближе надвигалось нашествіе, тѣмъ больше увеличивалась дороговизна. Масса иногороднихъ, по всей вѣроятности бѣглецовъ съ сѣвера, стекалось въ Харьковъ. Цѣна на квартиры поднялась до небывалыхъ размѣровъ (за квартиру въ 5 комнатъ платили тогда 300 р. безъ дровъ—цѣна чрезвычайно высокая для того времени). Уныніе и страхъ распространились въ обществѣ. Въ половинѣ сентября въ Харьковъ пришла грозная вѣсть о потерѣ Москвы... Настроеніе было въ первое время самое тяжелое“... оставалась одна надежда на армію. „Сказавъ объ отступленіи нашей арміи въ совершенномъ порядкѣ на Рязанскую дорогу, Лазичъ продолжаетъ: „сіе великую надежду подаетъ всякому доброжелательному гражданину, полагающему упованіе на Бога, храбрость своихъ соотечественниковъ, наступающую зиму и чрезвычайную обширность государства особливо, если къ этому присовокупить великій во всѣхъ сраженіяхъ уронъ непріятели и затрудненіе въ продовольствіи арміи“. Не трудно замѣтить, что въ этихъ немногихъ словахъ очерчено какъ вельзя болѣе вѣрно общее положеніе дѣла и съ поразительною ясностью указаны всѣ тѣ моменты, которые должны привести къ гибели непріятели“<sup>1)</sup>. Враждебное отношеніе къ иностранцамъ усиливалось. При такомъ патріотическомъ настроеніи дѣло нерѣдко доходило даже до излишней подозрительности, яркимъ примѣромъ которой можетъ служить извѣстный намъ Цебриковъ въ его путевыхъ очеркахъ отъ Петербурга до Харькова и описаніи Харьковскаго общества того времени. Ему вездѣ чудятся французскія интриги; всѣхъ французовъ онъ заподозриваетъ въ политическихъ проискахъ; онъ не щадитъ самыхъ рѣзкихъ эпитетовъ для характеристики французской націи и ея представителей. Понятно, каково было положеніе профессоровъ французскаго происхожденія въ Харьковскомъ университетѣ. Съ другой стороны противъ нихъ и вообще всего французскаго выступалъ, какъ мы

<sup>1)</sup> В. К. Надлеръ. Императоръ Александръ I и идея священнаго союза, т. II, стр. 19—20.

знаемъ, въ своихъ публичныхъ рѣчахъ неистовый галлофобъ Шадъ; въ русскомъ же обществѣ, благодаря проснувшемуся національному чувству, нерасположеніе росло не только противъ французовъ, но и вообще противъ всѣхъ иностранцевъ, противъ всего иноземнаго. Да и само правительство относилось тогда подозрительно къ иностранцамъ и принимало противъ нихъ серьезныя стѣснительныя для нихъ мѣры. Такъ, въ это время былъ произведенъ „разборъ иностранцевъ“. Въ Харьковскомъ университетѣ были составлены вѣдомости о всѣхъ профессорахъ, адъюнктахъ, студентахъ и низшихъ служащихъ иноземнаго происхожденія, съ ихъ семьями. Со всѣхъ ихъ была взята подписка, что всѣ свои письма, по-посылаемыя за границу или въ тѣ мѣста Россійской Имперіи, гдѣ находился тогда непріятель, они будутъ предварительно показывать правленію университета, чтобы въ нихъ неоказалось чего либо вреднаго для государства; почтовая контора съ своей стороны не должна была получать такихъ писемъ непосредственно изъ ихъ рукъ или отъ ихъ слугъ. Списокъ иностранцевъ правленіе представило губернатору и съ его заключеніями о каждомъ изъ нихъ отравило министру <sup>1)</sup>. Отъ замѣчанія же губернатора зависѣло или оставленіе иностранцевъ въ городѣ, или высылка ихъ за границу, или ссылка въ другіе города. За всѣхъ оставляемыхъ на мѣстѣ губернаторы должны были дать личное ручательство въ ихъ полной политической благонадежности. Все это нужно было привести въ исполненіе съ возможною поспѣшностью. Въ такомъ смыслѣ министръ полиціи получилъ приказъ отъ Государя. Подобные списки университетъ долженъ былъ доставить обо всѣхъ иностранцахъ, состоявшихъ на службѣ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, включивъ сюда и содержателей пансіоновъ, и преподавателей въ нихъ <sup>2)</sup>. Только въ 1814 г. въ правленіи былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы въ Германію разрѣшено было отправлять письма безъ цензуры, такъ какъ она сдѣлалась союзницей Россіи <sup>3)</sup>.

Можно представить себѣ, какъ эта цензура писемъ была тягостна для иностранцевъ. Мы имѣемъ въ этомъ отношеніи два характерныхъ свидѣтельства современниковъ. Въ 1815 г. профессоръ Швейкартъ подалъ въ совѣтъ рапортъ, въ которомъ между прочимъ писалъ: „во все время своей жизни въ Харьковѣ я получилъ только одно письмо отъ своихъ друзей и родныхъ и изъ него узналъ, что они получили мое письмо только черезъ три года. Есть нѣчто тяжелое въ этомъ обстоятельствѣ, что можно больше чувствовать, чѣмъ выражать словами: еще живой и

<sup>1)</sup> Харьк. унив. архивъ. Журн. права. 1812 г., май—августъ; засѣданіе 8 августа.

<sup>2)</sup> Ibidem; засѣданіе 1 августа; ср. также дѣло сов. 1812 г., № 44.

<sup>3)</sup> Ibidem, 1814 г., январь—апрѣль; засѣданіе 9 февраля.



умеръ для нихъ, и они для меня". Тоже случается, замѣчаетъ Швейкартъ, и съ другими профессорами, даже съ самимъ университетомъ, при чемъ указываетъ на какой то ящикъ съ рѣдкими камнями, отправленный два года тому назадъ въ Москву и до сихъ поръ не дошедшій до своего назначенія. Репортъ заключается слѣдующими замѣчательными словами: „что для тѣла кровь, для торговли—деньги, то—для науки общеніе идей“<sup>1)</sup>. Роммель пишетъ (въ 1814 г.): „тогда же я ожидалъ къ себѣ младшаго брата, который служилъ поручикомъ въ Вестфальской гвардіи и послѣ перехода черезъ Березину поцалъ въ плѣнь и вынесъ страшныя страданія. Сношенія черезъ почту были тогда такъ неисправны, что изъ семи его писемъ только одно дошло до меня. Когда же я послалъ ему деньги, чрезъ посредство ректора Виленскаго университета Снядецкаго, онъ перешелъ уже въ нѣмецкій легіонъ, образовавшійся подъ покровительствомъ Императора Александра I“.

Общее возбужденіе противъ иностранцевъ проникло и въ студенческую среду; мы видѣли, что студенты сочиняли пѣсни противъ Наполеона. Но иногда переходили отъ словъ къ дѣлу. На такой именно почвѣ (національной вражды) возникло и столкновение кандидата Глинскаго (русскаго) съ лаборантомъ профессора Гизе кандидатомъ Шуманомъ (нѣмцемъ). По объясненію Глинскаго, второй въ лабораторіи, въ присутствіи студентовъ и профессора, ударилъ перваго по лицу и далъ слѣдующее объясненіе своему поступку. „Давно уже замѣтилъ онъ ненависть нѣкоторыхъ изъ студентовъ этого университета къ иностранцамъ, которую они и ему, уроженцу прусскому, давали чувствовать при всякомъ случаѣ; въ послѣднихъ числахъ прошедшаго января разговаривали слушатели въ химической лабораторіи до прибытія профессора Гизе о политическихъ дѣлахъ и разгорячились до такой степени, что студентъ Конфичиковъ прямо назвалъ всѣхъ иностранцевъ подлецами; находясь въ то время въ аудиторіи, онъ слышалъ этотъ разговоръ и молча перенесъ все съ огорченіемъ. 1 февраля, по должности своей во время лекціи въ химической лабораторіи приготовлялъ онъ опыты. Во все это время кандидатъ Глинскій то дергалъ его, то толкалъ, то сзади уголья въ руки совалъ, то Конченымъ или Печендранскимъ называлъ (бывшій старый служитель, котораго въ лабораторіи этимъ именемъ всегда бывало дразнили). Пришлось ему держать льняное масло на огнѣ; когда профессоръ на время удалился, то приблизился студентъ Калиновскій и съ насмѣшкою плюнулъ въ кипящее масло, а онъ Шуманъ говорилъ ему, что это простительно развѣ только какому нибудь невоспи-

<sup>1)</sup> Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г., февраль, стр. 300.

танному мальчику, но не ему студенту, который долженъ быть образованнымъ человѣкомъ. Г. Калиновскій однакожь вмѣсто того, чтобы перестать неблагопристойно шутить, послѣ нѣсколькихъ колкихъ словъ плюнулъ во второй разъ, а онъ, Шуманъ, сказалъ ему, что если онъ не перестанетъ, то онъ обязанъ будетъ по должности своей рассказать объ этомъ профессору. Но и это на него не подѣйствовало и съ ругательными словами онъ плюнулъ въ третій разъ. Когда профессоръ Гизе вернулся, то онъ, Шуманъ, объяснилъ ему, что тутъ произошло, а Калиновскій не могъ не сознаться въ своей винѣ и получилъ отъ профессора надлежащій выговоръ. Этотъ его, Шумана, поступокъ сильно не понравился студентамъ. Они въ полъ-голоса самыми ругательными словами начали его бранить такъ, что онъ, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія и принужденъ былъ имъ сказать, что перваго, который его чести коснется, въ рожу ударить. Шумъ исподоволь увеличился до такой степени, что его замѣтилъ профессоръ и приказалъ строжайше имъ молчать—и все утихло; черезъ нѣкоторое время профессоръ удалился отъ нихъ на нѣсколько шаговъ и господинъ Глинскій началъ его, Шумана, бранить такими словами: „это правда, что нѣмцы всѣ с..... с....., всѣ они подлецы“. Услышавъ эти слова, онъ, Шуманъ, больше не помнилъ, что дѣлалъ, онъ былъ совершенно внѣ себя отъ оскорбленія его націи и чести; говорить, какъ будто онъ Глинскаго со всею силою ударилъ въ щеку; но онъ ничего не знаетъ и увѣренъ, что всякій на его мѣстѣ въ подобномъ случаѣ сдѣлалъ бы тоже самое. Оттого онъ и надѣется на ученое и справедливое правленіе университета, что оно обстоятельно разсмотритъ это дѣло и всепокорнѣйше проситъ поступить по закону съ ругателями иностранцевъ честнаго поведенія и усердной службы и тѣмъ прекратить обиды, которыя онъ долженъ былъ сносить отъ нихъ во время отпращиванія своей должности“. Отъ Глинскаго правленіе потребовало доказательствъ его обвиненія. Онъ сослался на собственное сознаніе Шумана, сдѣланное въ присутствіи ректора, непремѣннаго засѣдателя, синдика, профессора Гизе и всѣхъ очевидцевъ происшествія, совершенно отрицалъ, чтобы онъ дергалъ Шумана и ругалъ его; ничего не могъ сообщить по поводу обидъ, которыя якобы наносили Шуману другіе студенты, и высказывалъ удивленіе, что Шуманъ не выступилъ противъ нихъ съ жалобою къ начальству. Профессоръ Гизе показалъ, что неудовольствіе на Шумана студентовъ было вызвано тѣмъ замѣчаніемъ, которое онъ, Гизе, сдѣлалъ Калиновскому за его неумѣстный поступокъ (вообще же Калиновскій, по его словамъ, одинъ изъ прилежнѣйшихъ и старательнѣйшихъ студентовъ); къ этому онъ прибавилъ, что студенты дѣйствительно ругали Шумана, такъ что онъ долженъ былъ призвать ихъ къ порядку; за

тѣмъ послышался ударъ — онъ обернулся и увидѣлъ, что между Глинскимъ и Шуманомъ дѣло дошло до драки. Въ своихъ дальнѣйшихъ объясненіяхъ Шуманъ говорилъ, что онъ былъ доведенъ до своего поступка оскорбительными ругательствами Глинскаго и прочихъ студентовъ и готовъ присягою подтвердить, что его Глинскій обидѣлъ, что онъ, Шуманъ, небылъ зачинщикомъ въ этомъ дѣлѣ, и если онъ не можетъ подтвердить своихъ словъ свидѣтельскими показаніями, то потому только, что одни студенты дѣйствительно могли не слышать ругательствъ, другіе не желаютъ вмѣшиваться въ это дѣло, а третьи держатъ сторону Глинскаго въ качествѣ друзей и пріятелей. Присутствовавшіе въ правленіи члены подали слѣдующія заключенія. Профессоръ Швейкартъ, признавъ Шумана виновнымъ въ нанесеніи пощечины Глинскому, не могъ допустить, чтобы онъ сдѣлалъ это безъ всякой причины и потому предлагалъ спросить Глинскаго подъ присягою, не оскорблялъ ли онъ Шумана; что же касается наказанія, то проф. Швейкартъ считалъ возможнымъ примѣнить къ Шуману 18 статью устава Дерптскаго университета и заставить его испросить прощенье и заключить въ карцеръ. Роммель полагалъ, что въ подобныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о студентахъ и кандидатахъ, нужно примѣнять и школьный университетскій судъ, а не обращаться въ уголовную палату и предлагалъ испросить въ этомъ смыслѣ разъясненіе министра. Къ этому мнѣнію присоединились и всѣ остальные деканы (исключительно иностранцы) — Дрейсигъ, Швейкартъ и Делявинъ. Непремѣнный застѣдатель проф. Осиповскій высказалъ мнѣніе, что на основаніи 152 и 164 § университетскаго устава дѣло это нужно судить по общимъ узаконеніямъ; а по нимъ Шуманъ долженъ понести двойное наказаніе — вознаградить денежнымъ образомъ Глинскаго, какъ кандидата за безчестье, а „за дерзости и неуваженіе къ профессорской кафедрѣ получить наказаніе, соотвѣтственное причиненной имъ обидѣ мѣсту, которое по моему мнѣнію есть двукратная пощечина на площади при собраніи народа“. Правленіе по большинству голосовъ, рѣшило предоставить это дѣло, согласно предложенію проф. Роммеля, на благоусмотрѣніе министра. Министръ разъяснилъ, что такъ какъ и обвиняемый, и обвинитель — кандидаты университета, т. е. чиповники, состоящіе въ XII классѣ по должности, то поступить въ данномъ случаѣ согласно 154 § <sup>1)</sup> университетскаго устава. Правленіе основываясь на манифестѣ о поединкахъ, на уложеніи и городомъ положеніи выска-

<sup>1)</sup> По этому же параграфу устава „въ дѣлахъ уголовныхъ правленіе, учиня первоначальное изслѣдованіе, препровождаетъ оное и виновнаго съ мнѣніемъ своимъ въ то присутственное мѣсто, которому принадлежитъ сужденіе, но свидѣкъ допускаемъ быть долженъ къ застѣданію въ ономъ въ качествѣ денутата отъ университета.

зало мнѣніе, что съ Шумана слѣдуетъ взыскать двойной годичный его окладъ (600 рублей) и за неуваженіе къ лицу профессора и мѣсту заключить на 14 дней подъ стражу на хлѣбъ и воду, пріиславъ для этого особое помѣщеніе въ Университетѣ. Это мнѣніе оно представило въ Слободскоукраинскую палату уголовного суда. Туда же черезъ нѣкоторое время Глинскій подалъ заявленіе, что если съ Шумана будетъ присужденъ ему штрафъ, то онъ проситъ обратить его „въ пользу Россіи, разоренныхъ непріятельскимъ нашествіемъ или воиновъ израненныхъ при защитѣ отечества“ <sup>1)</sup>. Чѣмъ окончилось это дѣло, мы не знаемъ. Замѣтимъ только кстати, что этотъ самый Шуманъ сочинилъ въ 1814 г. музыку къ торжественной ораторіи профессора Н. Е. Срезневскаго на избавленіе Россіи „отъ лютаго и сильнаго врага“ <sup>2)</sup> (т. е. Наполеона) и ему же университетъ поручилъ съѣздить къ помѣщицѣ Ахтырскаго уѣзда Корсаковой и просить ея пѣвчихъ для исполненія этого произведенія на торжественномъ университетскомъ празднествѣ (епископъ Харьковскій Аполлосъ не согласился дать для этого своихъ архіерейскихъ пѣвчихъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что его хоръ состоялъ изъ вновь набранныхъ голосовъ и при занятіяхъ церковнымъ пѣніемъ не могъ разучить ораторіи) <sup>3)</sup>.

12-й годъ отразился, какъ мы видимъ, неблагопріятно на взаимныхъ отношеніяхъ мѣстной среды и профессоровъ иностраннаго происхожденія. Приведемъ теперь извѣстный намъ случай столкновеній той же мѣстной среды съ университетскими преподавателями, вообще независимо отъ народности этихъ послѣднихъ, какъ съ иностранцами, такъ и русскими.

Оказывается впрочемъ, что больше столкновеній было у иностранныхъ, чѣмъ у русскихъ профессоровъ. Несмотря на свою высшую культурность и образованность, нѣкоторые изъ иностранныхъ профессоровъ въ Харьковѣ позволяли себѣ кудачную расправу по отношенію къ лицамъ низшаго класса и состоянія. Такъ именно поступилъ проф. Пильгеръ, навеспій побой слугѣ извѣстнаго тогдашняго Харьковского и малороссійскаго писателя Григорія Ѳеодоровича Квитки. Этотъ послѣдній въ жалобѣ своей полицмейстеру писалъ: „Служащій у меня по найму Петербургскій цеховой поваръ Степанъ Тихоновъ вчерашняго числа вечеромъ былъ въ амбарѣ для забранія нужныхъ для кухни припасовъ,

<sup>1)</sup> Харьк. унив. архивъ. Журн. правл., 1813 г., январь—апрѣль; засѣданіе 6 февраля, 17 февраля, 3 марта, 7 апрѣля, 24 апрѣля; май—августъ; засѣданіе 30 іюля, 1814 г.; май—августъ; засѣданіе 9 іюля.

<sup>2)</sup> Чирикова. Указатель, стр. 19.

<sup>3)</sup> Харьк. унив. архивъ. Журн. правл., 1814 г., май—августъ; засѣданіе 9 іюля.

какъ пришедшій туда г. профессоръ здѣшняго университета Пильгеръ, по сосѣдству живущій, началъ его бранить яко-бы за неосторожность съ огнемъ и когда поваръ безъ всякой грубости началъ оправдываться ему, что онъ принесъ свѣчу въ фонарь, но Пильгеръ, не внимая, сему началъ его бить палкою жестоко, отъ коихъ побоевъ остались знаки. Представляя при семъ повара Тихонова къ вашему высокоблагородію, покорнѣйше прошу чрезъ кого слѣдуетъ описатьъ боевые его знаки учинить удовлетвореніе за обиду ему причиненную". Штабъ-лѣкаръ Романовскій, освидѣтельствовавъ Тихонова, нашель „на верхней части лба противъ праваго глаза и близъ соединенія лѣвой руки и плеча по одному замѣтному красноватому знаку, ниже плеча на той же рукѣ знакъ темно-краснаго цвѣта размѣромъ въ мѣдный пятакъ и на лѣвой лопаткѣ замѣтный желтоватый знакъ". Полицмейстеръ препроводилъ жалобу въ правленіе университета, которое потребовало отвѣта отъ проф. Пильгера. Этотъ послѣдній далъ слѣдующее обширное объясненіе. „Третьяго іюня въ 11 часовъ вечера нашель и въ каморкѣ подъ моимъ сѣннымъ сараемъ простаго человѣка прилѣпившаго къ мучному закрому зажженную свѣчу, и сильно его наказалъ побоями. Причины, по коимъ я столь строго обошелся, суть слѣдующія. 1) Я долженъ отвѣчать за всякій убытокъ, который въ нанятой мною квартирѣ можетъ послѣдовать отъ огня и принимать всевозможныя мѣры для отвращенія таковаго несчастія отъ себя и моего семейства. 2) Каждую ночь сходятся на мой дворъ безпрестанно мужики съ возами, солдаты, рекруты, бабы и пр., которые неосторожно обходятся съ огнемъ. Неоднократно уже прогонялъ и изъ конюшенъ кучеровъ, лакеевъ съ раскуренными трубками, зажженными свѣчами и калеными углями, кои они при себѣ имѣли. 3) Постоильцы въ большомъ Заруднинскомъ домѣ почти каждый мѣсяцъ перемѣняются вмѣстѣ съ ихъ служителями. Ледникъ подъ моимъ сѣннымъ сараемъ весьма опасное мѣсто отъ огня и если онъ загорится, то угрожаетъ пожаромъ всему двору; это и принуждаетъ меня каждый вечеръ принимать предосторожность въ отношеніи ходящихъ за льдомъ людей, кои обыкновенно имѣютъ при себѣ свѣчу безъ фонаря, потому что ледъ покрытъ большимъ количествомъ соломы. Нѣсколько уже разъ прогонялъ я изъ этого ледника горничныхъ дѣвокъ и солдатъ, которые имѣли при себѣ зажженные свѣчи. 4) Пожары въ домахъ Матеса, Буликовскаго, Свисаревскаго, Войтенкова произошли отъ неосторожнаго обращенія съ зажженными свѣчами и горищимъ угольемъ, чѣмъ самимъ цѣлый городъ приведенъ былъ въ страхъ и смятеніе. 5) Въ продолженіе 3-хъ лѣтъ случился уже на моемъ дворѣ 4 раза пожаръ, но къ счастію каждый разъ его успѣвали потушить. Въ 1-й разъ 4-го іюни

1811 года, когда дворецкій въ кухнѣ сосѣдняго каменнаго зданія выжигалъ изъ 3-хъ пудовъ алебастру известъ и когда уже стѣнныя доски начали горѣть, но я со своими людьми погасилъ пожаръ. Г. полицеймейстеръ прямо тогда насупротивъ меня жилъ и не удостоилъ однажды розыскомъ въ такой опасности, которая угрожала всему городу. Въ другой разъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года начало горѣть въ 12 часовъ ночи крыльцо большого дома во дворѣ, ведущее въ нижнюю залу, потому что истопникъ поставилъ подъ нею горшокъ съ горящими угольями. Третій случай всѣмъ извѣстенъ въ городѣ. Домашній слуга растапливалъ на огнѣ въ кухнѣ занимаемаго мною дома сало; пламя бросилось въ трубу и тогда всѣ городскія пожарныя трубы должны были быть приведены въ движеніе. Въ 4-й разъ въ ноябрѣ этого года отъ неосторожности загорѣлся потолокъ въ горницѣ князя Кантемира. Люди мои погасили этотъ пожаръ. 6) Такъ какъ здѣшняя градская полиція не мало не помышляетъ о своихъ обязанностяхъ, ибо ни одного разу въ ночную пору, когда я въ подобныхъ пожарныхъ случаяхъ посылаю въ полицію, ни одного полицейскаго офицера тамъ не находили, то я вынужденнымъ нашелся объявить, что всякій, кто на моемъ дворѣ будетъ неосторожно обращаться съ огнемъ и горящими свѣчами, будетъ мною побитъ. Почему для собственной своей и всего города безопасности сдержалъ я свое слово. А почему и объявляю, что всякаго, пойманнаго мною въ такой оплошности, ожидаетъ подобная же участь. Изъ этого слѣдуетъ, что если здѣшняя полиція по учиненіи напередъ безпристрастной оцѣнки всего моего движимаго имѣнія внесетъ въ университетъ на сохраненіе нужную сумму денегъ для моего обезпеченія отъ пожара, то въ такомъ случаѣ я хладнокровно смотрѣть буду на могущій случиться пожаръ. Но я того не понимаю, какимъ образомъ г. капитанъ Квитка вмѣшивается не въ свое дѣло или какимъ образомъ полиція дѣлается его прокураторомъ. То несправедливо, что у него есть поваръ, потому что ему нечего варить; ему слѣдовало бы въ фигуральномъ смыслѣ называть своимъ поваромъ каждаго, кто въ какомъ либо обѣдѣ для него варить кушанье или же г. титулярный капитанъ долженъ былъ бы имѣть у себя и титулярнаго повара, о которомъ ни я, ниже другой кто либо ничего не знаемъ. Впрочемъ онъ не имѣетъ ни одной человѣческой души, которая бы ему принадлежала и которой бы онъ могъ приказать: „сгони муху съ моего носа!“ Вотъ мое объясненіе, которое я, если означенный поваръ приведенъ будетъ въ полицію для допроса, многими свидѣтелями доказать въ состояніи“. Это объясненіе въ высшей степени характерно: онъ ярко рисуешь намъ и несдержанный характеръ Пильгера, и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе должныхъ заботъ со сто-

роны полиціи относительно противопожарныхъ мѣръ, побуждавшее болѣе энергичныхъ обывателей прибѣгать къ экстраординарнымъ средствамъ для огражденія собственной и общегородской безопасности. Пильгерь не только сознался въ томъ, что онъ побилъ Тихонова, но и прибавилъ еще, что и впредь намѣренъ поступать такимъ образомъ, если полиція не будетъ ограждать его отъ опасности пожара; тутъ прямой вызовъ по адресу полиціи. Фактъ грубой кулачной расправы со стороны Пильгера остается на лицо; онъ не только не скрываетъ его, а даже подчеркиваетъ, афишируетъ его. Ему нѣтъ никакого дѣла до личности пострадавшаго; онъ даже не останавливается особенно на обстоятельствахъ даннаго дѣла, а говоритъ главнымъ образомъ о прежнихъ случаяхъ, вызвавшихъ его вынѣшнюю вспышку, хотя въ нихъ Тихоновъ совершенно неповиненъ. Въ своихъ полемическихъ приѣмахъ онъ забывается до того, — и это производитъ отталкивающее впечатлѣніе, — что начинаетъ издѣваться надъ бѣдностью Григоріи Ѳеодоровича Квитки, который тогда уже начиналъ приобретать личную извѣстность въ Харьковѣ и во всякомъ случаѣ былъ однимъ изъ наиболѣе почтенныхъ представителей мѣстнаго харьковскаго дворянства. Нужно пояснить, что Григорій Ѳеодоровичъ Квитка дѣйствительно былъ небогатый человекъ, хотя и принадлежалъ къ очень состоятельной семьѣ: единственнымъ его ресурсомъ былъ капиталъ въ 40000 рублей, полученный за проданное имѣніе <sup>1)</sup>.

Любопытно постановленіе по этому дѣлу правленія университета; оно стало на формальную точку зрѣнія. Такъ какъ выяснилось, писало оно въ своемъ заключеніи, что Тихоновъ не крѣпостной человекъ Г. Ѳ. Квитки, а свободный петербургскій цеховой, то пусть или самъ онъ возбуждаетъ дѣло противъ проф. Пильгера, или пришлетъ своего довѣреннаго. Но Тихоновъ, очевидно, убоялся этой новой судебной волокиты и по всей вѣроятности отказался отъ иска; по крайней мѣрѣ продолженія дѣла въ нашемъ документѣ не оказывается <sup>2)</sup>.

Шадъ также отличался несдержаннымъ характеромъ, и былъ одинъ случай, когда онъ въ запальчивости побилъ слугу проф. Дрейсига. Дѣло было такъ. Въ 1808 году на него въ правленіе поступила жалоба изъ полиціи (а онъ былъ въ то время деканомъ), что онъ нанесъ тяжкіе побои палкою слугѣ профессора Дрейсига Семену Цыганенкову (отпущенному на волю помѣщицей Суровцовой). „Нахожусь я нижепоименованный, писалъ Цыганковъ, по найму у профессора Императорскаго

<sup>1)</sup> Данилевскій. Украинская старина, стр. 212.

<sup>2)</sup> Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1813 г. № 793/40.

Харьковского университета Дрейсига и вчерашняго числа въ сумерки живущій противъ квартиры хозяина моего помѣщикъ Иванъ Степановичъ Сребдольскій, увидя меня позвѣвъ воротъ моей квартиры стоящаго, просилъ меня, дабы я сбѣжавшую изъ дома его Сребдольскаго собаку убилъ (поелику де она взбѣсилась); собаку эту, взбѣжавшую во дворъ квартиры хозяина моего, я убилъ, но квартирующій въ этомъ же домѣ профессоръ Харьковского университета Шадъ безъ всякой моей предъ нимъ вины выбѣжа изъ комнаты билъ меня нещадно имѣющею у него въ рукахъ палкою и причинилъ мнѣ тѣмъ боемъ на плечахъ и рукахъ багровые знаки и великое увѣчье. Въ доказательство обиженный сослался на багровые знаки, оставшіеся отъ побоевъ на его плечахъ и рукахъ, и на бывшихъ при томъ свидѣтелей—помѣщика Ивана Сребдольскаго и профессора Коритари съ семействомъ. Свидѣтельствовавшій раны штабъ-лѣкаръ Романовскій объяснилъ, что онъ дѣйствительно нашелъ чегыре краснобагровыхъ знака. Полиція препроводила все дѣло по подсудности обвиняемаго въ правленіе университета, которое поручило перевести представленныя документы на нѣмецкій языкъ и потребовать на нихъ объясненія Шада. Шадъ далъ слѣдующее любопытное показаніе: „16 сего іюля будучи у проф. Дрейсига, писалъ Шадъ, видѣлъ въ присутствіи его, г. профессора, около 4-хъ часовъ пополудни кучера его (то-есть упомянутаго просителя), бившаго и дѣйствительно убившаго собаку, принадлежавшую хозяину дома, въ которомъ живетъ онъ Шадъ и такъ какъ эта собака убита была и оставлена на дворѣ дома его Шада, въ коемъ живетъ теперь проф. Дрейсигъ, то онъ Шадъ, приказавъ убившему собаку кучеру стащить ее со двора и бросить въ рѣку, самъ уѣхалъ. Возвратившись же потомъ около 9 часовъ увидѣлъ, что собака лежала на проезжей дорогѣ подлѣ его дома вся въ иѣнѣ и въ крови и потому усмотрѣлъ, что она была бѣшеная. Почему онъ Шадъ, опасаясь ужасныхъ послѣдствій, могущихъ произойти въ томъ случаѣ, когда бы отъ нея заразились другія животныя, пришелъ опять къ г. Дрейсигу, чтобы спросить его какъ медикъ, опасенъ ли этотъ случай, и онъ также подтвердилъ, что весьма опасно лежать на улицѣ въ иѣнѣ брошенной собакѣ; по каковой причинѣ призвали они сказаннаго кучера и строго ему приказали отнести собаку въ безопасное мѣсто; но такъ какъ онъ былъ пьянъ и началъ ругать его г. Шада и г. Дрейсига не выполняя ихъ приказанія, то онъ Шадъ въ отвращеніе опасности, угрожавшей общему спокойствію отъ зараженія прочихъ животныхъ отъ этой собаки, нашелся вынужденнымъ сдѣлать поминутому кучеру нѣсколько ударовъ палкою чтобы заставить свести собаку въ безопасное мѣсто, думая во время ночи (когда отъ полиціи



помощи просить не могъ и когда, какъ извѣстно, медленность была опасна), лучше все возможное употребить, нежели нерадѣть о всеобщемъ спокойствіи и благосостояніи, особливо же когда собака убита была на его дворѣ и отъ нея произошли бы худыя слѣдствія, за что онъ долженъ былъ бы подвергнуться отвѣтственности. Ударами принудилъ я его сдѣлать то, что неминуемо нужно было исполнить, чего онъ прежде по доброй волѣ сдѣлать не хотѣлъ. Вотъ простое и чистосердечное описаніе происшедшаго дѣла. Если бы я побилъ этого человека, будучи побуждаемъ какою либо приватною причиною, то подлинно былъ бы достоинъ штрафа, но изъ всего этого дѣла явствуетъ, что я для блага общаго учинилъ то, что прилично каждому доброму гражданину въ такомъ случаѣ, когда всеобщее спокойствіе находится въ опасности и когда онъ помощи отъ полиціи требовать не можетъ, т. е. употребить силу для отвращенія опасности гражданъ, если по доброй волѣ ее получить не можетъ. Всѣмъ знающимъ гражданскіе дѣла извѣстно, что гдѣ страждетъ всеобщее спокойствіе, гдѣ медленность бываетъ опасна и гдѣ полиціи требовать на помощь невозможно, тамъ всякій добрый гражданинъ имѣетъ право и долженъ дѣйствовать употребляя силу, если по доброй волѣ не можетъ получить того, чѣмъ бы можно отвратить общую опасность. Такъ какъ это правило въ настоящемъ дѣлѣ имѣетъ мѣсто, то я за себя столь спокоенъ, что готовъ отвѣтить въ этомъ передъ цѣлымъ свѣтомъ и предъ всѣми, кто имѣетъ хотя малое понятіе о градоправительствѣ и о защитѣ общей безопасности. Не могу я обойти молчаніемъ и того, что въ обвиненіи находится много лжи и клеветы, — лжи, ибо проситель утверждаетъ, что убилъ собаку ночью, но проф. Дрейсигъ можетъ засвидѣтельствовать, что это было въ 4 часу пополудни; отъ 4 до 9 часу у него было достаточно времени, чтобы оттащить собаку; *клеветы*, ибо онъ утверждаетъ, будто я его столь сильно прибилъ, что онъ ни къ какой работѣ не способенъ; это клевета, какъ видно даже изъ свидѣтельства врача, что нашелъ при осмотрѣ 4 красныхъ знака; этому я легко вѣрю, такъ какъ когда я его билъ палкою, на немъ не было никакой верхней одежды; за эту клевету, если онъ тотчасъ не успокоится, я буду требовать передъ судомъ достойнаго ему наказанія". Правленіе выслушавъ это объясненіе, постановило допросить еще проф. Коритари и Дрейсига, на которыхъ ссылались обѣ стороны. Проф. Коритари далъ слѣдующее объясненіе: „Неосторожная ссылка крестьянина Семена Цыганкова на мое свидѣтельство кажется мнѣ чрезвычайнымъ дѣломъ, ибо я съ упомянутымъ человекомъ никогда не говорилъ ни одного слова и только впервые увидѣлъ его 16 прошедшаго іюня во время учиненнаго имъ

противнаго должности его проступка. Въ отсутствіе мое этотъ Цыганковъ по просьбѣ г. Ивана Сребдольскаго, которому принадлежала собака, убилъ эту послѣднюю на дворѣ проф. Шада. Когда же я въ вечеру возвращаясь къ себѣ домой, то услышалъ подѣ моими окнами внятную сильную брань и грубое ругательство. Одинъ полицейскій десятникъ старался побудить Цыганкова сперва ласкою, а потомъ и настоящими угрозами къ тому, чтобы онъ лежащую посреди улицы передѣ моими окнами убитую собаку стащилъ въ другое какое либо мѣсто. Но Цыганковъ ни за что не хотѣлъ къ этому приступить, а продолжалъ ругать полицейскаго служителя, съ которымъ подѣ конецъ хотѣлъ даже подраться. Во время ихъ спора увидѣлъ я проф. Шада, возвращавшагося домой около 9 часовъ вечера и приближавшагося къ Цыганкову съ повторительною просьбою, чтобы онъ съ вѣдома проф. Дрейсига и по его просьбѣ отнесъ куда нибудь въ отдаленное мѣсто убитую собаку и наконецъ, когда уже проф. Шада увидѣлъ, что всѣ его просьбы не могли побудить этого грубаго человѣка, особенно когда того требовала общая безопасность, чтобы таковая падала въ самоскорѣйшемъ времени была отнесена въ иное мѣсто, то онъ, подѣ вліяніемъ этого упрямаго и ругающагося человѣка (Цыганкова) понудилъ къ отнесенію собаки посредствомъ нѣсколькихъ ударовъ палкою. Въ отвѣтъ на это Цыганковъ подвинулъ было собаку съ тѣмъ, чтобы бросить ее на проф. Шада съ ругательными словами. При этой сценѣ находилось множество народа, проходившаго по улицѣ и тутъ останавливавшагося, который былъ приведенъ этимъ въ огорченіе и понудилъ Цыганкова унести собаку. Все это какъ очевидецъ въ этомъ дѣлѣ могу и должнымъ образомъ засвидѣтельствовать“.

А вотъ какое объясненіе далъ проф. Дрейсигъ.

„Нижеподписавшійся по долгу и совѣсти свидѣтельствуетъ слѣдующее въ оправданіе противу нѣкоторыхъ пунктовъ прошенія подавнаго бывшимъ его кучеромъ Семеномъ Цыганковымъ противу г. профессора Шада. 1) Что убитая сказаннымъ Семеномъ Цыганковымъ на дворѣ проф. Шада собака по всѣмъ примѣтамъ была бѣшеная, а посему общему благоденствію могла нанести великій вредъ, если бы осталась влѣющеюся на такомъ открытомъ мѣстѣ. 2) Что упомянутый Семенъ Цыганковъ тогда какъ убилъ ту собаку находился совершенно въ пьяномъ видѣ отъ похищенныхъ у меня двухъ склянокъ рому, былъ прошенъ съ ласкою профессоромъ Шадомъ, чтобы отнесъ убитую собаку въ особенное отдаленное мѣсто, гдѣ никакого вреда воспослѣдовать отъ нея не могло и что тогда уже получилъ онъ отъ руки проф. Шада нѣсколько легкихъ ударовъ палкою, когда таща собаку положилъ ее

при дверяхъ дома профессора и началъ ему грозить и даже осмѣлился поднять палку на профессора и на меня самого. 3) Что багровые знаки на тѣлѣ Семена Цыганкова, засвидѣтельствованные однимъ изъ здѣшнихъ городскихъ лекарей, не должны быть приняты на счетъ побоевъ, полученныхъ имъ отъ руки профессора Шада, но суть послѣдствія дракъ, кои имѣлъ въ продолженіе трехсуточного пьянства куверъ Семень Цыганковъ съ его собственною женою, ибо оба они почти безпрестанно посылъ на себѣ таковыя боевыя знаки. 4) Что въ высочайшей степени несправедливо сказанное въ прошеніи Семена Цыганкова, будто бы проф. Шадъ помянутаго Цыганкова изувѣчилъ, ибо этотъ послѣдній еще нѣсколько недѣль послѣ сего происшествія находился у меня въ услуженіи и ежедневно со мною ѣздилъ и другія работы исправлялъ и только вчерашняго дня за безпрестанное его пьянство отъ меня отпущенъ<sup>1)</sup>. Во второмъ своемъ объясненіи проф. Шадъ отмѣтилъ еще незаконный ходъ слѣдствія по этому дѣлу. Полиція, по его словамъ, не должна была принимать жалобы отъ Цыганкова и поручить освидѣтельствованіе его ранъ врачу, такъ какъ по уставу онъ Шадъ подлежитъ исключительно вѣдѣнію университетскаго правленія, куда непосредственно и должна была поступить его жалоба. Въ силу всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ дѣло повидимому окончилось ничѣмъ. Да и не могло окончиться иначе, потому что свидѣтельскія показанія были все въ пользу Шада<sup>4)</sup>.

Проф. Дегуровъ также однажды побилъ свою служанку, крѣпостную кн. Вярятинскаго Варвару Птичкину и обрѣзалъ ей волосы, а она отъ стыда и огорченія поѣхалась. Самъ Дегуровъ по этому поводу показаль слѣдующее. 28 іюля онъ ударилъ Варвару за отлучку съ горницы рукою разъ шесть по обѣимъ щегамъ, а 29 числа поутру приказаль служанкѣ Мартиновой отрѣзать у нея косу за то, что она забременѣла и была вообще худого поведенія; надавалъ онъ ей пощечинъ въ пылу раздраженія и можетъ быть далъ бы и больше, если бы не одумался, вспомнивъ, что она беременна; вслѣдъ за этимъ едва онъ вышелъ со двора, какъ она повѣсилась на платкѣ. Свидѣтели—все слуги проф. Дегурова, крѣпостные разныхъ помѣщиковъ (у него было много прислуги, потому что онъ держалъ женскій пансіонъ)—въ общемъ подтвердили это показаніе; одна изъ свидѣтельницъ прибавила, что, ударивъ Варвару, Дегуровъ порусски сказалъ: „хорошо, завтра“, изъ этого видно, что онъ тогда же рѣшилъ обрѣзать ей волосы на слѣдующее

<sup>1)</sup> Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1808 г., май—августъ, засѣданіе 9 и 30 іюля; дѣло правл. 1808 г., № 372.

утро, что и было сдѣлано въ его спальнѣ; послѣ чего онъ опять сказалъ порусски: „вотъ де хорошо!“; сама Варвара не имѣла грустнаго вида—напротивъ была довольна и весела. Раньше ее Дегуровъ не билъ. Правленіе университета высказало слѣдующее *мнѣніе* по этому дѣлу: хотя Варвара Птичкина и была беременна, но проф. Дегуровъ своими побоями не нанесъ вреда ея беремености, нельзя его считать и виновникомъ ея самоубійства, потому что обращался онъ съ нею, равно какъ и съ другими слугами, не жестоко, а узнавъ о ея беремености рѣшили имѣть о ней особое попеченіе и передъ самоубійствомъ не утруждали ее наказаніями. Дѣло это было передано сначала въ уѣздный судъ, а потомъ въ уголовную палату. Любопытно было объясненіе, которое подано было проф. Дегуровымъ въ 1810 г. на вопросы, предложенные палатой: „Слободскоукраинская палата уголовного суда спрашиваетъ меня, для чего звалъ я 18 іюля 1807 году въ вечеру дѣвку Варвару Птичкину въ то время, какъ прочіе служители ужинали. На это честь имѣю отвѣчать палатѣ, что было обыкновеніе въ пансіонѣ, состоявшемъ тогда подъ моимъ управленіемъ, требовать, чтобы одна дѣвка всегда находилась безотлучно около дѣвицъ въ то время, когда прочіе служители ужинали и такъ какъ это была обязанность, отъ которой онѣ отклонялись, если только могли это сдѣлать, то я нерѣдко принужденъ бывалъ звать ихъ, чтобы къ этому принудить. По такой же причинѣ могло быть, что и была позвана Варвара Птичкина; однако я этого не утверждаю навѣрное, по прошествіи трехъ лѣтъ я не могу вспомнить, для чего такого то именно дни и часа я имѣлъ надобность звать служителя. Впрочемъ, слуга всегда состоитъ подъ начальствомъ своего господина и этотъ послѣдній имѣетъ право звать его, когда ему ни заблагоразсудится. Касательно второго вопроса палата найдетъ мое оправданіе, во 1-хъ, въ изложеніи, каковое я сдѣлалъ 30 іюля 1810 года во 2-хъ, въ допросахъ, учиненныхъ моимъ служителямъ, въ 3-хъ, въ отвѣтѣ моемъ 2-го января 1808 г. на вопросные пункты Харьковскаго уѣзднаго суда. Палата усмотритъ изъ этихъ бумагъ, что Варвара Птичкина не находилась въ моемъ домѣ тогда, когда я ее звалъ, и что она вошла въ него перелѣзши черезъ ограду, и что въ то время, когда я увидѣлъ ее, будучи преисполненъ негодованія вслѣдствіе худого примѣра, ею подаваемого, я не могъ воздержаться, чтобы не ударить ее нѣсколько разъ по щекамъ, что поведеніе ея было нѣсколько разъ предметомъ выговоровъ, кои я могу назвать отеческими, что когда беременность ея стала мнѣ извѣстна, я дѣлалъ все возможное чтобы уговорить ее жить честнѣе и исполнять относительно своего дитяти всѣ обязанности матери, что, не взирая на мои совѣты, она по прежнему продол-

жала вести непорядочную жизнь и что тогда дабы ее принудить по крайней мѣрѣ какимъ либо стыдомъ болѣе не отлучаться изъ дому, я учинилъ ей семейственное, а не публичное наказаніе, наказаніе невинное, каковое никакимъ закономъ въ Россіи не запрещено, которое нельзя назвать противочеловѣческимъ, которое во всякомъ случаѣ не имѣло печальныхъ послѣдствій и только на нѣсколько мѣсяцевъ раньше дало дѣвкѣ Варварѣ Птичкиной тотъ видъ, который подруги ея принудили бы принять, сходно съ обыкновеніемъ этой страны, послѣ родовъ. Палата также можетъ усмотрѣть изъ бумагъ, что въ то время я имѣлъ довольно значительный пансіонъ, состоявшій изъ дѣвицъ, что всѣ мои служители, исключая однако, были женскаго пола и что слѣдовательно примѣры порочнаго поведенія часто повторяемые ею, оставляемые безъ наказанія, клонились и къ истребленію добрыхъ нравовъ дѣвицъ, попеченіямъ моимъ вѣрныхъ, и служителей, коихъ родители ихъ къ нимъ опредѣлили. И такъ я долженъ былъ пещись объ исправленіи этой дѣвки такимъ наказаніемъ, которое бы не вредило беременному ея состоянію, и когда бы я этого не сдѣлалъ, то остался бы виновнымъ въ другомъ отношеніи. Сверхъ этихъ обстоятельствъ палата изъ показанія моихъ служителей удостовѣриться можетъ, что я не заставляю состоящихъ у меня служителей терпѣть нужду, что я обхожусь съ ними благосклонно и что я даже не употреблялъ противъ нихъ, дабы привести ихъ въ должный порядокъ, мѣръ строгости, кои позволяютъ мнѣ законы. Имѣю честь отвѣтствовать палатѣ на третій ея запросъ, что я рѣшился употребить право господина надъ моею служанкою по слѣдующимъ причинамъ. Дѣвка Птичкина принадлежала мнѣ потому, что дана мнѣ была его сіятельствомъ княземъ Барятинскимъ. 20-го января 1808 г. я отослалъ въ Харьковскій уѣздный судъ въ отвѣтъ на его запросъ многія законныя бумаги, утверждающія дѣло это положительнымъ образомъ и удостовѣряющія, что благородное семейство, коему до этого времени Варвара Птичкина принадлежала, никакого притязанія относительно ея не имѣетъ и что кромѣ того я получилъ потомъ еще трехъ дѣвицъ, у меня нынѣ находящихся. Касательно послѣдней статьи вопросовъ палаты я просилъ правленіе Императорскаго Харьковскаго университета, чтобы оно благоволило на нее отвѣчать. Надѣюсь, что документы съ прочими бумагами слѣдственнаго дѣла и моими отвѣтами будутъ достаточны къ моему оправданію въ глазахъ палаты и докажутъ ей, что въ дѣлѣ, суду ея представленномъ, я ни въ чемъ не отступилъ отъ правилъ справедливости ниже чести <sup>1)</sup>).

(1) А) Харьковскій университет. архивъ. Журн. правл. 1807 г., май—августъ, за-  
сѣданіе 2 августа; 1810 г., май—августъ; засѣданіе 4 августа.